

культурно просветительская газета: выходит раз в месяц

С ПРАЗДНИКОМ, МЕГИОН!

Как всегда – не знаю с чего начать. Столько разных мыслей в голове бродит. Уже вроде бы глупо. Хотя... Смотрю...

Поезд. Ночь. Тихо. Одна мысль пронзает – «Я ДОМА!!!»

Солнце в упоении начинает биться о грудную клетку в несколько раз быстрее. Выхожу на перрон. Несколько шагов и уже столько воспоминаний вокруг. Каждый новый взгляд – новая вспышка в памяти. Вот здесь мы фотографировались с шариками на первое мая, здесь – жила моя лучшая подруга, здесь – на этой самой лавочке, был мой первый поцелуй, и это всё прекрасно... Каждая улица, каждый дом, каждый камушек хранят воспоминания моего безоблачного детства, моей весёлой молодости...

Иду дальше. Школа... Много можно потратить ненужных слов, чтобы описать что для меня МОЯ ШКОЛА. Но лучше всего просто сказать, этим до боли знакомым стенам – «СПАСИБО!» За то что обучали, помогали, согревали, воспитывали... И теперь храните эти мои детские тайны. Возвращаясь сюда, понимаешь, как дорог тебе каждый кирпичик небольшого трёхэтажного здания.

Жизнь безумная закружит тебя опять в круговороте времени. Опять дела, спешить, бежишь, летишь... Большие города, новые люди, интересные встречи, невероятные впечатления... Кидаешься в омут с головой. Новое всегда завораживает, опьяняет и уже невозможно остановиться. Но человеку иногда требуется покой, чтобы найти гармонию внутри себя. И он возвращается домой: в маленький городок далеко на севере.

Казалось, ещё вчера я гуляла по городу, по этим самым улицам, и не думала о том, что мир такой огромный. Раньше мне казалось, что мой город большой, очень большой – и это был мой мир. А теперь это часть моего мира, живущая в моём сердце неизгладимо тёплым и добрым воспоминанием.

Всё меняется не стоит на месте. Вот и мой город изменился... Интересно наблюдать за его взрослением: появляются новые дома, новые улицы, новые люди... Да и сама жизнь не стоит на месте. Внутри я тоже меняюсь. Становлюсь старше и начинаю понимать многие вещи до этого мне непонятные. Самое важное я поняла, что родной город не заменят никакие Париж или Лондон. Ведь родное – это значит от сердца, частичка которого навсегда останется здесь, в моём городе МЕГИОНЕ...

Катерина МУЛЮКИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Писательская трибуна

В. Бондаренко. Поэзия конца империи – стр. 4

Наша презентация

«Художник в наше время более широкое понятие, чем просто человек, умеющий рисовать» – стр. 6

«Выдающиеся свершения делались огромным числом людей самых разных профессий» – стр. 7

Сорокалетию Мегионской нефти посвящается – стр. 7

Мегионской центральной библиотеке – 50

Библиотека – это наша жизнь – стр. 8

Преданный читатель первой городской – стр. 10

Литературные встречи – стр. 11

Полет Стрижа

О стройотряде – стр. 12

Проба пера

Екатерина Мулюкина – стр. 13

Виктория Максимова – стр. 13

Проза

Рашиля Максимова. Я снова живу – стр. 14

Иван Рынковой. Исповедь «железного» Бати – стр. 36

Поэзия

Валерий Акимов – стр. 15

Елена Храпова. День уходящий... – стр. 26

Татьяна Юргенсон. ...Я наивная, себе верю – стр. 35

Краевед

Большие дела маленького музея – стр. 16

Историческая справка о Мегионе – стр. 18

В мире музыки

Святая к музыке любовь – стр. 17

Магия «Русских узоров» – стр. 41

Экспедиция

Последние мгновения тишины озера Самот-Лор – стр. 20

Где-то на Агане или свихнувшиеся будни неугомонных туристов (окончание) – стр. 43

Событие

Дни Кирилла и Мефодия в Самаре – стр. 27

В свете раппы

Театральная весна – 2004 – стр. 30

В мире художников

На прородину идут босиком – стр. 44

Вести от художников

Все великие художники когда-то были маленькими – стр. 46

Герои портретной галереи – 47

Наша Афиша

Слово редактора

Здравствуй, уважаемый читатель!

Каждый раз жизнь преподносит какие-нибудь сюрпризы. Вот, например, работаешь, работаешь над очередным выпуском газеты и вдруг понимаешь, что из обычного рядового номера со множеством авторов и, соответственно, самыми разными точками зрения, получается что-то единое. Так случилось осенью, когда вышел номер, посвящённый теме «Легко ли быть русским сегодня», так случилось и с этим номером. Его тему определили три юбилейных даты, празднование которых прошло в Мегионе в июне.

40 лет со дня отправки первой промышленной Мегионской нефти, 40 лет со времени создания НПУ «Мегионнефть» и 40 лет со дня присвоения Мегиону статуса посёлка.

Казалось бы, какое отношение ко всему этому и «Глаголь»? Однако, все эти даты напрямую связаны с историей города и всего региона, это по самым скромным определениям. А вопросы истории нашу газету очень интересуют. Но дело не только в исторических фактах и воспоминаниях. Эти даты всколыхнули общественность и в результате появились новые книги, написаны новые работы художниками и прошли удивительные встречи. Именно о творческих событиях связанных с юбилейными датами читатель «Глагола» узнает из этого номера.

К сожалению, июньские торжества несколько затмили собой майские события, и в этом достаточно толстом номере просто не хватило места для рассказа о них. А в конце весны произошло немало замечательных событий. Например, Художественный коллектив «Вдохновение» стал обладателем Гранта губернатора, прошла интересная персональная выставка молодой мегионской художницы Елены Горностай, прошли многочисленные отчётные концерты в школах искусств и многое другое. Но мне кажется, ещё будет время и повод вернуться к разговору о них в следующих номерах.

Кстати, о следующих номерах. Впереди ещё два летних месяца, которые большинство из нас проведут в отпуске. А отпуск – это обязательно новые путешествия, встречи и какие-нибудь удивительные события где-то там... И может быть осенью появятся новые интересные рассказы-впечатления на тему «Как я провёл лето».

«Глаголь» тоже берёт тайм-аут для летних путешествий, и следующий номер выйдет уже в конце сентября. Говоря эти слова очень хочется постучать по деревяшке, чтобы не сглазить и не нарушить существующие планы и идеи. Но о них в следующих номерах...

А пока, хочу пожелать вам приятного общения с этим номером газеты, а также замечательного отдыха в предстоящие месяцы.

Татьяна ЮРГЕНСОН

Летописец любви

ГОСТЬ ГОРОДА

В гостях у мегионцев

Постоянные читатели «Глагола» уже должны были привыкнуть к тому, что в Мегион частенько приезжают известные в России (а некоторые и за рубежом) современные писатели. Вот и в июне нас посетил человек, чье имя знатокам современной литературы может быть хорошо известно. Это Станислав Александрович Золотцев, член Союза писателей СССР с 1975 года. Сначала он стал известен как поэт, тонкий лирик, затем в центральных литературных изданиях стали появляться его прозаические вещи, литературоведческие работы. Сейчас уже трудно определить, какая из граней его литературного творчества заслуживает более пристального внимания: поэтическая, прозаическая, переводческая или исследовательская.

К настоящему времени у него выпущено уже более двух десятков авторских книг, часто его публикуют журналы «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», литературные журналы северо-запада России.

По образованию Станислав Александрович переводчик и исследователь англоязычной литературы, сначала изучил романо-германские языки (английский, французский, итальянский, немецкий), защитил диссертацию по современной литературе Англии, работал преподавателем в вузе. Затем, работая в Индии, в Афганистане, изучил фарси, стал также знатоком и переводчиком восточной литературы. Поскольку родился и вырос в Псковской области, на земле, где перемешаны многие славянские, угрофинские и прибалтийские народы, с детства владеет русским, польским, украинским языками и исчезающим языком маленького угорского народа *сето*.

Биография самого Золотцева могла бы стать материалом для интересного приключенческого романа. После окончания института он работал переводчиком в Индии, где познакомился со многими интересными людьми, в том числе общался с жившим там Святославом Рерихом и его женой. Вернувшись в СССР, стал работать над диссертацией, готовился защищать её – и был призван в армию. В министерстве обороны лежал запрос на переводчика для северного морского флота. Однако, прибыв туда по

направлению, Золотцев узнал, что переводчики там были нужны год назад, а больше – не требуются. Но не отменять же приказ министра обороны о направлении его в часть! И молодого переводчика переучили на лётчика морской авиации. Таким образом, он стал летать на МИГах, охраняя северную границу нашей родины.

Отслужив, защитил диссертацию, преподавал в вузе, мог сделать хорошую научную карьеру, но почувствовал мощную тягу к литературе, и желание писать самому одержало верх. В 1975 году он, тридцатилетний поэт, был принят в Союз писателей. На то время он имел, пожалуй, самое хорошее образование из молодых писателей, а также был офицером, поэтому в правлении Союза писателей его заметили сразу и стали доверять работу в секретариате. В 1976 году впервые ему было доверено работать на семинаре молодых литераторов, и его крещение в качестве руководителя начинающих поэтов и прозаиков состоялось в Ханты-Мансийске, благодаря чему его отношение к Ханты-Мансийскому округу несколько особое, более внимательное.

Потом его снова призвали в армию – на этот раз в Афганистан, в качестве переводчика. Прослужил там всего два месяца, но получил тяжёлое ранение, и почти год провёл в госпиталях.

Затем снова вернулся в литературу, руководил одновременно Московской городской писательской организацией и писателями Псковской области, был секретарем Союза писателей СССР, России. Был членом Совета народных депутатов СССР, Российской Федерации, в 1993 году был среди тех, кто пытался защитить Белый дом от наступления сторонников Ельцина.

К концу девяностых годов он по состоянию здоровья оставил работу в секретариате Союза писателей России, как он говорит, теперь его должность – русский писатель, и нет звания выше.

В наш город он приехал для того, чтобы поработать над рукописью Храповой Елены, помочь ей в издании книги. Он во время пребывания в городе встретился также с членами мегионского литературного объединения, с участниками окружного библиотечного семинара, который в это время проходил на базе мегионской библиотеки. На заседании литературного клуба очень по-доброму оценил стихи Виктора Николаевича Козлова. Как сказал Станислав Александрович, кое-какие стихи Козлова были знакомы ему с начала семидесятых – ведь это действительно шедевры. В Москве много было поэтов, которые благодаря двум-трем стихотворениям такого уровня, как у Козлова, сделали себе хорошую литературную карьеру, а Виктор Николаевич, живущий в стороне от столицы и не очень активно атакующий москов-

ские издания, не получил достойного признания, такого, какого заслуживает его поэзия.

После знакомства с Мегионом Станислав Александрович сказал, что он почувствовал в нашем городе хорошую ауру. Как существуют храмы намоленные и не намоленные, так, на его взгляд, существуют города – с доброй атмосферой и такие, где не чувствуется уюта и заботы. Мегион ему показался обжитым и доброжелательным.

ДВА КОНЯ

...И однажды, в чаду
одуревшей от грохота площади
вдруг виденье мелькнёт –
словно древний припомнится миф:
два коня на лугу,
две усталых рассёдланных лошади
одиноко стоят, золотистые шеи скрестив.

Два коня на лугу, на вечернем лугу
затуманенном.
Два коня над рекой, уплывающей в красный
закат,
у опушки лесной, где висит комариное
марево,
и пушистых птенцов перепёлочки гнезда
таят.

И звенят за рекой и сверкают в некошеной
свежести
две последних косы, луговые срезая цветы,
и сожмётся душа от нежданно-негаданной
нежности,
от земной и родной – и такой неземной
красоты.

И куда б ни лететь через весь этот мир
заполненный,
от себя самого никуда не отпустят меня.
Два коня на лугу, две усталых рассёдланных
лошади
посредине земли. На вечернем лугу.

Два коня...
Летописец любви, никого не прошу я
о помощи,
только память мою – где в разливе
добра и тепла
набухают росой
их червонные гривы до полночи
и малиновый жар излучают большие тела.

Два коня, две красы, обречённо друг к другу
прижатые
той же силой земной, что гуляет
по венам моим,
и рождает детей, и возносит колосья
усатые,
и уводит людей от земли
в галактический дым.

И какие вы рельсы на Млечном пути
ни проложите,
в них опять зазвенит неизбывный
славянский мотив:
два коня на лугу, две усталых рассёдланных
лошади

одиноко стоят,
золотистые шеи скрестив.
Два коня...

Так распорядилась наша история – люди, владеющие словом и несущие это слово народу, несут на себе тяжелейший груз ответственности за то, что было сказано, когда и как. Русская литература – это совесть и духовная составляющая менталитета русского народа. Размышление о судьбе российской литературы является неотъемлемой частью раздумий о судьбе России.

Сегодня «Глаголь» предлагает вашему вниманию мысли московского критика, главного редактора газеты «День литературы» Владимира Бондаренко, которые были опубликованы в майском номере (№5) этой газеты за текущий год.

Владимир
Бондаренко

ПОЭЗИЯ КОНЦА ИМПЕРИИ

Думаю, уже смело можно писать о великой поэзии конца великой империи. Смело можно сравнивать поэтическое начало XX века и его поэтический финал. Ни подбором имён, ни трагизмом, ни разнообразием стилистических мировоззренческих школ и направлений конец XX века никак не уступает его знаменитому началу. У них были Александр Блок и Сергей Есенин, у нас в завершении столетия – Юрий Кузнецов и Николай Рубцов. У них Анна Ахматова и Марина Цветаева, у нас Татьяна Глушкова и Белла Ахмадулина. У них Борис Пастернак и Осип Мандельштам, у нас Иосиф Бродский и Юнна Мориц... Эти ряды можно продолжать и продолжать. Николай Клюев и Николай Тряпкин, Велимир Хлебников и Леонид Губанов, Николай Гумилёв и Владимир Соколов... Дети войны, дети 1937 года стали, пожалуй, последним великим поколением русской поэзии. А потом разрыв, который продолжается уже лет тридцать, когда прорываются лишь одиночки (Леонид Губанов или Борис Рыжий), так и не ставшие поколением. Впрочем, то же и в прозе: вслед за «поколением сорокалетних», за «московской школой» семидесятых-восемидесятых годов уже более двадцати лет – зияющая пустота. Ни на левом, ни на правом фланге не возникло ничего серьёзного, равного Владимиру Макаину или Александру Проханову, Владимиру Личутину или Анатолию Киму, Валентину Распутину или Андрею Битову...

Уверен, кто-то добавит в поэтическом ряду Юрия Кублановского, кто-то Игоря Талькова, кто-то Светлану Сырневу. Я не отрицаю – есть отдельные имена, но нет нового прорыва, нового поэтического состояния. Постимперский поэтический кризис явно затянулся.

Когда я пишу о последнем поэтическом поколении конца имперского периода, я беру, в основном, поколение где-то 1934-41 годов рождения, идущее сразу вослед за «шестидесятниками», но резко отказавшееся от их эстрадных принципов, от их неоленинской концепции оттепельного мира. Эти поэты тоже совершенно разные. Что может быть общего, скажут мне, у «ленинградского кружка», формировавшегося вокруг Иосифа Бродского и Евгения Рейна, и у московских поэтов, отнесённых к «тихой лирике»: Станислава Куняева, Анатолия Пердерева, Владимира Соколова? А я отвечаю: одна империя, один грустный финал, одна принадлежность к классической русской культуре. Но к последнему имперскому поколению, к свидетелям и участникам её последних шагов я с неизбежностью добавляю и Николая Тряпкина, и Юлию Друнину – поэтов, казалось бы, совсем другого времени, но, тем не менее, ставших поэтическими знаками роковых девяностых годов. Добавляю я и рано погибшего, совсем молодого Бориса Рыжего. Отказавшись от филологических, лингвистических поисков своих сверстников и друзей, он ринулся в поэзию чисто по-русски и сгорел, как яркая бабочка...

Независимо от возраста, места проживания и национальности, все эти поэты последнего рубежа империи по-русски

жили, по-русски сжигали себя дотла в поэтическом огне, по-русски предъявляли максималистские требования и к себе, и к эпохе, и к поэзии.

Геннадий Русаков писал:

*Прощай, империя, Я выгучусь стареть,
Мне хватит кривизны московского ампира.
Но как же я любил твоих оркестров медь!
Как называл тебя: «Моя шестая мира...»*

Про ту же самую империю рассуждает и Иосиф Бродский: «...Если выпало в империи родиться, / лучше жить в глухой провинции у моря...» Впрочем, и без имперской семантики, в поэзии почти всех ведущих поэтов этого поколения разбросаны щедро её приметы, даже в перечне городов, легко перечисляемых или упоминаемых как место действия, мы находим и Ригу, и Сухуми, и Ташкент, и Коктебель... Где-то под коркой мозга до сих пор продолжает жить имперская вселенная.

*В Махинджаури близ Батуми
Она стояла на песке...*

(Б. Ахмадулина)

А разве не имперская вселенная заставляла поэтов тянуться к величию замыслов? Это величие поэтического замысла проявляется и у Николая Рубцова, и у Тимура Зульфикарова и у Юрия Кузнецова, и у многих других в равной мере.

*Странник Иисус Христос ушёл с Запада...
Не бродит Он по дорогам и городам Европы сытой...
Только по нынешней разорённой, обделённой
Руси нынче бродит Он.
Тут в дальней деревне забытой, уже
Безмянной можно Живого встретить Его
На сладчайшей дороге-тропке глухой уже святой...
Тут Он ещё не покинул землю...
Тут ещё живая творится жизнь Его:
И странствия Его, и Гефсиманский сад,
И Голгофа Его, и Крест Его.
На Западе Он ушёл с земли, и потому там
Ждут Второго Пришествия Его.
А на Руси ещё бродит Он Живой.
Если хочешь встретить Живого земного
Путника Христа – иди на Русь...*

Такой видится имперская Русь конца XX века русскому дервишу Тимуру Зульфикарову. Впрочем, о России и её великой и трагической судьбе размышляют практически все поэты. И размышления эти с неизбежностью уводят к легендам и мифам рухнувшей на наших глазах советской цивилизации. Эти мифические видения поэтов возвращают нас как бы в героический период нашей истории, в наши сказания и легенды, откуда и берёт начало русская поэзия.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ТРИБУНА

*Взбегу на холм и упаду в траву,
И дрезвностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия.
Затмит на миг
В крови жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...
Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы...*
(Н. Рубцов)

Это поэтическое поколение на наших глазах само становится поэтическим мифом. И хотя живы ещё многие из его знаменитых лидеров, те же Глеб Горбовский, Станислав Куняев, те же Белла Ахмадулина, Ольга Фокина, но, на мой взгляд, со смертью Юрия Кузнецова в ноябре 2003 года поэтический XX век в России закончился.

*Через дом прошла разрыв-дорога
Купол неба треснул до земли.
На распутье я не вижу Бога.
Славу или пыль метёт вдали?
Что хочу от сущего пространства?
Что стою среди его теснин?
Всё равно на свете не остаться.
Я пришёл и ухожу – один...*
(Ю. Кузнецов)

Тут и мистика, и одухотворённость, и тревога, то, что сопутствует поэзии трагических титанов, каким, несомненно, был Юрий Кузнецов. Будучи имперскими поэтами, они с неизбежностью принадлежали мировой культуре, даже если мировая культура до сих пор не догадывается об этом. Как писал тот же Кузнецов: «И чужие священные камни, / кроме нас, не оплачет никто...» Французская поэзия Верлена, Бодлера и Рембо пленила не только Леонида Губанова, но и Николая Рубцова, и Глеба Горбовского... Приметы тоски по мировой культуре легко отыскиваются в строках любого из ведущих поэтов поколения.

Но при этом, какая-то безграничная, бескорыстная любовь и тяга к своей стране, к русскому народу, к русской Державе. Тоска по России. Здесь уместно вспомнить и «Народ» Иосифа Бродского, и кимрские стихи Беллы Ахмадулиной, и посвящения Павловскому Посаду Олега Чухонцева. Много самого сокровенного о России написали поэты, условно причисленные к «тихой лирике». Трудно даже кого-то из них выделить.

Владимир Соколов, Анатолий Передреьев, Алексей Прасолов, Николай Рубцов...

*И я не одинок – я сын большого дома.
И где-то надо мной – а где, не угадать! –
Опять меня зовут так тихо, так знакомо,
Что дай мне, Боже, сил навзрыд не зарыдать.*
(Г. Русаков)

Но интуитивно поэты уже предчувствовали скорую трагедию своей Империи. Чувство лирической тревоги никогда не покидало их

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли*

*Со всех сторон нагрянули они
Иных времён татары и монголы...*
(Н. Рубцов)

Большинство из этих поэтов я хорошо знал и знаю, у кого-то учился, с кем-то частенько спорил, но лучшие их стихи оседали навсегда в моей голове. Как мне забыть, к примеру, стихи Татьяны Глушковой, когда она мне первому их читала перед публикацией в газете «День» в октябре 1993 года:

*Всё так же своды безмятежно-сини.
Сентябрь. Креста Господня торжество.
Но был весь мир провинцией России,
Теперь она – провинция его...*

Татьяна Глушкова в те трагические дни и месяцы 1993 года написала, пожалуй, лучший свой цикл стихов «Всю смерть поправ...», став уже навсегда поэтическим свидетелем кровавого расстрела Дома Советов. И это было её прощание с империей.

*Когда не стало Родины моей,
В ворота ада я тогда стучала:
Возьми меня!.. А только бы восстала
Страна из немощи своей.*

Может быть, Бог и услышал?! Трагическим ощущением конца великой державы полны последние стихи Николая Тряпкина и Бориса Примерова, Юлии Друниной и Владимира Соколова. Русская культура будет навсегда благодарна этому поэтическому поколению. Они сохранили в своих стихах не только память об исчезнувшей державе, но и волшебство русского языка, сокровенную глубину русской речи, которую не разделить никакими стихотворными формулами постмодернистов.

*Я всё ещё живу, храня
Звучанье чистой русской речи,
И на прощанье у меня
Назначены с грядущим встречи...*
(И. Шкляревский)

Настоящая поэзия – это всегда продолжение жизни родного языка, это форма существования и развития языка. В те периоды истории, когда нет сильной национальной поэзии, и язык народа начинает мельчать, тому пример – нынешнее время. Думаю, когда Россия обретёт свою Пасху, первым это воскрешение из руин заметят поэты, заметят по языку, который вновь расширит сферы своего влияния. Поэты и отметят существование нового мира, новой жизни. Очевидно, эти новые поэты и станут новым поколением. В такие переломные моменты истории поколение определяется не возрастно, а по иным признакам общности. От Николая Тряпкина до Бориса Рыжего – ничего себе – поколение. Но с точки зрения истории, именно это поколение в таком виде отразило кризис, а затем и смерть одной из величайших цивилизаций – советской цивилизации. О трагедии рухнувшей страны говорят и тряпкинские строчки:

*Не жалею, друзья, что пора умирать,
А жалею, друзья, что не в силах карать,
Что в доме у меня столько разных свиней,
А в руках у меня ни дубья, ни камней.
Дорогая Отчизна! Бесценная мать!*

*Не боюсь умереть. Мне пора умирать.
Только пусть не убьет стариковская ржа,
А дозвошь умереть от свинца и ножа...*

Но эту же трагедию передают последние стихи Юнны Мориц и Татьяны Глушковой (неожиданно сблизилась в восприятии, а вернее – в своём неприятии жестокого времени две киевлянки, две поэтических соперницы), об этом же пишет в своём стихотворении «Баня Белова» Анатолий Передреев, а разве не об этом печальные строчки Владимира Соколова:

*Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек...*

И казалось бы, поэт совсем другого поколения, фронтовик Юлия Друнина, в конце своей жизни становится как бы участницей ещё одной войны за Россию... и гибнет со словами:

*Ухожу, нету сил.
Лишь издали
(Всё ж крещёная!)
помолюсь за таких вот, как вы, –
за избранных
удержать над обрывом Русь.
Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!*

По сути, её трагическую гибель позорно замолчали, также как и гибель Бориса Примерова, Вячеслава Кондратьева. Это всё – последние солдаты Империи. Прекрасные лирики, мятежники духа, мечтатели русского Рая. Интересно, что ни шестидесятники, до сих пор обильно печатающиеся, ни постмодернисты девяностых ничего не написали в защиту и оправдание либеральных разрушителей Родины. Если в реальной жизни России патриоты и защитники отечества были отброшены на обочину, то в русской литературе, а особенно в поэзии, конец XX века, конец имперского периода по-настоящему зафиксирован, достойно описан имперскими поэтами, которые и ушли один за другим вослед своей потонувшей Атлантиде. А те, что живы, и сегодня продолжают свою высокую битву за Россию. На мой взгляд, настоящее потрясение перенесла от потери своей былой родины такая вроде бы лирическая и сентиментальная поэтесса, как Новелла Матвеева. И пусть от неё отвернулись бывшие друзья-либералы, она не могла не сказать о их подлости, не могла промолчать...

*...Какое странное море! –
Ни белое, ни голубое...
Такое впечатленье,
Что Севастополь сдан без боя.
Неужто лиходеи
От праведной кары закланы?
Такое впечатленье,
Что крепости – подлостью взять!*

Именно они, последние имперские поэты, оставили будущему, как завещание своё, высокую культуру русского поэтического слова. Высокую значимость поэтического слова. Поэзия для них – это судьба, и не только их личная судьба, но и судьба России.

«Художник в наше время более широкое понятие, чем просто человек, умеющий рисовать»

«Краеведение для меня – это не только знание истории края, но также родной природы, её многообразия и изменений в результате хозяйствования человека на земле...

Подборка публикаций не претендует ни на «пробу пера», ни на работу профессионального журналиста – это просто голос человека, любящего землю, на которой суждено жить, имя которой – Приобье». Такими словами завершает свою новую небольшую по количеству страниц, но объёмную по сути книгу известный мегионский художник Дмитрий Дмитриевич Шлябин.

В книжку собраны публицистические очерки, написанные Дмитрием Шлябиным в разные годы. Первый – «Дни апреля» датирован апрелем 1982 года, последний – «Костёр рбины красной» – апрелем 2004 года. Многие из собранных очерков уже были опубликованы на страницах мегионской городской газеты «Мегионские новости», некоторые вошли в один из выпусков районного краеведческого сборника. Но вот так, под одной обложкой, очерки в таком количестве собраны впервые.

Темы очерков – природа, человек, история объединены одним – все они о красоте и судьбе родного Приобья. И в них автор выступает как настоящий художник слова.

Издание великолепно оформленное, с цветными и архивными фотографиями, большинство из которых выполнены также самим Д.Д. Шлябиным.

Инициатором создания этой книжки выступил Мегионский региональный историко-культурный и экологический центр. Финансовую поддержку изданию оказал глава муниципального образования г. Мегиона А.П. Чапайкин.

Огорчение вызывает совершенно мизерный тираж издания – 350 экземпляров, что делает книжку сразу же библиографической редкостью. И познакомиться с ней можно будет только в библиотеках региона.

«Выдающиеся свершения делались огромным числом людей самых разных профессий»

Книга «Мегионский марафон» – это добрая память о первопроходцах, достойный подарок 40-летию промышленной эксплуатации Мегионского месторождения, создания НПУ «Мегионнефть» и 25-летию присвоения статуса городу Мегиону, которое будет отмечаться в следующем году.

Автор книги – Сергей Дмитриевич Великопольский, возглавлявший Нижневартовскую городскую партийную организацию в 60-е годы прошлого века, несмотря на сложность, смог воспроизвести панораму минувших событий, ярко и образно рассказал и показал то, как шла битва за нефть, как начинали строить города и какие замечательные люди работали на

этой земле. Владимир Абазаров, Георгий Арнопольский, Иван Рынковой, Владимир Рудольф, Юрий Ярошенко и многие другие – всего тридцать исторических личностей, с чьими именами теперь неразрывно связано открытие Мегионского и Самотлорского нефтяных месторождений и становление города Мегиона стали героями очерков С.Д. Великопольского.

В основе очерков лежат воспоминания самих героев их коллег и близких, а также обширные архивные документы, что позволяет отнести эту книгу к ценнейшему документальному источнику.

«Наши отцы и деды, впервые приехавшие сюда, на Тюменский Север, по зову сердца и с желанием сделать большое дело, постепенно уходят из активной деятельности. Новое поколение просто обязано знать, как они начинали. Этому и посвящена книга «Мегионский марафон» – сказано во вступительном слове главы города А.П. Чепайкина.

Помимо очерков книга содержит замечательный дополнительный исторический справочник об основных событиях в жизни города за последние 45 лет.

Книга издана по заказу администрации муниципального образования г. Мегион тиражом 1500 экземпляров и рассчитана на самый широкий круг читателей.

НАША ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Сорокалетию Мегионской нефти посвящается (фотоальбом)

На излучине реки и времени родился когда-то Мегион. В переводе с хантыйского его название звучит: излучина реки. В истории города было немало переломных моментов, которые так или иначе меняли его судьбу и облик, давали новый толчок развитию. Так было в середине XX столетия, когда на берегу протоки Мега высадился первый десант геологов (1959 год), так было в начале 80-х годов, когда Мегион практически получил второе рождение и стал развиваться как город окружного значения.

Мегион сегодня – это современный молодой город бережно хранящий свою историю, с уже сложившимися традициями.

Всё это прекрасно показано в фотоальбоме, выпущенному по заказу администрации муниципального образования и посвященному 40-летию отправки первой мегионской промышленной нефти.

Большой блок исторических, архивных фотографий рассказывает о том, как строился Мегион и как осваивался Тюменский Север. Мегион сегодняшний – фотографии современных мегионских фотографов и фотохудожников. Они знакомят с деятельностью основных градообразующих предприятий и структурных подразделений администрации муниципального образования, с работой учреждений культуры и общественных

организаций. В общем, составителям альбома удалось всесторонне показать жизнь города.

Альбом издан тысячным тиражом и стал хорошим подарком жителям города и его гостям к праздникам.

Светлана
ЛЬВОВСКАЯ

Библиотека – это наша жизнь

маленькие фрагменты воспоминаний по случаю юбилея

Один из великих людей изрёк: «Годы нашей жизни летят быстрее, чем листья с осеннего дерева». И этот факт неоспорим. Стрелки часов бегут круг за кругом, как бисер на нитку нанизывается год за годом. Чаще всего только юбилейная дата заставляет задуматься о канувшем в Лету, подвести и оценить итоги прожитой жизни, поразмыслить о будущем.

В 85 году прошлого века я, **Целикова (Львовская) Светлана Александровна** приехала в город Мегион на работу. До этого я работала в филиале № 9 Ишимской районной ЦБС Тюменской области старшим библиотекарем.

Город Мегион предстал передо мной тихим «городешкой», с «худосочной» зеленью и серыми деревянными домами. Центральная библиотека города находилась на углу улиц Ленина и Нефтеразведочная, в бывшем здании поселкового клуба. Директором ЦБС была молодая, вежливая и внимательная **Залогина Наталья Петровна**.

В феврале 1985 года я приступила к должности библиотекаря отдела комплектования и обработки литературы. Этот жизненно важный отдел находился в помещении ДОЦБ и заведовала им **Житникова Мария Ивановна**. Мария Ивановна стояла у истоков формирования и организации единого фонда ЦБС. Её все-

гда отличало сочетание трудолюбия и честности, умение проанализировать и оценить состояние и перспективы развития библиотечного фонда, особое внимание уделялось учёту. В то время ЦБС, помимо основного источника комплектования – библиотечного коллектора, получала по два бесплатных названия книг из Государственной республиканской юношеской библиотеки по линии «городов, включённых во Всесоюзную ударную комсомольскую стройку». В комплектах были в основном книги научно-популярной тематики, много было художественной литературы (детективы, фантастика), что было необходимо мегионским читателям в то время.

Факты благотворительности и крупных вложений в развитие библиотечных фондов в то идеологическое время имели место. Например, начальник МУ-18 Финкель выделил деньги на приобретение комплекта книг из серии «Библиотека Всемирной литературы» в букинистическом магазине г. Ленинграда. В марте 1985 года было принято решение о создании сводного алфавитного читательского каталога и начале реклассификации ретроспективных фондов и каталогов. Работа предстояла большая, требующая научного подхода, т.к. «переводные таблицы» существовали только в сокращённом варианте.

Ранее, до меня с Житниковой работала **Мария Ивановна Шевцова**, которая в 1985 году перешла на заведование филиалом №1, и впоследствии вернулась в отдел, где и работает редактором каталогов до сих пор. Аккуратность, усидчивость, настойчивость, навыки систематизации и библиографирования позволяют Марии Ивановне содержать и развивать традиционные каталоги не только Центральной библиотеки, но и всей библиотечной системы города.

В 1985 году в отдел комплектования и обработки пришла и работает до сих пор **Потапенко Любовь Александровна**. Универсальность интересов, память, внимание позволили Любови Александровне совершенствоваться и осваивать профессию комплектователя.

Немного раньше коллектив отдела комплектования пополнился новым сотрудником: **Мещеряковой Валентиной Владимировной**, которая закончила с

отличием Киевский институт культуры и была специалистом высокого ранга: хорошо знала художественную литературу, обладала методами библиографирования и поиска литературы.

Так как отдел комплектования находился в детской библиотеке, мы были свидетелями её жизнедеятельности в то время. Заведовала учреждением энергичная и эмоциональная **Касьянова Татьяна Павловна**. Деятельность детской библиотеки была наполнена пафосом жизни страны того времени: устные журналы, обзоры, музыкальные композиции посвящались революции, Великой Отечественной войне, пятилеткам. Со своей коллегой **Булгар Анной Яковлевной** Татьяна Павловна проводила очень много библиотечных уроков, традиционные недели детской книги проходили «громко» и многолюдно. Библиотеку посещало очень много детей, читальный зал всегда был заполнен посетителями.

В мае 1985 года библиограф ЦБС **Абдуллина (Удовицкая) Райса Ахеевдиновна** уволилась, и меня в «целях производственной необходимости» перевели на должность библиографа. Следует отметить, что уже в то время центральная библиотека обладала неплохим справочно-библиографическим фондом. В фонде присутствовало много справочно-энциклопедических и библиографических источников: календари, путеводители, библиографические пособия.

Библиотека выписывала государственные библиографические пособия: «Ежегодники книги», «Летописи журнальных статей», «Летописи газетных статей». Перечень каталогов и картотек представлял: алфавитный и систематический каталоги на ретроспективный фонд (по таблицам УДК), алфавитный и систематический каталоги на поступления в условиях централизации (по таблицам ТБК, ББК). Предстояла огромная работа по реклассификации фондов и каталогов. Большую помощь в выполнении запросов оказывала систематическая картотека статей (СКС), с множеством актуальных тематических разделов созданная Удовицкой Р.А. Созданная ею же в 80-е годы тематическая «картотека песен», до сих пор используется сотрудниками библиотек для выполнения фактографических и уточняющих запросов.

1985 год – это год когда библиоте-

ка переехала в новое помещение, по адресу Садовая 16/1. Очень сложно было оборудовать библиотеку, не хватало стеллажей для размещения фонда, ещё более остро чувствовалось отсутствие специалистов. Методист **Зайцева Екатерина Григорьевна** находилась в декретном отпуске. Всю работу читального зала организовывала **Кленова Зоя Михайловна**. Она развивала межбиблиотечный абонемент, внедряла современные по тем меркам формы массовой работы: литературные композиции, читательские конференции, устные журналы. Зоя Михайловна проводила обзоры литературы перед киносеансами в ДК «Прометей», вечера в молодёжных общежитиях «Геолог», «Разведчик», выходила с устными журналами в организации и предприятия города. Зою отличает коммуникабельность, внимательное отношение к запросам читателей. Люди приходили в библиотеку и знали, что этот библиотекарь поможет разыскать желаемую литературу, что никто не уйдет, не получив необходимой информации. Человек необыкновенной доброты, она знает каждого читателя по имени, понимает, поддерживает во всех начинаниях, встречает всех с улыбкой.

В конце года на абонемент была переведена из ДОЦБ молодой специалист **Губернаторова Татьяна Викторовна (Селиванова)**. Трудолюбивая, много принимала и выполняла решений для удобного (для читателей) размещения фонда в открытом доступе. Активно работала с задолжниками.

Центральную библиотеку того времени невозможно представить без стационарных форм обслуживания, организацией которых с 1983 г. занималась **Пырырко Надежда Михайловна**. Её основными крупными пунктами выдачи были МУ-18 и АБ-12. Это были уютные «гнездышки» с чётким графиком работы, правильно расставленным и оформленным фондом, и самое главное грамотным библиотекарем. Надежда Михайловна хорошо ориентировалась в потоке литературы, проводила библиографические обзоры, организовывала справочно-библиографический аппарат. Оперативные и красочные книжные выставки, какие оформляла Пырырко, никто в ЦБС оформлять не умел.

В 1986 году в центральной библиотеке начала свою трудовую деятельность **Молоткова Эмилия Васильевна**, молодой специалист закончивший Тюменское областное культурно-просветительское училище. Молодая, веселая, неунывающая она активно принялась оформлять и озеленять библиотеку.

Развитие библиотечного дела в нашем городе напрямую связано с трудовой деятельностью **Котляровой Татьяны Владимировны**, которая в 1986 году вошла в наш коллектив, а в последствии и возглавила ЦБС. Благодаря организаторскому таланту Татьяны Владимировны и её творческой активности в библиотеке стало проходить немало мероприятий, привлекающих жителей нашего города. Татьяна Владимировна постоянно беспокоилась, как лучше организовать книжные выставки, провести тематические литературные вечера, читательские конференции. Работа с книгой – это прежде всего работа с людьми, Котлярова всегда оказывала всестороннюю помощь учителям и учащимся школ нашего города, специалистам различных уровней. Жизнь Котляровой неразрывно связана с библиотекой, её трудовая биография часть истории ЦБС. С того момента, как она переступила библиотечный порог и до сегодняшнего дня все её дела, мысли, тревоги и радости – это библиотека. Многие известные в городе люди приходят в библиотеку для общения с нею, безоговорочно полагаясь на её знания.

В конце 80-х начали свой профессиональный путь и стали осваивать библиотечную профессию в центральной библиотеке **Жукова Любовь Витальевна** и **Ненашева Ирина Анатольевна**. Любовь Витальевна может создать атмосферу жизнерадостности, эмоциональности, общительности, обращает внимание читателя на книжные выставки. Ирину Анатольевну отличал высокий уровень индивидуальной работы с читателями: дипломатична, дисциплинирована, деловита, легко ориентирующая читателя в потоке информации.

Постигали библиотечное мастерство в центральной библиотеке **Прянишникова (Гимаева) Елена Николаевна** (с 1989г.) и **Петрушина Лидия Витальевна** (с 1991г.). Обе общительны, эмоциональны, красноречивы, обладающие тонким юмором и деловыми качествами.

Конец 80-х и 90-годы стали началом преобразований в библиотеке: прекращение идеологического диктата коммунистической партии позволило освободиться от идеологической литературы, отмена цензуры в стране позволила читателям знакомиться с «возвращённой литературой». Появились новые формы работы: премьеры, бенефисы, литературные клубы.

В начале 90-х профес-

Мегионской центральной библиотеке – 50

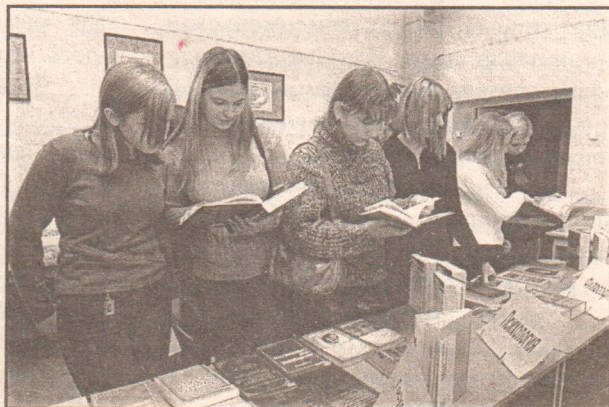
сионализм, эрудицию, организаторские способности, коммуникабельность, умение организовывать и разрабатывать различные формы библиотечной работы показала методист **Лалаянц Лариса Петровна**, эстафету методической деятельности она передала **Хорошевой Светлане Викторовне**, умеющей анализировать, прогнозировать и гибко реагировать на современное развитие ЦБС.

Людям нашей профессии свойственна отзывчивость, чуткость, вежливость, внимательность, доброжелательность. Такими чертами обладает **Пирогова Галина Васильевна**, работающая на абонементе вот уже более десяти лет. Контактна, общительна, умеет понимать и слушать, находит нужный тон в разговоре. Работа на абонементе позволяет ей проявлять эти качества.

Высокий уровень работы с читателями, способность популяризировать лучшую литературу, находить подход к каждому читателю, понимать его запросы и интересы, это всё присуще немногим экстравагантной **Бойко Надежде Степановне**, которая приехала к нам из Молдавии в 1996 году и проработала в читальном зале до 2003 года.

В своё время в центральной библиотеке мне пришлось работать с **Меркель Верой Александровной** (1985), **Сингизовой Любовью Александровной** (1986), **Никулиной Натальей Анатольевной** (1989), **Мурзиной Евгенией Васильевной** (1989-1994), **Тимочко Валентиной Владимировной** (1993-1995), **Котляровой Олесей Анатольевной**

Описанное выше лишь небольшая фрагментальная часть того, о чем я хотела написать о библиотеке, руководителе и коллегах с кем мне пришлось проработать в течении 20 лет.

Владимир
КАРСАКОВ

Преданный читатель первой городской...

Я приехал в Мегион 17 июня 1965 года ребёнком восьми лет, и вот уже 39 лет живу здесь. Начальная школа находилась в здании, где теперь вечерняя (зелёная, как мы её называли, она всегда была выкрашена в этот цвет), а в старом здании 1-й школы учились 5-10 классы. В 3-4 классах ходили в поход на Сайму, где раньше располагалась взрослая поликлиника с пионервожатой Аллой (до сих пор живёт в Мегионе).

Первая в моей жизни библиотека была школьная (в школе №1), где заведующей работала Татьяна Георгиевна. Её сестра Зоя Георгиевна Барышева обучала меня русскому языку и литературе с 5 по 8 классы. В настоящее время она преподаёт в школе №2. Поселковая библиотека находилась в здании клуба в колхозе, там же была и бильярдная. Зимой всегда было холодно, внутри стояла круглая печка.

Затем библиотека переехала в красный уголок длинного барачного здания (на этом месте сейчас находится милиция). В эту библиотеку я начал ходить, учась в 7-8 классах (в 1969-70 гг.), т.к. в школьной библиотеке не хватало нужных книг, газет, а нам задавали писать рефераты по истории, обществоведению (учитель Седых Тамара Наумовна), литературе. Мы готовили политинформации по актуальным темам, включая главные события, произошедшие в мире за неделю, для 5-6 классов. За каждым был закреплен класс и каждый вторник по 20 минут во вторую смену (сами учились с утра) выступали с сообщением. В конце обязательно приводили какие-нибудь интересные факты. Дети слушали внимательно, никто не баловался, хотя никого из учителей в классе не присутствовало. Организовывала проведение политинформации секретарь комсомольской организации школы Клавдия Александровна, учитель физики (фамилии не помню). Я был зам. секретаря комсомольской организации учащихся.

В старших классах русский язык, литературу преподавала Клавдия Ивановна Свиридова (дочь – Тимочко Валентина, работает в библиотеке шк. №4).

Классным руководителем в 9-10 кл. была Андросова Нина Еремеевна, учитель физики и астрономии, очень заводная, организовывала мероприятия,

походы, поездки. На летних каникулах, после 9 класса, мы ездили на работу в Чечню. Убирали помидоры, огурцы, вишню, абрикосы, ещё что-то, заработали где-то по 600 рублей. Закупили гитары, ионику, в общем полностью всё для инструментального ансамбля. Потом всё оставили школе. Два раза в месяц организовывали вечера поэзии, которые заканчивались чаепитием, танцами под музыку нашего ансамбля.

В поселковой библиотеке в то время работали Нина Дмитриевна Нечипоренко, Проценко Валентина Николаевна (Лепина) и Нина Алексеевна Куприянова. Каждый день, иногда по 2-3 раза бегали в читальный зал. Нас подобралась группа где-то из 8-10 человек, завсегда таев. Перелистывали свежие газеты, журналы, затем выбирали книги, писали рефераты, даже домашние задания иногда выполняли в библиотеке. Сидели по три часа, не выгонишь.

Библиотекари к нам относились хорошо, доверяли. Валентина Николаевна привлекала для участия в каких-то мероприятиях, сейчас не помню названий, разрешала брать на дом книги из читального зала, роман-газеты. Этот журнал был страшным дефицитом (по-блату зав. книжным магазином выписала для меня, потом лет 10 так и получал). Со мной в одном классе училась её сестра Вера Катенович (9-10 кл.), Коля Иванов (баджога был, покуривал), Толя Чепайкин. С ним мы учились во 2-й школе, она тогда только построилась, была 8-летней (потом там был интернат), и вместе доучивались в 9-10 классе 1-й школы. Альфия (Мухаметова) на год старше училась. Она с подругой выдвинули меня в комитет комсомола. В школе Альфия никогда не демонстрировала своё умение рисовать, и для меня было открытием, когда выяснилось, что она талантливый художник.

Читать любил всегда, читал запоем со 2 класса с фонариком под одеялом, за что попадало – боялись, что без глаз останусь. Любил военную литературу – книги о войне, о партизанах, о разведчиках, про Кузнецова раз 10 читал. Запоем читал стихи Асадова, Багрицкого, Смелякова (...Девочка Люда на улице нашей жила...), Маяковского тогда любили.

После окончания школы поехал поступать в Тюменский индустриальный

институт и принёс в библиотеку (ещё в барак) книги, большую стопку, штук 30 (т. Зоя из книжного потихоньку снабжала). Меня усадили за стол и заставили на каждой книге написать – «От читателя В. Карсакова, бывшего ученика школы №1».

После армии (служил в 75-77 гг.) ходил какое-то время ещё и в библиотеку ДК «Прометей». Там было интереснее, богаче фонд – больше зарубежной литературы, исторической, военной, фантастики. Помню читал там «Нюрнбергский процесс», в городской ещё не было такой книги.

Много библиотекарей поменялось за эти годы в городской библиотеке – Жигалова Люба (Потапенко Л.А., с её отцом одно время работал), Жукова Люба, Ненашева Ирина, Галя Пирогова. Мне везло на хороших библиотекарей, и вообще слово «библиотека» вызывает у меня только приятные ассоциации, воспоминания. Вот так и получилось, что все мои прожитые в Мегионе годы, почти 40 лет (скоро и сам юбилей отмечать буду) тесно связаны с библиотекой.

Так вышло, что верен я оказался только одной, раньше единственной библиотеке города. Переходил с ней из одного здания в другое, взрослел, набирался ума. Сейчас столько книг много и разных на выбор, читай – не хочу. Не нравятся мне только ужасы всякие, да и фантастику современную не люблю. Сейчас молодежь читает мало, в основном только «боевики» и «ужастики». Раньше – попробуй не прочитать всю «Войну и мир», «Анну Каренину» – очередь была, книг по программе не хватало. Сейчас и в школе так не требуют, как в наше время. Мы много читали, кино не было. Помню, на уроках литературы с учительницей Стрелковой Валентиной Дмитриевной (9-10 кл.) мы всегда живо обсуждали прочитанное. Наверное, с нашим поколением уйдут заядлые читатели, вряд ли можно сейчас представить какого-нибудь мальчишку с фонариком под одеялом, разве что за компьютером.

Я очень рад, что у моей библиотеки такой большой праздник. Желаю сегодняшним библиотекарям здоровья, преданных читателей, побольше хороших книг.

Елена
ХРАПОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Мегионской центральной библиотеке – 50

Библиотекари для читателей – это проводники в бескрайнем книжном мире, они следят за книжными новинками и в художественной и в научной литературе. Они могут подсказать, что интересного издано, что нового написано на любимую у читателя тему.

А для меня мегионская библиотека дорога тем, что здесь нередко проходят встречи с писателями, живущими в нашем крае и приезжающими издалека. Конечно же, самый близкий и доступный для мегионцев писатель – это Виктор Николаевич Козлов. Каждую его новую книгу библиотекари встречают с радостью и пропагандируют среди читателей.

И именно библиотека приютила литературный клуб, в который вошли начинающие поэты города. Возник он вроде бы случайно из небольшой группы любителей поэзии, которые собирались в библиотеке поговорить, послушать друг друга. Которую из тех встреч следует считать днем рождения клуба, уже и не оп-

ределишь. Постепенно, под опекой директора ЦБС Т.В.Котляровой и члена Союза писателей России В.Н.Козлова вечерние посиделки за чашкой чая переросли в серьезные, почти деловые встречи, на которых шло обсуждение стихов мегионских авторов, разгорались шуточные споры о том, как можно писать, а как нельзя. Клуб перерос в литературное объединение «Логос». («Логос», к сожалению, просуществовал недолго, но не по вине библиотекарей, сейчас снова мы вернулись к клубному общению.)

ределишь. Постепенно, под опекой директора ЦБС Т.В.Котляровой и члена Союза писателей России В.Н.Козлова вечерние посиделки за чашкой чая переросли в серьезные, почти деловые встречи, на которых шло обсуждение стихов мегионских авторов, разгорались шуточные споры о том, как можно писать, а как нельзя. Клуб перерос в литературное объединение «Логос». («Логос», к сожалению, просуществовал недолго, но не по вине библиотекарей, сейчас снова мы вернулись к клубному общению.)

Благодаря поддержке и постоянной помощи библиотек энтузиасты «Логоса» стали организовывать здесь встречи литераторов округа и литературные семинары, где увлеченные литературным творчеством молодые и не очень моло-

дые жители округа общались между собой, обучались азам мастерства у приглашаемых на семинары маститых писателей. Любопытно, что первая встреча начинающих писателей из городов Нижневартовск, Радужный, Лангепас, Покачи, и конечно же – Мегион в феврале 1999 года была спонтанной, почти неожиданной для нас самих. Вдруг родилась идея, что нам нужно видеть друг друга, обзвонили знакомых – и собрались! Встретились здесь – в центральной библиотеке Мегиона. Ну кто бы ещё, кроме библиотекарей, согласился принимать у себя такую, слегка сумасшедшую компанию людей, неизлечимо больных любовью к литературному творчеству?

На той встрече мы поняли, как интересно и как важно нам общаться между собой, обмениваться идеями, учиться мастерству. И было принято решение через год провести настоящий литературный семинар. И вот в феврале 2000 года, действительно, состоялся Первый Региональный литературный семинар, ставший событием не только для города, но и в целом для округа, ибо он был первой ласточкой, примером, после которого региональные семинары стали проводиться и в других территориях округа. Руководителями первого семинара были поэт, главный редактор газеты «Литературная Россия» Владимир Ерёмченко (г.Москва); литературный критик, главный редактор журнала «Мир Севера» Вячеслав Огрызко (г.Москва); главный редактор журнала «Тюмень литературная», поэт Николай Денисов (г.Тюмень); ответственный секретарь окружной писательской организации, прозаик Николай Коняев (г.Ханты-Мансийск); поэтесса Мария Вагатова (г.Ханты-Мансийск), прозаик Сергей Луцкий (г.Нижневартовск). Участниками семинара были члены литературных объединений из Нижневартовска, Мегиона, Покачей, Радужного.

Руководители семинара, повидавшие много подобных мероприятий на своем веку, были довольны высоким уровнем организации, благодарили нас за хороший прием. Мегион заслужил такие добрые слова только благодаря неутоми-

мым библиотекарям, которые следили за каждой мелочью, помогали во всём организаторам семинара. Потом, в 2002 году на базе библиотеки состоялась новая встреча литераторов Нижневартовского региона с членами Союза писателей, поэтами Николаем Шамсутдиновым (г.Тюмень) и Сергеем Сметаниным (г.Сургут). И снова эта встреча состоялась в библиотеке. Где же еще?

2004 год для литераторов Мегиона снова подарил встречу с мастерами слова, как уже стало привычным – в конце февраля здесь прошёл Второй Региональный литературный семинар.

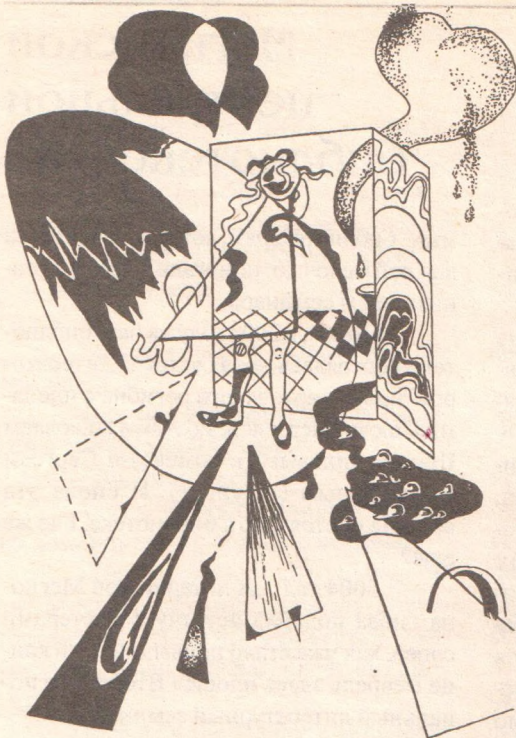
Поэты, про которых можно смело сказать, что они входят в элиту современной российской поэзии – Сергей Семяников из Челябинска, Николай Шамсутдинов из Тюмени, Иван Клиновой из Красноярска приехали к нам, слушали наших талантливых и не самых талантливых рифмоплёттов, давали оценку, делились секретами мастерства. Им внимали, спорили с ними (а как же иначе?) увлечённые поэзией жители Мегиона, Лангепаса, Нижневартовска и всего одна молодая поэтесса из г. Покачи Юлия Колбенева. В секции прозы работали Сергей Луцкий, Николай Коняев, Виктор Козлов. Начинающие прозаики из Мегиона, Нижневартовска, Радужного представили на их суд свои рассказы, повести, критические эссе. Проведение семинара – дело очень хлопотное и утомительное, но несмотря ни на что, мы справились. Справились благодаря огромной поддержке библиотекарей во главе с директором ЦБС Т.В. Котляровой.

Не могу представить, как бы литературный клуб мог существовать без доброй помощи и даже опеки со стороны библиотекарей. Выражаю глубокую благодарность и признательность милым добрым библиотекарям и нашему любимому директору – Татьяне Владимировне Котляровой.

На фото: Совместное выступление перед студентами Ханты-Мансийского педагогического колледжа в ноябре 2001г. Слева на право: С.А. Луцкий (Нижневартовск), Е.В. Век (Радужный), Е.В. Храпова (Мегион), Т.В. Юргенсон (Мегион), В.Н. Козлов (Мегион).

На фото: Совместное выступление перед студентами Ханты-Мансийского педагогического колледжа в ноябре 2001г. Слева на право: С.А. Луцкий (Нижневартовск), Е.В. Век (Радужный), Е.В. Храпова (Мегион), Т.В. Юргенсон (Мегион), В.Н. Козлов (Мегион).

На фото: Совместное выступление перед студентами Ханты-Мансийского педагогического колледжа в ноябре 2001г. Слева на право: С.А. Луцкий (Нижневартовск), Е.В. Век (Радужный), Е.В. Храпова (Мегион), Т.В. Юргенсон (Мегион), В.Н. Козлов (Мегион).

Полет Стрижа

О СТРОЙОТРЯДЕ

*« Идут года, бегут столетья.
Ну и что ж, и что ж...*

*А ты, как все, в отряд
Уверенно идешь, идешь.»*

«Кандидатская»

сл. Лошагина Н.

Муз. Кондырева Е.

Что такое отряд для меня? С одной стороны очень простой вопрос, но с другой стороны не менее сложный. Давайте обратимся немного к истории. Ах! Уже истории, а казалось, всё было ещё вчера...

Хочу вас познакомить с интереснейшим явлением в моей жизни – это студенческий строительный отряд «Анита». Что это такое и с чем это едят, я узнала года три назад. А началось всё так...

Однажды по гениальному стечению обстоятельств я приехала к своей лучшей подруге Даше в город Екатеринбург. Она учится в УПИ (Уральский Политехнический Университет), а там, как известно, полностью всячина, помогающей студентам организовать свой досуг с пользой для себя и других.

Так вот, не успела я приехать, а она мне говорит: «Пошли на агитку, командир с комиссаром не против, там так весело будет, обещаю...» Что такое агитка, а тем более кто такие

командир и комиссар – я понятия не имела к тому времени, но пошла. Знаете ли, любопытство меня ещё никогда не подводило. Что там происходило – долго описывать не буду. Расскажу в двух словах, плюс мои эмоции и впечатления. Два отряда – мужской и женский собираются в школе (к примеру). Обычно с восьми вечера до восьми утра все веселятся, танцуют, колбасятся по полной, вперемежку с шуточными сценками, прикольными играми, поеданием салатов и тортиков.

Но больше всего мне понравилось то отношение к абсолютно незнакомым людям, ко мне, к примеру. Меня здесь никто не знал, ну кроме Даши, конечно, а мы общались так, словно знакомы сто лет. А ещё никакого спиртного и матов. Да где такое ещё может быть? Чтобы взрослые люди от 18 и выше просто веселились всю ночь. Я была в восторге. Столько новых впечатлений! Как это организуется, я узнала позже. Оказывается, организацией занимаются бойцы отрядов для нас кандидатов. Так я уз-

нала, что была кандидатом, и кто такие бойцы, и что за зеленые куртки они носят.

Целинка, целина ... Для многих абсолютно не понятные слова. А ещё у некоторых возникают ассоциации с поднятием целинных земель... Но это всё не так. Целинка – это самое святое, что есть у стройотрядовца. Зелёная куртка с шевронами и значками, с накаткой на спине с эмблемой отряда. А целина – это работа. Летом, два месяца, с утра до вечера... И ещё куча друзей, общения, смеха, веселья, новых идей, интересных встреч...

И так начало положено. Вы тоже, как и я, немного познакомились с отрядной жизнью. В дальнейшем, постараюсь, ещё больше рассказать вам об этом возрождающемся движении в России.

Катерина Мулюкина
Специально для «Стрижей»

**Екатерина
МУЛЮКИНА**

ПРОБА ПЕРА

Тонкий психолог
Яркая ночь
Падают листья
Замужем дочь
Вечер погаснет
Листья летят
Старые письма
Не красят тебя
Долгое время
Мы далеко
Старое бремя
Мне не легко
Печаль растворится
В сумраке лет
Где ты теперь мой любимый?
В ответ
Только крик тишины за плечами...

Опять хочу к тебе прижаться
Щекою мокрою от слез.
Опять хочу с тобой остаться.
Не просыпаться б мне от грез.

Грустно грызть ночную сырость
Звезды гроздьями висят
Только ветер слышит песню
Боли
Что поет мое сердце отныне

Решила – действуй
Звони – пиши
Сегодня – завтра
Уже не жди
Устать – поспать
Забыть – узнать
Вернуться – вспомнить
Потерять...
Увидеть – ощутить
Понять – тебя
Обнять – поцеловать
Бежать – лететь
Уехать – ждать
Потом вернуться
И развеять все мысли по ветру...

Хочу обжигаться
Гореть
Воевать
Потом улыбаться
Тебя согревать
Проснуться
Проститься
Уйти навсегда
Иль все же вернуться
Ты любишь меня?

Летят листья
Осколок луны
Шепот песка
И речная гладь

Блеск росинок
Свежесть утра
Спелость вишни
Крики птиц
Тайна мира
В моем сердце
Вся Вселенная кричит
Ты меня не понимаешь
Или просто так молчишь?

ПРО МЕНЯ

Появившись ниоткуда,
Я исчезну в никуда.
Лишь коротенькое чудо –
Остальное всё вода.

Жажда жизни побеждает.
Снег идёт, и я иду.
А вчерашняя картина
Остывает на ветру.

Из малюсеньких кусочков
Я сложу здесь полотно.
Пусть потом они решают!
Мне сегодня всё равно...

Тихий шорох, дух волшебный,
Сказки снов и красота –
Это главное на свете!
Это всё лишь у меня!

**Виктория
МАКЕИМОВА,**

Лангелас

Деревянная ненависть –
Бочка окованная –
Стремится посадить меня в себя.
Чтоб мотало потом по жизни – морю
И не прибывало к берегам.

Но выйду царевной-Лебедью
С именем Пречистой на устах.

Ненависть, не раздувайся.
У тебя не получится
Заковать меня в себя...

«Не введи нас во искушение
Да избави нас от лукавого...»

Не надо уточнять
Не надо конкретных фраз.
Нарисуй мне дверь.

Нарисуй мне множество дверей.
И через них я пройду к тебе.

Ада заумных миров не надо
И роз прошедших времён.
Нарисуй мне дверь
И забудь про неё.
А я прокрадусь как волк,
Мягко ступая лапами.

Всё по-честному. Даже Луна
И звёзды, прокоптившие пространство.
Нарисуй мне множество дверей.
Я, отражаясь в зеркалах,
Пройду через все к тебе.

Путь начинается. Молчи.
Молчи, когда Любовь в конце пути.

Молчи. Ведь молнии зигзаг
Бьёт с нами рядом просто так.
Молчи. Не то дожди зальют
Моей любви и радости костёр.
Молчи. Не то дороги дыбом встанут,
Как сказочный летающий ковёр.

Молчи. Не то свернётся в точку
Пространство, что разлилось между
нами.

Молчи. Слова убьют рассвет
Той жизни на другой планете.

Молчи, мой друг, молчи.
Пусть лишь душа и свет, и цвет
Расскажут всё о нас, о мире,
О Боге и Любви.

Через воздух стекая,
Космоса чернота
Синевой вливается
В мои глаза.
Звёздный свет и пустоту вбирая,
В изнеможении замираю
И слышу, как растёт трава,
Как где-то плачет водопад.
Я слышу как душа
Во чреве матери очнулась.
Встрепенулась, потянулась,
Произнесла:
«Мир, здравствуй.
Вот и я».

Рашиля
ШАИХУЛОВА,

15 лет

г. Нижневартовск

Я снова живу...

Дождливое, сонное утро... Солнце, прячущееся за плотные облака, за туман. В такое утро оно тоже не хотело просыпаться. Не было ни малейшей надежды на обогревающие лучи, на тепло... Как настойчиво, исподволь может навязать гнусное настроение на весь сумеречный день морозящий по-осеннему холодный дождь...

В такое утро память настойчиво требовала прибраться на своих полках, чтобы поворошить, обнажить... Будто желала проверить – жива ли та боль, боль тех мучений и страданий, смогу ли я их заново пережить? Не заставляя долго ждать, она сама стёрла пыль и развязала тугие повязки с «того» самого места, с «тех» самых дней... Как холодная вычислительная машина выдала всю тягостную информацию, весь ужас, кошмар, восставшая со всей гаммой душевных терзаний ниточку недалёких событий.....

Тяжелые тучи плотно надели на город, образуя серую небесную гору. Возвращаясь, домой я уже точно знала, что меня там ждёт уныло терзающее себя «я». И будто исповедываясь перед собой для очищения, я присела на скамейку и судорожно стала перебирать, копать, воскрешать. Вот он! Такой же сумрачный день пять лет тому назад.

Передо мной была та самая шестнадцатитажка....

Сейчас, будучи студенткой четвертого курса, я вспоминаю те беззаботные школьные деньки. Себя, ту самую Риту – жизнерадостную, лукавую, слегка капризную, но не по годам здраво рассуждающую. Таких любят и, наверное, боятся. Но, на первый взгляд, под высокомерной, смотрящей сверху надменной старшеклассницей я оставалась несмышлёным подростком и всегда была окружена друзьями, избалована вниманием.

Среди всех, мало, чем интересующих меня сверстников, выделялся паренёк с большими глазами и очень тёмной, характерной для кабардинца, густой шевелюрой.

Мнение окружающих о современных кавказцах, в большинстве своём торгующих на рынках, тогда уже успело укорениться в моем сознании. Но здесь всё по-иному – как-то грустно светились глаза Артура, словно он уже смирился со всеми жизненными невзгодами, которые должны были лечь рано или поздно на его молодые хрупкие плечи. Это было совершенно не характерно для нашего юного возраста, что сразу же привлекло моё внимание. Меня цепкого подростка, с жадностью «поглощающего» всё новое,

радовала прекрасная возможность разгадать, рассмотреть. Удивляясь или разочаровываясь узанному.

Незначительные диалоги, фразы, которыми я успевала перекинуться с ним, не давали никакого результата. Кто он? Такой же, как все, с ним не о чем говорить или у него свой особый мир? Эти вопросы мучили, и мне хотелось основательно побеседовать с ним. Но прекрасно понимала, что пока нет у меня ключа, чтобы попробовать раскрыть его. Приходилось подбирать.

Задержавшись после урока литературы, я вышла на улицу. На скамейке сидел, сильно сгорбившись, Артур. Настроившись решительно, я подошла к нему и, усевшись рядом, спросила – будет ли он сегодня на «Осеннем балу»? Он задумался. Машинально я взяла из его рук то, что он крепко сжимал.

– Что это? – я стала быстро листать нервно исписанную тетрадь, где замелькали названия – «Реквием по душе?», «Не надо оплакивать?», «Что вы наделали?». – Неужели твои стихи?

– Нет... просто... д-да, мои, – его задумчивый взгляд был прикован к влажно поблескивающему асфальту. ...Дождь. Да, тогда шёл такой же, противный, морозящий.

– Невесёлые названия, – и тут я поняла, что мне больше нечего сказать, мне захотелось убежать, казалось, что сижу с тенью заживо захороненного.

Он сам прервал нависшее молчание:

– Как все люди крепко связаны между собой, как мы зависим друг от друга. Пусть каждый день меня поздравляют с тем, что я жив. Может тогда, я захочу это делать, может тогда, буду ценить жизнь. А пока не здесь, не с этими людьми...

«Кажется, я была права» – мелькнуло в голове.

– Ты пишешь стихи, ты чувствуешь всё по другому, это отличает тебя.

– Недавно я был в редакции одной газеты, – он протянул мне несколько исписанных листов. «Вашим рассказам требуются значительные доработки, молодой человек, – сказал мне сотрудник редакции и ехидно добавил, – а я и не думал, что люди с Кавказа пытаются что-то ещё писать». Я ничего не ответил, не потому что боялся, просто стало ужасно жалко этого человека.

В это время подошёл Руслан.

– Ладно, мне пора, – Артур взял свою тетрадь и, встряхнувшись, встал.

– Я тебя вечером жду.

– Не знаю, постараюсь, – и нерешительной походкой он зашагал по лужам, оставляя круглые разводы.

– Бедняга, – Руслан присел рядом.

– Почему?

– Его отец поехал сегодня на родину, его маме делают операцию, говорят – один шанс из ста.

Не нужно описывать обычный школьный вечер со скучающими минами старшеклассников, которые приходят в движение только к концу праздника. И этот вечер ничем не отличался от остальных. Артур с самого начала лишь издалека, наблюдал за танцующими парами. И всё же, как он не похож на остальных. Сколько независимости, и эти глубокие, задумчивые глаза... Я готова была пожертвовать всем, лишь бы узнать, о чем с думает, о чём так гордо молчит.

Робко пробравшись через разделявшую нас толпу, чуть склонив голову от смущения, он пригласил меня на танец. И когда я положила руки на его плечи, в толпе прозвучало: «Рита! Неужели ты будешь танцевать с кавказцем, с сыном базарных торгашей!»

О, знаменитый кавказский темперамент! Он не заставил себя долго ждать – через мгновение сказавший лежал на полу. ...Милиция, директор, учителя, незаконченный вечер... Падая, Сергей сильно стукнулся, не дай Бог сотрясение мозга!

После тревожной бессонной ночи, рано утром я торопилась, желая хоть что-нибудь выяснить. Миша сказал, что Артур с Русланом только что были у него, и что директор поставил вопрос об исключении Артура из школы. Всё больше укоряя шаг, почему-то думала: «Зачем так вызывающе ярко выкрашены дома. Вон бледно-голубая, успокаивающая, одинокая шестнадцатитажка...» За её поворотом, я увидела Руслана. Он сказал, что ничего не объяснив, Артур, поднялся к какому-то знакомому.

От молниеносной догадки в голове вдруг бешено застучало, перед глазами поплыли строчки... «Реквием по душе... что вы наделали?» И яркие кричащие буквы: «Нет никакого друга!». Был только бледно-голубой дом, протягивающий руки со своего шестнадцатого этажа. Не помня себя, вбежала в подъезд, долго теребила, стучала по кнопке лифта – ну, скорей же, скорей, открывайся! И вот, наконец, непростительно медленно раскрылись врата лифта. Какой – 15? 16? Ну конечно 16! Неужели из-за школы? Как настоящий кавказец, он представил себе ярость отца способного задушить

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

своими руками сына за такой позор – исключение из школы, да ещё в минуты, когда чуть ли не при смерти любимая мать. Он знал? Он чувствовал? Реквием... не надо оплакивать?.. Эти слова в чёрной кайме всё время прыгали перед глазами. Лишь бы не опоздать....

Тем временем, грязный, исписанный лифт, подергиваясь и подозрительно скрипя, кое-как дотащился до 16 этажа и нехотя раздвинул ленивые двери. Я оцепенело, испуганно выглянула наружу...

Он, он, Артур тёмным силуэтом контрастно выделялся в проёме открытого окна, готовый сделать свой шаг, последний шаг.

– Это не выход! – мой голос оборвался.

– Я знаю, – он был спокоен и трашно бледен.

– Тогда спустись! Ты нужен мне!

– Оставь меня, не надо...

– Ты не посмеешь, – подбежав, я схватила его руку, холодную, как будто смерть уже прикоснулась к нему.

Упав в мои объятия, он как ребенок зарыдал. Я смотрела в окно и ничего не понимала. Единственный за весь дождливый день луч солнца упал на подоконник, будто солнце вместе со мной радуется за спасенную жизнь.

...Сейчас оно также прорывается сквозь тучи. «Ты тоже помнишь это, солнце?»

– Как легко обмануть судьбу, – его голос дрожал, – пять минут назад я мог, распластавшись лежать на асфальте. Было бы много шума, милиция, скорая, множество зевак и я, то есть моя душа, смотрящая на всю эту суету сверху.

Страх не покидал меня, наоборот, ещё больше сковал, мне казалось, что я не смогу оказать ему нужную поддержку, я сама сильно нуждалась в протянутой руке.

Мы долго сидели вместе. Он рассказывал о своей нежно любимой матери, о строгом отце, который делает всё, чтобы поставить семью на ноги. Дать сыну хорошее образование и устроить ему жизнь не похожую на собственную. Отец прекрасно понимал, что без образования сейчас никуда, мечтал о поступлении сына в институт, возлагал на него большие надежды. А тут... Поэтому исключение из школы так сильно подействовало на Артура. Он с упоением рассказывал про солнечную Кабардино-Балкарию, про гордых и добрых людей там живущих.

Я могла весь день провести с ним. Но он сказал, что после всех потрясений ему нужно побыть одному. Мы условились встретиться вечером, он придет ко мне со своими рассказами.

Хмурый, дождливый вечер. Я стояла у окна, перебирая в голове все тревожные, последние события. Утром я

спасла жизнь человека, которого полюбила. После телефонного разговора с классным руководителем, у меня появились хорошие новости – дело Артура рассматривается и, возможно он будет учиться дальше.

Издав себя я увидела знакомый силуэт. Он быстро шагнул к моему дому и, увидев меня, весело помахал рукой, жестулируя, что-то показывая.

Я до сих пор боюсь вспоминать всё, что случилось потом. Не знаю, сколько я стояла в оцепенении. Всё внутри перевернулось, кричало от ужаса.

Пьяный водитель красного «Москвича», выезжая со двора, резко свернул на повороте, сшиб Артура и протащил несколько метров по мокрой дороге. Неужели ты не смог обмануть свою судьбу, Артур! Неужели ты всё знал, всё чувствовал? Дальше – как во сне... Милиция, скорая помощь, множество столпившихся зевак. Нет!!! Ты не имеешь право смотреть на эту суету откуда-то сверху. Почему всё так? Только утром я вырвала тебя из рук смерти, так она вечером легко и просто сможет заключить тебя в свои цепкие объятия?

Следующий день я практически не помню. Помню обрывки: реанимацию, Руслана с телеграммой, сам текст обескураживший меня:

«Скоро приеду. Мамин диагноз ошибочный, операция удачна. Чувствует себя хорошо, идёт на поправку. Папа.» Строчки расплзлись перед глазами, я и не пыталась остановить бегущие по щекам горячие слёзы. Если б ты знал Артур, как легко и просто разрешились все твои проблемы. В эти дни я увидела зловещий оскал злого рока, всё то, что мы именуем красивым словом – судьба.

...Бледная шестнадцатизэтажка поблескивала от мелко морозящего дождя. Как долго просидела, не знаю. Прошедшие пять лет не сумели залечить те глубокие раны, и сейчас я наложила ещё одну повязку на незаживающий рубец. Нет, и он затягивается. Лечит содержание вот этого листка, лечит само название. Артур вручил мне его, когда тяжело на костылях спускался по ступеням больницы. Он был с женщиной, чьи густые седые волосы обрамляли измученное, но счастливое лицо. Он был с мамой, он был жив!

...Надо идти, он будет ждать. И повторяя про себя уже в сердце заложенный стих, я направилась к нему. «Каждый день поздравляйте меня, я снова живу!»

Валерий АКИМОВ,

г. Нижневартовск

Весь я

Когда услышу вдруг про дисциплину,
Всем существом уподобляюсь клину,
Который может выбить только клин.
Свободы не хватает мне и воли,
Я в грёзах постоянно в Гуляй Поле,
А в жизни посему всегда один.

Я, как акын, что вижу, то пою.
Но русский от души до потрохов.
И, слава Богу, что не устаю
От жизни, от любви и от стихов.

Сейчас, когда нет юношеской злости,
Сомненьем душу студит, будто льдом:
Стихи мои – непрошенные гости,
Неужто их никто не примет в дом?

Года таят не только юбилеи,
Они всё расставляют по местам.
Хоть я совсем о прошлом не жалею,
Но не всегда и мне уютно там.

Всегда с друзьями буду хлебосолом,
Враги же мне с рождения не страшны.
Бываю злым, задумчивым, весёлым.
Не дай, Господь, стать жалким и смешным.

В её волосах так хочу заблудиться
Руками, вдыхать аромат их и млеть.
Обидно мне, что поспешил я родиться
И бремя годов не смогу одолеть.

Денёк на заглядение всем светел
И я душой, как в юности, воспрял.
Но студит не по-августовски ветер,
Чтоб за тобою не приударял.

Народ

Молитвой душу очищает,
Себя не может одолеть,
Чужих успехов не прощает,
Но любит битых пожалеть.

Сергий Радонежский

Не влекли ни золото, ни лавры –
Для другого был его удел.
Основатель Сергиевой Лавры
Только о России и радел.

БОЛЬШИЕ ДЕЛА МАЛЕНЬКОГО МУЗЕЯ

КРАЕВЕД

Покачи – город молодой, в этом году ему исполняется 12 лет. Название он своё получил от фамилии древнего рода народа ханты – Покачевых, на чьих родовых угодьях была получена первая промышленная нефть. А было это в 1978 году. За эти годы он из вахтового посёлка перерос в рабочий, а в 1992 году получил статус города окружного подчинения. Сегодня это современный, красивый город с хорошо развитой инфраструктурой. Есть в городе и свой краеведческий музей, которому в этом году исполнилось 10 лет.

О буднях музея, его задачах и проблемах рассказывает сотрудник музея Л.Ш. Хабибрахманова.

Год рождения музея – 1994. Фонд – 4065 единиц хранения. В музее функционирует 4 зала: 2 этнографии, зал природы края и зал истории города и истории ТПП «Покачёвнефтегаз». В структуре музея входит выставочный зал.

За 10 лет музей посетили около 30 тысяч человек.

«Удивительный город, Покачи, такой маленький, но здесь ощущается тепло людей – романтиков, так и хочется ещё раз сюда вернуться. Музей просто поразил, он тоже маленький, но великодушный. Такие чудесные и редкие экспонаты, всё сделано с душой и выдумкой. Прикасаешься к истории своего родного края, и немножко больше узнаёшь о самом себе. Особенно хорошо, что всё это видят дети». (Галина Бурова, г. Нижневартовск, «Книга отзывов посетителей»)

10 лет пролетело почти незаметно. Сегодня краеведческий музей – одна из достопримечательностей города. Много людей вложили в его создание и развитие свои силы, знания, талант, мастерство. Добрым словом хочется вспомнить сегодня В.Д. Круцкевич, З.А. Петрову,

Т.М. Горобец, Л.П. Казанцеву и, конечно, всеми нами глубоко почитаемую Ловизу Эдгардовну Бувалец.

Сейчас возглавляет коллектив Ирина Алексеевна Сердюк, стаж её работы в музее равняется возрасту музея. Деловой, грамотный специалист, способный без нажима и давления поддерживать в коллективе спокойную, работоспособную обстановку. Она умеет очень тактично направлять деятельность каждого из нас, при этом нисколько не навязывая своего мнения. Конечно, это вызывает уважение, и мы стараемся её не подводить. Может быть поэтому коллектив у нас действительно слаженный. Хорошо знающий своё дело, отношения – самые добрые, что и позволяет нам при необходимости легко заменять друг друга. Мы всегда рады посетителям и стараемся принять их как можно теплее, ответить на все интересующие вопросы. И подтверждение тому их многочисленные отзывы.

«Тёплое и приятное впечатление осталось о добрых людях музея и прекрасно оформленных экспозициях. Чувствуется, всё сделано с душой и большим умением». (Е.М. Умрихин, г. Михайловка, Волгоградская обл.)

Круг обязанностей наших сотрудников довольно обширен: работаем по четырём направлениям – этнография, краеведение, история города и ТПП «Покачёвнефтегаз» и выставочная деятельность.

Повседневная работа в музее – это постоянный, целеустремлённый поиск новых экспонатов, разработка тематических экскурсий, подготовка и оформление новых экспозиций. Несказанная радость для нас – экспедиции на стойбище к хантам, но (по независящем от нас обстоятельствам) они случаются нечасто. Кому-то наша работа может показаться довольно однообразным и скучным занятием, ведь по их представлению, музей – это нечто застывшее, сделанное раз и навсегда. Листаем подшивки «Книги отзывов посетителей» – мелькают названия разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья, разные профессии, должности. И почти во всех отзывах слова: «Спасибо за творческий труд!». Позвольте с ними согласиться!

Чем не творческий процесс – составление тематической экскурсии? Для справки: за 10 лет разработано 50 экскурсий, каждая тема по трём возрастам. И к каждой группе требуется найти свой подход, момент занимательности и даже особую тональность в рассказе.

Всегда есть желание разнообра-

зить и расширить круг своей деятельности – проводим различные конкурсы, викторины, выездные экскурсии, организуем встречи с первопроходцами. Далеко за примером ходить не будем – младшие школьники остались очень довольны экскурсией-игрой «Масленица», которую проводили в школах накануне праздника. А с каким удовольствием ходили летом ребята в краеведческий дворовый клуб «Югрыш» – это тоже новый метод работы музея.

Последняя экспозиция «Солдаты трёх войн» никого не оставила равнодушным. Выдержки из отзывов: «... очень затронула душу, открыла глаза на прошлые события», «...разные годы пере-

плетены через одно – защиту Отечества, человека, его подвиг. А главное, на верное, что на фотографиях лица покачёвцев».

Ещё много примеров можно привести, когда нам удавалось задуманное удачно воплотить в жизнь. Бывали, конечно, и промахи, не всё получалось. Но о них как-то не принято говорить накануне юбилея.

Сейчас в музее действуют 4 экспозиции, стараемся обновлять их каждые 2-3 месяца. Легко ли подготовить новую экспозицию? Нет, не всегда это просто. Ведь мы сами и историки, и художники, и дизайнеры, и плотники. Каждый раз готовя новую экспозицию, пытаемся отойти от стандарта, найти какую-то изюминку, ищем что-то нетипичное. Любая экспозиция – это не только объём информации, она должна заинтересовать посетителя, а может даже увлечь чем-то. А если заданы вопросы – это для нас двойная радость, не зря старались.

Показатель популярности музея – это посещаемость. Не секрет, что преобладающий контингент наших посетителей – школьники. Тематические экскурсии входят в процесс обучения (уроки истории и географии ХМАО, биологии и т.д.). Их посещают дети, начиная с дошкольного возраста и кончая учениками 11 классов. На деле эти почти добровольно-обязательные мероприятия юными посетителями воспринимаются хорошо. Бы-

вает, после очередной новой экскурсии, во время которой они узнали много интересного и занимательного, они просто не хотят уходить из музея. Поэтому музей дети знают очень хорошо, любую новинку или перестановку замечают моментально. Вот и стремимся не стоять на месте.

Взрослые, к сожалению, ходят к нам значительно реже. Всего три тысячи взрослых жителей нашего города побывали в музее за 10 лет. Не так уж много в городе достопримечательностей, пересчитать – хватит пальцев одной руки. Завидно, что посмотреть музей своих родителей зовут дети. Довольно часто поводом для посещения музея взрослыми становится приезд гостей с родины. Приятно бывают удивлены не только гости, но и сами покачёвцы. Лица их светятся, мол, говорите – городок маленький, а у нас даже музей есть и какой интересный... А если всерьёз, то потом пишут о своих впечатлениях: *«Впервые посетили ваш музей. Честно говоря, мы не ожидали, что здесь так всё продумано, красиво. Мы столько узнали нового, а ведь все живём в городе помногу лет. Спасибо».* (Сотрудники аптеки №285, г. Покачи).

Особо стоит сказать о выставочном зале. Долго он ютился в комнате 3x5 метров, но и там мы умудрились организовывать различные выставки, знакомить горожан с творчеством художников и мастеров ДПИ нашего города и региона.

Два года назад нам выделили просторное помещение, возможности наши расширились. Ежемесячно обновляются выставки. Отраднo, что горожане уже ждут новых выставок, звонят, интересуются.

А с другой стороны, рухнули наши надежды получить новое здание музея. Помнится, на 5-летие музея, которое прошло очень торжественно, красиво, нам в шутку подарили красный кирпич, завязанный бантиком. Мол, это первый кирпич вашего будущего здания. Жаль, что он так и остался первым и лежит среди других экспонатов в кладовке.

Но не думайте, что вместе с кирпичом мы похоронили и остальные свои надежды и планы. Они у нас есть, их много, но об этом мы расскажем в следующий раз.

СВЯТАЯ К МУЗЫКЕ ЛЮБОВЬ

Природа таланта загадочна и неординарна. Одни знают о собственной уникальности чуть не с пеленок и гордо несут свой дар по жизни, проходя широким проторенным путем. Другие встречают много шипов на своем пути, или их признают только после жизни. А третьи, вообще, ничего не думают о себе, их честолюбие молчит. И только попадая в круг таких же одаренных, начинают понимать, что они всё же отличаются от обычных людей.

Чрезвычайно важен и механизм реализации таланта – воля, упорство, решительность. Без этих боевых качеств талант может погибнуть, если, конечно, ему не создать тепличные условия. Таким творческим инкубатором можно назвать Художественный коллектив «Вдохновение», которому год назад исполнилось 15 лет.

Наталья Оснач из тех, кто начинал славную биографию «вдохновенцев». Сейчас она ведущая солистка. Особенно памятно для меня её исполнение цикла романсов композитора Валерия Серебряникова на стихи Марины Цветаевой. Такое очарование, музыкальность и тончайшую чувственность теперь редко услышишь со сцены. У Наташи от природы красивое меццо-сопрано. Но в далёком детстве музыка была лишь средством времяпрепровождения. Никогда не было и в мыслях стать певицей. Разве, что пианисткой. И даже счастливым случаем представлялся. Родители познакомились на отдыхе в южном санатории с преподавателем Московской консерватории. Та предложила прослушать Наташу у знаменитой пианистки Натальи Арбалевской, которая, в свою очередь, предложила учиться в специальной музыкальной школе при консерватории, естественно по классу фортепиано. Но не было у Наташи жажды славы и успеха, допустим, как у маленькой Пахмутовой, буквально сбегавшей из дома в Москву учиться в консерваторию. Вне родных стен Наташа себя не мыслила, да и родители боялись её отпускать.

Таким образом, Наташа Матюха, окончив школу, поступила в пединститут в далекой яблочно-подсолнуховой Полтаве, выбрав всё-таки музыкальный факультет. Закончив его, Наташа вернулась в Мегион. И здесь Ирина Павловна Стоцкая предложила вернуться во «Вдохнове-

В МИРЕ МУЗЫКИ

ние», ставшее за эти годы профессиональным музыкальным коллективом.

«Мне было трудно привыкнуть к мысли, что я хожу во «Вдохновение», как на настоящую работу. Ирина Павловна меня даже ругала. Только через какое-то время до меня дошло, что я получаю зарплату, за то, что пою» – говорит Наташа. Потом была рутинная работа над голосом: ежедневные упражнения, распевки и... сольные партии почти во всех постановках и концертных программах коллектива. Безусловно, Наталья Оснач – звёздная личность, поэтому, именно она отправилась в Таллин для участия в международном конкурсе русского романса имени Изабеллы Юрьевой.

Впервые наш город был представлен на международном конкурсе вокалистов столь высокого уровня. Участниками его стали певцы из концертных организаций, театров и филармоний Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Прибалтики. А что Мегион? Наталья Оснач поразила уровнем подготовки выдавших виды профессионалов, выступая в соответствующей номинации. Рядом с певцами, закончившими консерваторский курс, Наталья Оснач выглядела вполне на равных и прошла во второй тур конкурса, что уже является победой. А успех заключается в том, что талант, огранённый правильной методикой, способен соревноваться с непробиваемыми снобами, каковыми являются столичные вокалисты. На следующий год Наташа приглашена выступить в конкурсе ещё раз и, надеемся, что на этот раз, уже имея опыт прохождения через конкурсное горнило, победа будет за нами.

Самая древняя страница мегионской истории связана с бронзовыми предметами найденными за гидронамывом на 5 километров ниже Мегиона в хантыйском захоронении. Бытование этих предметов учёные отнесли к VI-VIII в н.э.

«Дело по запросу губернской канцелярии сколько в городе Тобольске и Тобольской губернии в городах с уездами саборных и приходских церквей и сколько при приходских и при приписных к ним деревнях приходских дворов и обоего пола души»

1781 г.¹ из фондов Тобольского государственного архива – другая страница истории. В описи этого документа в числе Лекрысовых и Ермаковых значатся юрты Магионские в составе Тобольской губернии.

Ещё одна страница связана с именем всемирно известного финского учёного Александра Матиаса Кастрена, который в материалах экспедиции 1842-1848 г.г. оставил сведения о Майонских юртах.²

В Тобольском архиве хранится Духовная роспись Ваховского периода 1861 г. со списком жителей Магионских ясачных юрт, с указанием пола и возраста. Общее число жителей юрт – 46 человек.³

В книге «Статистика Российской империи ХХІХ. Волости и населённые места 1893 года. Тобольская губерния». Магионские юрты значатся в составе Нижнее-Верхне-Ваховской инородческой волости Сургутского округа. Число дворов – 4, число наличных душ – 34, из них 17 мужчин и 17 женщин.⁴

На протяжении последующих лет сведения о Магионских (Маионских, Мгионских, Майонских) юртах в составе российских земель прослеживаются неоднократно в различных

письменных источниках. Варьируется лишь число жителей и количество дворов. Счёт дворов в земледельческой России того времени вёлся по старой форме, отличной от современного представления об этом действии. Количество душ мужского пола в населённом пункте делилось на четыре, итогом являлось число дворов.

Известный исследователь А.А. Дунин-Горкавич в книге «Тобольский Север» по материалам экспедиции 1899-1903 г.г. описал и поселение, и «плодородные чащевые кедровники» возле него, на которых чистили орех.⁵

Все имеющиеся письменные источники (ведомости о составе приходов, духовные росписи, списки населённых мест и т.п.) включают Мегион в состав Тобольской губернии, но относят к разным волостям и уездам.

Мегионские остяки были крещены, переписаны, отнесены к Ваховскому приходу. Они исправно платили ясак, ведя традиционный образ жизни и приобщаясь к русской культуре. Упомянутый выше А.М. Кастрен описал случай, когда остяки Майонских юрт пришли к нему жаловаться на своего священника и пастыря, который против их воли забрал двух мальчиков в школу.⁶

По материалам Дунина-Горкавича в Майонских юртах 1899-1903 г.г. вместе с остяками проживали русские (всего 28 человек). В хозяйстве имели 9 коров, 34 лошади, 14 собак.⁷ Коров в основном держали русские, лошадей охотно разводили и те, и другие. Старожилы ещё и сегодня помнят знаменитую конюшню остяка Михаила Проломкина.

Документы советского времени относят возникновение юрт Магионских к 1810 г.⁸ Трудно сказать, какой архивный источник был использован первыми советскими чиновниками. Очевидно, сказались слабая источниковая база, отсутствие системы поиска, поспешность и недостаток грамотных специалистов. Но даже представители советской власти, которых меньше всего интересовало «тёмное прошлое полудиких народов», не могли не додуматься до того, чтобы вести летоисчисление Мегиона с

1917 г. или, положим, с 1932 г.

Не одну сотню страниц заняли бы жизнеописания нескольких родов хантов, населявших Магионские юрты (Проломкиных, Пылиных, Кыкиных, Олторминых, Очемкиных и др.) с их интереснейшей самобытной культурой, потомки которых и поныне живут в Мегионе.

В 30-е г. прошлого века жители села Комас из-под Александрово и деревни Прорытово, спасаясь от коллективизации, разобрали избы на плоты. Погрузили на них имущество со скотом и отправились вниз по течению. Заехав в протоку Оби – Мегу, беженцы хотели обосноваться в Майонских юртах, однако были встречены дулами охотничьих ружей. Пришлось переселенцам разобрать плоты на острове Смольном. Собрали 15 домов. Новую деревню назвали Смольной.

В Мегион русских переселенцев остяки пустили значительно позже, когда убедились, что вреда от них не будет.

В конце 1932 г. юрты Мегион были объединены в рыболовецкую артель, в 1936 году был образован колхоз им. Стаханова,⁹ в котором вместе с хантами трудились и русские. Главным промыслом, по-прежнему, оставались рыболовство и охота.

Именно благодаря переселенцам и спецпереселенцам с 30-х годов началось усиленное освоение посевных площадей под зерновые. Первый опыт хлеборобства принадлежал переселенцам из Александровского района, засеявшим земли на острове Смольном овсом, ячменём, озимой рожью.¹⁰

17 марта 1940 г. в Новосибирске на совещании передовиков, где с докладом «За новый подъём» выступил член правительства А.А. Андреев, была поставлена задача добиться в Западной Сибири 100-пудовых урожаев (16 ц с га).¹¹ Началось соревнование колхозов, которое закончилось выполнением соцобязательств на 113%.

Великая Отечественная война перечеркнула все планы. В Мегионском краеведческом музее хранится «Книга памяти» – яркое свидетельство

ство мужества наших земляков – участников Великой Отечественной войны, многие из которых остались лежать на чужой земле. Среди них: Т.К. Анисимов, Н.Д. Винокуров, К.И. Малкин, Ф.И. Макарашин, Я.Ф. Макарашин, В.И. Коновалов, П.А. Арестов, Д.Т. Алин, И.П. Меринов, М.П. Меринов, Н.Ф. Суздальцев, М.Я. Сухушин, Н.Н. Тулинов, И.Г. Позевалов и другие.

На фронт работала вся страна. Сибиряки тоннами отправляли в действующую армию рыбу, дичь, ягоды, орехи. Лозунгом тыловиков стали слова «Каждый чебак – удар по врагу». Во время войны все колхозы и даже рыбацкие артели имели посе- вы зерновых культур. Население округа, фактически в лице женщин и подростков, находилось на самообеспечении и, кроме того, ещё выполняло задание военного времени.

Таким образом, во время Великой Отечественной войны сибиряки, в том числе и мегионцы, обеспечивали хлебом не только себя, но и выполняли норму по отправке его на фронт. Ларьякскому району (ныне Нижневартовскому) был доведён план сдачи зерновых в фонд Красной армии 1,8 ц с гектара. Это в два раза больше, чем по Сургутскому району, и составило 12-17% от предполагаемого урожая. Зернов фонд Красной армии собирали с урожая 1941 года по урожай 1945 года включительно.¹²

В посевные планы включали лучшие селекционные и местные районированные сорта зерновых культур: озимой ржи, ячменя, овса, пшеницы. Кроме того, выращивали овощи, а также кормовые корнеплоды для крупного рогатого скота.

В 1954 г. число жителей Мегиона пополнилось за счёт объединения четырёх хозяйств: колхозов имени Куйбышева (д. Лекрысово), имени Калинина (д. Мысовая Мега), «Ударник» (пос. Мега) и имени Стаханова (д. Мегион). В эти годы в Мегионе из русских живут: Седых, Герасимовы, Новосельцевы, Захаровы, Жильцовы, Зыряновы, Анисимовы, Островские и др.

Новый колхоз получил название «Ударник». Мегион был выбран центром исключительно в силу его географического расположения. Мегион не затапливало во время наводнений. Кроме того, только в нём была

пристань, что играло большую роль в жизнедеятельности края. Первым председателем объединённого хозяйства был избран В.Н. Винокуров. В колхозе по-прежнему развивалось животноводство, земледелие, рыболовство.

1958 г. открыл новую страницу в истории Западной Сибири. В этом году началось разведочное бурение Мегионской площади на Баграсе. 1961 год – победоносная страница истории, связанная с открытием 21 марта бригадой Г.И. Норкина промышленных запасов нефти в Нижневартовском регионе.

В эти годы приток приезжего населения пополнил Мегион. Многие, приехавшие тогда не выдержали сурового быта – уехали. Другие и поныне живут в городе, по праву считая себя старожилами. Среди них: Буторины, Ведякины, Колтынаевы, Шлябины, Сухушины, Доминовы, Шадрины, Геничевы, Рустейко, Хакимовы, Щепёткины, Серяк, Петровы, Бушмелевы и многие другие.

В 1961 г. началась застройка новых улиц, примкнувших вплотную к колхозной территории. В строительстве одноэтажных двухквартирных домов на первой улице Береговой принял участие со своей бригадой ветеран Великой Отечественной войны Д.В. Шлябин. В течение года было застроено три улицы.

В 1961 г. деревня Мегион была преобразована в село. В 1964 г. Мегиону присвоен статус рабочего посёлка.

4 мая 1964 года первая промышленная партия нефти была отправлена баржами на Омский перерабатывающий завод. В этом же году было создано нефтепромысловое управление «Мегионнефть».

До 1970 года в Мегионе была введена в строй газовая установка вместо печного отопления, завершены работы по сооружению водопровода и канализации, застроены 2-й, 3-й и 4-й микрорайоны, построен торговый центр, музыкальная школа, пекарня, 3 кафе, бытового комбинат, 5 детских садов и др. В 1966 году была построена школа на 585 мест.

В 1970 году в посёлке работает 35 депутатов поселкового, районного и окружного советов. Более 700 мегионцев – Ударники коммунистического труда, свыше 300 тружени-

ков награждены медалью «За доблестный труд».

Семидесятые годы положили начало капитальному строительству в Мегионе: первый кирпичный дом был построен на нынешней улице Ленина. В мае 1973 года на территории будущего посёлка Высокого высадили первый десант строителей железной дороги. В 1977 году на станцию Мегион прибыл первый поезд.

23 июля 1980 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР посёлок был преобразован в город. После него по воспоминаниям Почётного жителя Мегиона А.А. Симаква «наступила абсолютная тишина. Никто из властей не поздравил: ни горком КПСС, ни округ, ни область».¹³ Город по-прежнему оставался придатком Нижневартовска, присвоение статуса города никак не повлияло на становление города.

¹ Тобольский государственный архив. Ф – И – 156, оп – 3; д – 2301.

² Александр Матиас Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. В книге «Земля Александровская». Под редакцией Я.А. Яковлева. Томск. 1999. С. 287

³ Тобольский государственный архив. Ф – Н – 493, оп – 1; д – 1.

⁴ Статистика Российской империи. XXIX. Волости и населённые места 1893 года. Тобольская губерния. С-П. 1894. С. 59

⁵ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т.2. 1910. С. 7

⁶ Александр Матиас Кастрен. Указ. Работа. С. 287

⁷ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т.2. 1910. С. 362

⁸ Список населённых мест Сибирского края. Т.2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск. 1929. С. 8

⁹ Сподина И.И., Смирнова В.Н., Коростина Т.В. Мегион. Страницы истории. Новосибирск 2000. С. 32

¹⁰ Шлябин Д.Д. Мои дороги. Мегион. 2000. С. 62

¹¹ Иваненко. Хлебопашество на земле Югорской//Югра. XI 3. 1993. С. 21

¹² Иваненко. Указ. Работа. С. 22

¹³ Симаков А.А. Рождение. //Газета «Мегионские новости». 18.08.2000

Виктор
Е.М.РЖОВИ

ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНИЯ ТИШИНЫ ОЗЕРА САМОТ-ЛОР

Семерной Виктор Петрович, учёный и педагог – биолог, зоолог, эколог, гидробиолог; профессор, заведующий кафедрой экологии и зоологии Ярославского государственного университета; отличник высшего образования СССР и почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Область научных интересов: морфология, систематика, экология, географическое распространение малоцетинковых червей; зообентос водоёмов. Описал около 80 новых для науки видов олигохет. Молодым специалистом в 1966 году в составе лимнологической экспедиции на озёрах Самот-Лорской группы ещё до открытия Самотлорского месторождения. Позже работал на многих озёрах (Байкал, озёра Забайкалья, Монголии, Японии) и реках (Волга, Северная Двина, Печора, Енисей, Ангара).

Это рассказ о том, что было всегда и чего сразу не стало 35 лет тому назад: было интересное озеро Самот-Лор, даже группа озёр, а стало мгновенно знаменитым Самотлорским нефтяным месторождением; как вековая тишина болотистой равнины сменилась шумом, рёвом, грохотом машин и механизмов; как 30 км от Нижневартовска до озера по непроходимым болотам можно было преодолеть только на гидросамолёте, а сейчас можно проехать по прекрасной асфальтовой дороге. Это повесть о давней трудной экспедиции 1966 г., оставшейся в памяти её участников как сплошной труд и быт на грани выткки с неприятными последствиями для здоровья. Свой рассказ я посвящаю светлой памяти недавно умершего, одного из участников экспедиции на Самот-Лор, Александра Ивановича Руденко.

Обширная болотистая равнина Западной Сибири в бассейне реки Оби изобилует озёрами. Среди них Самотлорская группа озёр (Самот-Лор, Белое и два промежуточных между ними безымянных озера, названных нами в экспедиции 1966 года Утиное и Мамино) выделялась своим внешним видом, белёсой водой больших озёр, особенно Белого, за что оно и получило своё название. Вода озёр по химическому составу не вписывалась в известную классификацию озёр по химизму их вод. Располагаясь среди болот, имея болотистые берега, местами сплавинные, озёра имели дно, высланное голубыми глинами. В центре озёр дно было ровным и твёрдым. При малой глубине – до двух метров и постоянных ветрах глина дна размывалась, и вода почти всегда от весны до замерзания приобретала белёсый, а то и молочный цвет.

Растительный и животный мир озёр были необычно и нетипично разнообразными и обильными для гумифицированных озёр болотного типа. Самот-Лор и Белое летом буйно «цвели» мелозирой, нити водорослей достигали нескольких сантиметров и по масштабам цветения приближались к Цимлянскому водохранилищу на Волге и водохранилищам на Днепре, цветущим сине-зелеными водорослями. Так цвело мелозирой, наверное, только водохранилище Насер в Египте после строительства по советскому проекту Асуанской плотины. Фауна озёр была удивительно разнообразной, что так же не соответствовало географии

и болотному типу озёр.

И вот в зиму с 1966 на 1967 год всё это пропало, погибло, исчезло. Самот-Лор стал нефтяным озером и просто нефтяным месторождением. Озеро, кормившее птиц, медведей и людей рыбой, стало кормить нефтяными зарплатами сотни тысяч и, наверное, миллионы людей.

В начале 1965 года Сибирским отделением АН СССР Лимнологическому институту (пос. Листвянка – на Байкале тогда и Иркутск сейчас) было предписано провести комплексные лимнологические исследования в Тюменской области, в зоне интенсивной нефтегазразведки и перспективного нефтепромысла. В июле-августе этого же года были проведены рекогносцировочные исследования на ряде озёр (Пильтон-Лор, Имн-Лор, Кыра-Лор) Ханты-Мансийского национального округа в районе посёлков Сургут и Нижневартовск.

Озёра Самот-Лорской группы были намечены для дальнейшего углублённого исследования. Первая экспедиция чуть было не закончилась трагически: одна сотрудница, устав от тягот походной жизни, решила уйти пешком в Нижневартовск, заблудилась, плукая между многочисленными мелкими озёрами и болотными топями и в тяжёлом состоянии была найдена недалеко от Самот-Лора. Сюда в июле 1966 года состоялась вторая экспедиция, о которой и будет мой дальнейший рассказ.

Сборы были трудными и напря-

жёнными. Особого энтузиазма не было ни у тех, кто побывал там в 1965 году, ни у тех, кто знал или был слышан о первой нелёгкой экспедиции. Распоряжением директора Лимнологического института Григория Ивановича Галазия начальником экспедиции был назначен Виктор Григорьевич Разуванов (географ), научным руководителем Игорь Борисович Мизандронцев (гидрохимик), Борис Прохорович Агафонов (геолог), Александр Иванович Руденко (гидролог) и я (гидробиолог), только что приехавший в ЛИН после окончания Казанского государственного университета по кафедре зоологии беспозвоночных. В качестве рабочих были наняты двое мужчин из Иркутска и шестнадцатилетний парень, Лёва Белозёрцев, из посёлка Листвянка. Мужики не выдержали – один из рабочих сбежал в первые же дни в Нижневартовске, а второй – через неделю работы на озёрах, обратным рейсом гидросамолёта, привёзшего нам продукты. Он весь распух от укусов мошки и был в состоянии опасного психоза. А Лёва выдержал все испытания до конца.

Собирались в экспедицию основательно, на восемь человек приходилось полторы тонны груза: моторная лодка «Казанка» с двумя моторами, полевое оборудование всех специалистов, стеклянная посуда, реактивы, продукты и прочее. Всё это нужно было погрузить и разгрузить 14-15 раз, пока прибыли на озеро, перетаскивая на руках иногда десятки метров. В Нижневартовске добавились ещё две бочки бензина и продукты. Особенно трудно было с лодкой, которая часто не вмещалась туда, куда нам предписывалось складывать наш багаж.

В Новосибирске, в жаркий июльский день мы погрузились на теплоход «Мария Ульянова» и почти неделю шли до Нижневартовска. Более или менее приятные впечатления от портов и причалов чередовались наблюдениями за разливающейся Обью. Иногда, особенно севернее Томска на десятки километров виделась только вода с островками леса или торчащими из воды сосенками и елями. Вода в реке была мутная и часто наблюдалась рыба крупная и мелкая, плавающая поверху. Этим пользовались местные жители, в основном мальчишки, которые ловили щурят силком – петлёй из лески на длинной палке. Местами видели рыбаков, головы и лица которых покрывали накомарники из сетки-дели, пропитан-

ной дёгтем. Чем выше мы поднимались к северу, тем всё ощутимее становились налёты мошкары к вечеру. Чтобы подышать на палубе, приходилось одевать энцефалитки, да ещё и мазаться какой-нибудь мазью от гнуса. Но и это мало помогло.

Нижневартовск тогда представлял в основном одноэтажный, деревянный посёлок, местами с дощатыми тротуарами. Я помню только несколько одноэтажных и двухэтажных кирпичных строений. Хорошо изучить посёлок мы не смогли. Нам было предписано сидеть дома и ходить только до столовой и обратно. Дело в том, что Нижневартовск был буквально наводнён бывшими заключёнными, как сейчас говорят – бомжами, которые приехали сюда в поисках заработка. В нефтеразведочные партии и на буровые брали далеко не всех, и множество людей специфического вида бродили по посёлку. Мы часто наблюдали их драки, и милиционерам нелегко было усмирять этих людей. Запомнилось, что все милиционеры были офицерами, и нам это казалось странным. Как нам популярно объяснили – для бывших зеков сержанты и лейтенанты не представляли достаточную власть, поэтому здесь были в основном капитаны и майоры, которые выполняли самые простые милицейские обязанности, разгоняли дерущихся и затаскивали в машины валяющихся пьяных.

Жильё наше было ужасным во всех отношениях. Это была одна комната в бараке без мебели и даже стола. Спали и ели на полу. Вместо матрасов у нас были ватные спальные, на которых спали в одежде. Дом буквально кишел вшами и клопами. Видно поэтому, когда мы только сошли с теплохода нам предложили сделать комплексные прививки от пяти инфекционных заболеваний, в том числе – брюшного тифа. Когда я заявил что болен хроническим гепатитом, что меня по этой причине комиссовали из

лётного училища в 1959 году и мне нельзя делать прививки, мне сказали: «Ну не умирать же Вам здесь!» и сделали укол. Таким образом, мне привили брюшной тиф, с гемокультурой я проработал всю экспедицию, два месяца, дойдя до дистрофии, и едва оклемался за два месяца в инфекционной больнице Новосибирска, куда меня привезли по окончании экспедиции и где врачи делали всё возможное, чтоб меня «поставить на ноги».

В Нижневартовске мы задержались по прозаически простой причине: два из трёх гидросамолётов Ан-2 пробили поплавки о топляки, были притоплены и теперь ремонтировались. Третий самолёт обслуживал нефтяников, и до нас очередь долго не доходила. Наш начальник совершал героические и прозаические подвиги, обивая пороги разных служб, прося и требуя, высиживая и выжидая подходов к авиационным и нефтяным начальникам, посылая телеграммы в Институт директору и в Новосибирск, в Сибирское отделение Академии наук. Наконец нас известили о готовности самолёта для нас и необходимости срочно грузиться.

Грузились мы на противоположном берегу, он был низким и песчаным, просто пляж с какими-то строениями. Самолёт был причален к плоту, и мы с него грузили вещи и оборудование. Со всем не помню, как мы засунули моторную лодку в салон Ан-2, но как-то это случилось. Между делом, пока шла погрузка, я всё наблюдал за нашим пилотом, который стоял в это время в сторонке и курил. Что-то знакомое мне виделось в нём. После погрузки я не выдержал и спросил, не работал ли он в Гомельском аэроклубе (я в нём учился в 1957-59 годах) или может учился или работал в лётном училище в Лебяжье, под Ленинградом. И я искренне обрадовался, когда услышал в ответ: «Так я учился в Лебяжье». Тут мы выяснили, что в 1957 году он закончил первый курс (он тогда один и был) 93 ВМАУ ВМФ. Это была первоначалка, а потом уехал доучиваться в Ейск ещё на два года. Тогда это было среднее-лётное училище, сейчас оно – высшее.

Так вот он, Евгений Соколов, по окончании училища в Лебяжье, уезжал в отпуск и стоял в курилке у казармы. Видно он стоял в той же позе и манере, которая мне запомнилась. Я ещё был абитуриентом; в граждане, и помню, как при-

ЭКСПЕДИЦИЯ

смастривался тогда к курсанту в красивой матросской форме с голубенькими авиационными погонами, наверное поэтому я его и запомнил. Училище-то было военно-морское авиационное. А меня в составе 30 человек привезли поступать сюда из г. Гомеля после одновременного окончания Железнодорожного ремесленного училища, средней вечерней школы и аэроклуба, где я уже летал на планерах и самолётах. Я поступил тогда в лётное училище, но через год заболел гепатитом и после лечения в Ленинградском госпитале был комиссован...

Вот так, через девять лет я узнал человека, который мне запомнился по манере курения, а первоначальные мои сомнения были вызваны его грузной фигурой и выглядел он несколько старше своих лет. Мы оба с радостью вспомнили преподавателей, инструкторов-лётчиков, тем более я тогда учился в том полку, в котором летал и он...

Взлетели мы с третьей попытки. По Оби плыли брёвна, и мы два раза чуть было не налетели на них. Евгений сразу посадил меня на место правого пилота и благополучно взлетев, мы взяли курс на Самот-Лор. Долетели так быстро, что я даже огорчился. Над озером Евгений круто свалил самолёт на правое крыло и сказал: «Смотри своё болото». Облетев озеро, это 12 на 6 километров, он хорошо приводил самолёт и подрулил поближе к зимовью, в заливчик. Выгрузив лодку, мы за несколько рейсов свезли имущество и оборудование, тепло распрощались с нашим пилотом, и он улетел. Больше я его уже не видел, так как он летал по другим маршрутам, а к нам через две недели прилетел другой лётчик, и он же вывозил нас через месяц. Озеро сверху запомнилось мне как аэрофотоснимок, и даже сейчас я могу нарисовать его тогдашний контур с заливами.

Обосновались мы в рыбацком зимовье, довольно просторном бревенчатом доме с печкой и тремя нарами на 3-4 человека. Дом находился в южной части озера, на берегу небольшого заливчика, из которого вытекал ручей-протока до озера Утиное. По этой протоке можно было плыть на лодке, толкаясь шестом, лучше двумя, с носа и кормы. Залив был глубиной 1,5 метра, дно его выстилал чёрный ил. В доме был длинный стол и две лавки. За этим столом мы ели и обрабатывали свои материалы. Два окошка смотрели на север к озеру и восток – на мыс. Дом был с крыльчком, открытым и с двумя ступеньками. Перед крыльчком

клумбой росла высокая, сочная крапива. По утрам она была росяная, и в ней периодически просыпался наш Лёвик, когда после долгих уговоров встать и заняться завтраком, вытаскивался из спальника и выталкивался на крыльцо. Вялые ноги ещё не держали, и он обязательно попадал в крапиву. Из неё мокрый и ошпаренный вылетал уже пулей, молотил в дверь и кричал: «Я проснулся!»

При зимовье, слева перед домом, была баня-землянка. Сделана она была добротной и со знанием русской бани. Её устройство можно было бы рекомендовать всем путешественникам на временных стоянках. Пол бани был углублён на 1,5 метра. Бревенчатый сосновый сруб — 1,8 м. В длину и ширину примерно столько же. Крыша в два наката засыпана щебёнкой по мху и обложена дёрном. Между срубом и землёй засыпка из щебёнки. Приточная вентиляция как в погребке — к полу. Печка кажется была металлическая с каменкой. Были и полати. В общем можно было париться от души. Температуру можно было нагнать быстро и по желанию. Предбанника не было. К двери вели ступеньки. Из бани можно было добежать до залива — 20 метров и до дома — 10 метров. Вот в этой бане мы в первый же день по прибытии прожарили одежду от насекомых и прожарились сами.

В доме устроили спальные и рабочие места по желанию и интересам. У меня рабочее место было у восточного окна для работы с микроскопом. Каждый научный работник имел свои и общие задачи в экспедиции.

Сейчас уже трудно вспомнить мелкие и штатные эпизоды жизни на озере. Жили мы, в общем-то, дружно, стараясь помочь друг другу. Вскоре после прибытия на озеро я почувствовал болезнь кишечника. Ещё донимал кашель, наваливалась по вечерам слабость. Никто из нас, и я сам в том числе, не думали, что у меня развивался брюшной тиф, гемокультуру которого мне привили в Нижневартовске. Хорошо, что это была гемокультура, и от меня никто не заразился. У нас было довольно много тетрациклина, и я принимал его в больших дозах на ночь. Постепенно я худел, и к концу экспедиции от моих 62 килограммов осталось 50, а когда я попал в больницу г. Новосибирска, то было во мне всего 47 килограммов. Это при росте 180 см.

Научную программу мы начали выполнять уже на следующий день по прибытии на озеро. Наладив мотор, сделали объезд озера Самот-Лор, наметили разрезы (створы), наметили станции или

точки отбора проб. Как обязательную, мы должны были сделать батиметрическую съёмку озёр. Это довольно трудоёмкая и длительная работа. Надо было измерить глубины всех четырёх озёр и вывести изобары, то есть соединить линиями по точкам замеров. Параллельно забирали пробы грунта трубкой ГОИН — специально приспособленной для такой работы. Для забора грунта необходимо было с силой втыкать трубку в дно, затем вытаскивать. Содержимое оставалось во вкладыше, находившемся в трубке для дальнейшего исследования. Одну створку вкладыша снимали, и перед глазами предстал своеобразный керн, по длине которого можно было изучать структуру грунта донного озёрного отложения. Оно может быть разным, и эта структура может рассказать специалисту историю озера. В грунте можно найти створки диатомовых водорослей, хитиновые части животных, дафний, личинок комаров — хирономид, личинок других насекомых, остатки деревьев и трав. По глубине залегания их можно, зная скорость осадконакопления в озере, посчитать возраст этих слоёв, и какие животные и растения были характерны для данного озера сотни, тысячи и, даже, миллионы лет назад.

В нашей экспедиции были прекрасные специалисты, изучающие процессы осадконакопления. Игорь Борисович Мизандронцев изучал химию донных отложений, а Борис Прохорович Агафонов мог по структуре грунта-керна определить возраст отдельных слоёв и часами рассказывать, какие геоморфологические процессы протекали на берегах озера в разные времена, эпохи. Оба известные байкаловеды. Они и сейчас занимаются своим делом, изучая историю формирования озера Байкал.

Прежде всего, нам следовало сделать географическое и геоморфологическое описание озёрной системы: географическое положение озёр, описание берегов, батиметрию (промеры глубины) и описание донных отложений. За эту часть работы отвечали Виктор Разуванов и Борис Агафонов. Оба опытные полевики, полжизни проведшие в экспедициях, но совершенно разные по характеру.

Виктор Григорьевич Разуванов, начальник экспедиции, был безошибочно расчётлив во всём. Он всё знал наперёд, и мне казалось, что он все дела просто повторяет и знает результат каждого действия. Он был в любой ситуации не-

возмутим и лишь улыбался при чьей-то горячности, успокаивая или объясняя ситуацию. Но он был и очень активным,

выполняя обязанности начальника или свои профессиональные. Без дела не сидел, рано вставал и поздно ложился. Не знаю насколько хорошо он знал лодочные моторы, но занимался он ими много, так как с ними всегда что-то случалось. Нам приходилось много работать у берегов, где было мелко, помпа забивалась торфом или, наткаясь на коряги, мотор взывал, и срывались шпонки. Он же занимался и рацией, которая была с батареями не лёгким грузом, мы её много раз аккуратно таскали на руках, а она вышла из строя в первые же дни и до конца экспедиции починить её не удалось. Мы остались без связи, которая позже нам была очень нужна, и всё могло закончиться вполне трагично.

Его коллега, геоморфолог Борис Агафонов был достаточно опытным полевиком, привыкшим к тяготам походной жизни, но по темпераменту был во многом полной противоположностью Виктора Разуванова. Он не любил суеты, не делал ничего лишнего, делал что мог и хотел, в общем, по принципу: «на службу не напрашивайся и от службы не отказывайся». Своё дело он делал основательно, очень вдумчиво. Думал он в каждую свободную минуту лёжа. И сейчас, став доктором наук и профессором, он так же любит полежать и не делать то, что не может или не хочет. Мы с ним были и остаёмся сейчас хорошими друзьями, тем более, что нас связывала общность обучения в Казанском госуниверситете, хоть и на разных факультетах. Он учился на географическом, а я на биологическом.

Вторым старшим лицом в экспедиции был Игорь Борисович Мизандронцев. Он отвечал за научную часть экспедиции и выполнял гидрохимические исследования. Кроме химии он хорошо знал математику и часто демонстрировал это, но не всегда его расчёты совпадали с наблюдениями. Как очень эрудированный

в науке лимнологии специалист объяснял многие явления, наблюдаемые на озёрах, говорил об истории озёр и заведовал спиртом, которого у нас было достаточно, и Игорь Борисович, как химик знал толк в его разведении по разным нуждам и аппетитам. Тогда я, как самый «заводной» в группе, часто спорил и схватывался с Игорем Борисовичем по самым разным поводам. Сейчас, встречаясь в Иркутске в Лимнологическом институте, мы любезно здороваемся, обнимаемся и вспоминаем прошлое. Он доктор наук и, наверное, один из наиболее грамотных учёных в области химии и истории донных отложений в озёрах, особенно в Байкале.

Я в составе научной группы экспедиции был третьим по возрасту после Разуванова и Мизандронцева, но самым новым, лишь за месяц до экспедиции принятым сотрудником Лимнологического института. Со своими товарищами по экспедиции я знакомился в ходе подготовки к ней и сборов. Назначение в экспедицию было для меня неожиданным и фактически – броском в воду не умеющего плавать. Меня назначили гидробиологом, причём широкого профиля, а я и в узком плане не был готов. Дело в том, что я заканчивал Казанский университет по кафедре зоологии беспозвоночных животных и последние три года изучал регенерацию (восстановление утраченных органов) у плоских червей-планарий. Я хорошо владел гистологическими методами, то есть умел резать на микротоме тонкие срезы, затем их красить и изучать под микроскопом. Но эта работа абсолютно не была похожа на ту, что мне пришлось делать в экспедиции. Правда, выезжая дважды в 1964 и 1965 годах летом на учебную практику по зоологии на Беломорскую биологическую станцию, я довольно хорошо изучил фауну Белого моря и, участвуя в рейсах на исследовательских судах, видел, как работают гидробиологические приборы.

Пресноводную фауну я знал хуже чем морскую и не имел самостоятельной практики по сбору и обработке гидробиологических материалов, тем более качественных, самых главных в этом деле. По выданному мне заданию я должен был выполнить все без исключения гидробиологические и ихтиологические работы. До экспедиции оставалось 20 дней, и за это время наши институтские специалисты-гидробиологи взяли меня обучить полевым методам исследований, сбору материала, его фиксации, описанию и первичной обработке. Мне показывали и

рассказывали устройство приборов. Но всё-таки было принято думать, что если закончил университет, то должен всё уметь делать, а чего не знаешь – есть литература, читай. В общем, за 20 дней я в целом понял что и как делать.

Мне предстояло собрать материал по фитопланктону – микроскопическим водорослям, обитающим в толще воды, зоопланктону – тоже обитающим в толще воды, по мелким животным организмам, рыбе – ихтиофауне, водной растительности и фауне, обитающей в зоне зарослей прибрежной растительности, зообентосу – организмам, обитающим на дне озёр. Для каждой работы были свои приборы, материалы, свои методы сбора, обработки и хранения материалов. Дел для меня было много, и всё надо было успеть. Забегая вперёд, скажу, что я сделал всё, всё собрал, всё было доведено до института и всё обрабатывалось. Но когда узнали, что прямо на озере Самот-Лор открыли нефтяное месторождение, то стало ясно, что от природы озёр ничего не останется, и интерес к ним в Академии наук пропал, и с Лимнологического института фактически сняли обязательство по отчёту за экспедицию.

Батиметрическая съёмка занимала у нас много времени, так как необходимо было не только достать грунт, но и его сохранить в сухом виде. Грунт – керны уже в лаборатории сушился и укладывался в специальные ящики с ячейками. Сколько десятков килограммов мы собрали и увезли с собой, трудно сказать, но очень много. К каждой колонке грунта прилагалось описание (этикетка) с полным указанием времени, места и глубины взятия пробы.

Озеро Самот-Лор было довольно большим водоёмом (12 х 6 км) с множеством заливов. Каждая исследуемая точка фиксировалась на карте озера с помощью буссолей. В лодке работали 2-3 человека, а двое на буссолях фиксировали место положения лодки, когда подавался какой-то сигнал, иногда ракетой из ракетницы. Мне запомнились несколько эпизодов. Когда я стоял на буссоли, а меня жрала мошка, стоял с закрытыми глазами, курил и ждал сигнала. По знаку открывал глаза, разгребая мошкарку, и отмечал станцию. Лицо распухло. Мошка забиралась везде и даже грызла ноги глубоко в сапогах. Когда добирались до избы, то отмывались холодной водой в заливе, протирали искусанные места спиртом.

Попутно с батиметрической съёмкой я самостоятельно собирал свой материал. Помогал мне Лёва. Работать с

ним было также трудно, как и заставлять заниматься с кухней и будить его по утрам. Мне нужно было брать пробы планктона, протаскивая сеть за лодкой. Я сидел на корме и держал шнур от сетки в руках. Левина задача – засечь береговой ориентир по длине лодки и грести ровно. Спасаясь от мошек, Лёва закрывал глаза, периодически отмахиваясь руками. Кончилось это тем, что лодка от ветра и неровной гребли разворачивалась в другую сторону. Лёва делал удивлённое лицо, не понимая, как это могло случиться, что ориентир оказался в противоположном направлении. Меня это то злило, то смешило. А когда я разбирал пробы под микроскопом, то Лёва донимал меня просьбами показать ему разных «живых тварей». Представившаяся возможность поглазеть в бинокль увлекла его так, что он забывал про кухню. Его детская непосредственность часто украшала нашу «скучную» научную жизнь.

Озеро Белое располагалось недалеко от Самот-Лора и добирались к нему по узким протокам, толкаясь шестом. Такой тяжёлый путь часто занимал не один час только в одну сторону.

Озеро Утиное тоже соединялось с Самот-Лором короткой, но извилистой протокой. В протоке было небольшое течение в озеро Утиное. Но однажды мы с Борисом Агафоновым наблюдали странную картину, возвращаясь из озера Мамино, которое располагалось рядом с Утиным. Вечерело, и мы торопились до темна добраться на место. Как-то сразу не заметили, что наша лодка уж очень быстро двигается к протоке. В самой протоке лодку и вовсе понесло, словно мы плыли по реке с довольно сильным течением в сторону Самот-Лора. Объяснить это мы тогда сразу не смогли. Вскоре, подхваченные течением, мы вышли к нашему заливу, где мы обосновались. И тут нас ждало и вовсе необъяснимое на тот момент явление: залив был без воды! Остался лишь узкий ручей – продолженные протоки. На чёрном илистом дне валялись коряги, старые бочки, обросшие водорослями. Подплыть на лодке к нашим мостикам не было никакой возможности. Опомившись от всего увиденного, мы сообразили, что это сейш и очень сильный. Колебания уровня воды в озере за счёт подъёма одного края озера относительно другого давно известно и характерно для некоторых озёр, но видеть такое явление своими глазами да ещё так явно и масштабно, боюсь, что немногим приходилось.

Бросив лодку на берегу, мы побежали по болотистому дну берега, чтобы

сообщить об увиденном. Все уже были в спальных мешках. Взахлёб, сбивчиво я стал рассказывать. Просил, требовал вылезти из спальников и посмотреть, что делается. Но мне никто не поверил. Игорь Борисович заявил, что такого не может быть, потому что просто быть не может. Я злился на Игоря Борисовича, который спокойно утверждал, что своим глазам не всегда можно верить. Лёжа в спальнике, он даже стал писать какие-то формулы, доказывать невозможность такого сейша. В это время подошёл Борис Агафонов и подтвердил мои слова. После долгих споров, уговоров Виктор Разуванов всё же вышел на берег, но было уже поздно: залив почти принял свой прежний вид, хотя вода была ещё сантиметров на 20 ниже прежнего уровня. Мизандронцев просто насмехался над нами. Я с ним чуть не подрался. Борис Прохорович Агафонов, человек спокойный и невозмутимый поужинал и лёг спать, я же не сомкнул глаз всю ночь. До самого конца экспедиции я караулил повторение такого сейша, но так явно он уже не повторился. Был ещё случай падения уровня на 20 см в течении получаса, который наблюдали все. Но так как падение уровня было не большое, особого впечатления это не произвело. Игорь Борисович Мизандронцев только недавно на встрече в Иркутске признался мне, что такое явление всё-таки вполне могло быть, и что он жалеет, что поленился встать в тот вечер и иметь возможность «не поверить своим глазам».

Прошло 35 лет и я как будто сейчас вижу картину: чёрное неровное дно залива с затопленными бочками, оголившимися корягами, поросшими водорослями.

Следующее за озером Утиным через протоку небольшое озерко мы назвали Маминым в честь утки-мамы, которая пыталась меня увести от своего уже великовозрастного выводка. Она, притворяясь раненной, то падала на воду, то поднималась снова, и в конечном счёте садилась на озере, расположенном рядом. Мне, измученному болезнью, не хотелось поддаваться на явный обман, и, сражаясь за жизнь, я добывал уже больших, но не вставших на крыло уток. У нас не было другого выхода. Запасы продовольствия к тому времени совсем иссякли.

На озере Белом мы работали мало. Километровое расстояние по узкому ручью для нас, изрядно измученных, было серьёзным препятствием. Тем не менее, несколько раз мы пробирались на это удивительное озеро и отобрали пробы. Нас поражал его вид, вполне соответствующий его названию. Озеро не глубокое, не более двух метров, при волнении стано-

вилось белёсым от размывавшегося дна, выстланного голубыми глинами. Мы нашли исток небольшой речки (кажется её название Куй-Ёган), вытекавшей из озера Белого. Исток её был закрыт: он находился под сплавной, и только через несколько сот метров появлялся ручей, который дальше становился речкой, впадавшей в Ватинский Ёган.

Болота по берегам вокруг озёр изобиловали клюквой. Перед отъездом мы

прямо вблизи избы набрали каждый по ящику клюквы.

Между делом мы высаживались на берег в разных местах озера Самот-Лор и, уходя на 1-3 километра в болота, гривы, изучали флору и фауну окружающих лесов и болот. Местами на возвышенностях нам встречались лесные массивы, где соседствовали берёза, осина, ель, сосна и кедр. В нетронутой тайге нам встречались во множестве белки, норки, горностаи. По краям грив вдоль болот, извиваясь, пролегали звериные тропы. Однажды мы увидели небольшое стадо лосей. Они видели и слышали нас и уходили подальше, останавливались, прислушиваясь. Почувствовав преследование, они решились преодолеть болото. Нас поразила лёгкость и грациозность, с которой они бежали. Встречались нам следы медведей, но встретить самого хозяина так и не удалось, хотя мы пытались прикормить его рыбой. Видимо в сезон ягод и орехов он сыт и на приманку не обращал внимания.

Ещё меня поражало огромное количество чаек на озёрах. Особенно большая колония собиралась на голом торфяном берегу большого залива, что расположен по длинной оси озера.

Однажды под вечер чайки сыграли со мной и Лёвой злую шутку. Они так истошно вопили, что казалось, будто кричит человек: «Помогите! Помогите!» Уже темнело, и нам нужно было возвращаться домой, а это километра четыре на моторе, но призывы о помощи сильно смущали, и в конце концов я решил плыть туда, в залив. И только приблизившись к торфяной сплавине, на которой сидели и вопили чайки, мы поняли, что оказались в дураках. Развернулись и поплыли обратно. В темноте зацепили скрытую корягу и сорвали шпонку. В темноте, тем более при волнении, сменить шпонку весьма трудно, и мы сели на вёсла. В четыре руки, отчаянно сопротивляясь боковой волне, мы с Лёвой медленно шли в направлении зимовья, часто теряя ориентиры. В лагере о нас стали беспокоиться, и не раз стреляли из ракетницы. Радости нашей не было предела, когда сквозь редкие сосенки показалось светлое оконце. Усталость буквально сваливала нас, руки отваливались, но мы сопротивлялись волне и ветру из последних сил. Не помню гамму эмоций по поводу нашего возвращения, но всё получилось по поговорке – всё хорошо, что хорошо кончается.

Таких случаев, когда нас заставляла ночь «в поле» было немало. Однажды, задержавшись на озере Утинном, никак не могли найти проход в протоку. Вход был скрыт низким кустарником, кочками, высокой осокой, и мы добрый час искали нашу протоку. Потом оказалось, что в темноте мы не там искали.

В первые же дни мы остались без связи с Нижневартовском, где ждал нашего выхода на связь Саша Руденко, он же отвечал за организацию рейсов гидросамолёта. Мы нуждались в пополнении продуктами, а также некоторым оборудованием и инвентарём, одеждой. Мы приготовили собранные образцы, которые также необходимо было вывозить, не оставляя на последний рейс. Но, увы, мы остались отрезанные от внешнего мира и выживали, как могли.

В экспедиции надо хорошо питаться, но не всегда это получается. Обычно начало экспедиции лучше обеспечено продуктами, и все с энтузиазмом используют всё их разнообразие. Наша экспедиция по питанию была далеко не лучшей из всех, в которых мне приходилось бывать. Лёвика, как менее обременённого наукой, назначили на кухню. Делать он практически ничего не умел, разве что картошку почистить «под кубик». К концу экспедиции он много чему научился. Хуже дело обстояло с утренними пробуж-

дениями и приготовлением завтраков. Спал он, зарывшись в спальник с головой, как будто специально, чтобы о нём забыли. Мы, старше по возрасту, вставали раньше и, жалея Лёвика, затапливали печку, ставили чайник и только потом начинали его будить, что давало слабый результат — Лёвка спал даже сидя в спальном мешке. И нам только и оставалось, что вытолкать его на улицу в росшую густую крапиву. Сон, видимо, покидал его мгновенно, потому что после такой процедуры он крутился волчком, и у него всё горело в руках.

Я — единственный охотник в экспедиции, вынужден был часто охотиться, чтобы пополнять запасы экспедиции. У меня была довольно прикидистая одностволка с хорошим боем. Стрелял я довольно метко, и дичь часто бывала на нашем столе. Охотился я чаще всего на озере Утином. Утки гнездились на низких берегах этого озера. Запасы пищи наши иссякали, транспортного самолёта всё не было, (как потом выяснилось, из-за того, что продырявились поплавки), и добытая дичь и выловленная рыба были не лишними, учитывая, что работали мы от зари до зари. В общем, большую часть уток, в основном молодняка, я перестрелял.

Недалеко от избы, на мысу, часто встречались пролётные кроншнепы. Это довольно крупные кулики, и даже одного хватало на обед. Ближе к осени, в сентябре появилось больше уток. Попадали и черныш, и шилохвость, и серая утка. К этому времени мы остались вообще без запасов пищи. Соль и сахар, кажется, ещё были. Почему-то вспоминается один случай из нашей голодной жизни. Я подстрелил уток-челядей, и всё предвещало сытный ужин, тем более, что Лёвик вызвался приготовить «вкуснятину». Он обмазал уток глиной прямо поверх перьев, выкопал небольшую ямку и выложил её дно глиняными «лепёшками». Сверху развёл костёр, и мы, обливаясь слюной, ждали, когда повар позовет к столу. Я несколько раз порывался достать уток, но Лёва в очередной раз останавливал меня: «Рано, Петрович». Через какое-то время оказалось, что уже поздно: утки подгорели, высохли, и кушать было практически нечего. Он всё понял и убежал в лес. Вернулся уже ближе к ночи, когда мы, напившись чаю, легли спать.

С Виктором Разувановым мы ставили сетки и ловили немного, но часто, вполне достаточно для стола. Попадались плотвицы (по местному — чебак), окуни, щуки. Первое время мы очень удивлялись внешнему виду щук и окуней: они были светлыми и почти лишённые характерной

полосатой и пятнистой окраски. Но особенно поражала нас их упитанность. Ещё в Нижневартовске нам говорили, что рыба в Самот-Лоре жирней и вкусней, чем в Оби. Особенно хороши были щуки. В озере было достаточно рыбы, недаром рыбаки сделали такое хорошее зимовье и промыслили там зимой...

Спустя 35 лет.

Случайно или нет, но, благодаря профессору Нижневартовского педагогического института Феликсу Николаевичу Рянскому, я через 35 лет оказался в Нижневартовске. Уже то, что я летел сюда на ТУ-154, а летают ещё и «Боинги», и наличие педагогического института в Нижневартовске, говорит о масштабах перемен. То, что я увидел на пути из аэропорта в гостиницу, можно бы отнести к невероятному, но очевидному. Если бы меня сонного перевезли из Москвы сюда, то проснувшись, я, наверное, подумал бы, что нахожусь в каком-то жилом районе Москвы. Такие же 16-этажные дома и множество машин. Немного отдохнув в шикарной гостинице, не то, что в завшивленном бараке, погулял по городу. Пытался найти кого-нибудь из старожилов, заговаривал с пожилыми людьми, но живущих здесь дольше 20 лет встретить не пришлось.

Познакомившись с НГПИ, его преподавателями и сотрудниками, побывав в аудиториях и столовой, многому позаиводвал. Приятно видеть чистоту и благоустроенность учебного заведения. Высокий уровень компьютеризации и обеспеченность оргтехникой, красиво оформленные стенды об учебной, научной, культурной и спортивной жизни университета говорит о хорошем материальном обеспечении вуза и это приятно видеть и осознавать.

12-го декабря (2002 г) была организована экскурсионная поездка на озеро Самот-Лор. Конечно, глядя на карту нефтегазразработок и видя изрезанность акватории озёр Самот-Лор и Белого дамбами с дорогами-подъездами к скважинам, озером Самот-Лор уже трудно назвать. Сейчас это что-то вроде системы карт рисовых полей.

Путь к Самот-Лору по прекрасной обустроенной дороге был для меня сплошным удивлением. То, что сделано — это из области фантастики. Видеть на месте бескрайних болот техногенный ландшафт с нефтяными вышками, различными строениями, множеством машин и механизмов, качалок мне пришлось впервые. Где невозможно было пройти по болотам и несколько километров, мы ехали напрямик к озеру.

И вот мы въехали по асфальтовой дороге на озеро. Сердце у меня так и ёкнуло. Там, где мы плавали на лодке, измеряли глубины и брали пробы грунта, мучились с ГОИНовской трубкой, через 35 лет мы ехали по дамбам, которые поросли травой и даже кустарником, останавливались у скважин, фотографировались. Подъехали к месту, где мы базировались. Там всё перекопано и нет следа нашего зимовья. На месте бывшей протоки из залива к озеру Утиному уже мостик с трубами под ним, а от озера Утино ничего не осталось и на его месте скважины. Рабочие, укладывающие здесь трубы, ничего не знают о прошлом этого района. Приветствуя технический прогресс, я, как биолог, и просто любящий Природу человек во всяком её виде — суровом или умиротворяющем, располагающем к тяготам или удовольствиям, стоял на дороге рядом с автобусом и грохочущим краном, перетаскивающим трубы, озирался вокруг с каким-то смешанным и тоскливым чувством. Пусть здесь мы болели, нас донимала мошкара, мы плохо питались, собирали когда-то брошенные «бычки», оставшись без курева, но мы видели Природу дикую, почти первозданную, с птицами, зверями, рыбами. О цивилизации напоминали только летающие вертолёты.

Идя к автобусу, осматриваясь, подумал, что вижу это место в последний раз. Стоило или нет приезжать туда и видеть то, что оставило не лучшую в жизни память — спорно. Знаю людей, которые слушая мои воспоминания, говорили, что не вернулись бы сюда. Даже те, с кем я был здесь в экспедиции, не хотят хоть раз приехать сюда и увидеть то, что увидел я. Некоторые из них даже неохотно вспоминают время нашей экспедиции, как бы вычеркнули это время из своей памяти. Они не сохранили отчётных материалов по своим наблюдениям. Жаль, конечно!

Думаю, что нефть когда-то кончится, железо сгниёт, песчаные дамбы зарастут или их разберут на строительные материалы (это лучше), и водно-болотная жизнь потихоньку, пусть не в прежнем виде, но возродится. Вот даже сейчас, по словам ректора пединститута А.К. Карпова, в Самот-Лоре начала ловиться рыба — окуни, щуки. Я рад, что побывал здесь, что увидел всё в таком масштабном контрасте. Всё же стоило приехать на то озеро, где кипит новая жизнь, и где я слушал последние мгновения его тишины 35 лет тому назад. Я всё простил Самот-Лору, я, наконец-то рад, что это озеро было в моей судьбе.

Елена
ХРАТЮВА

Так долго я стояла у дороги,
Высматривая лик твой в сонме толп,
Что каменными стали мои ноги —
Я превратилась в придорожный столб.
Глаза от солнца каменной ладонью
Я заслонила. Отдых от хлопот
Просила я у Бога в бессезонье —
Вот и настиг дар Божий в свой черёд.
И с небом грозным я уже не спорщик,
Смирненно ждать готова много лет.
Боюсь лишь, что какой-то юный

гонщик

На скорости спихнёт меня в кювет.
Я, каменная, двигаться не в силах —
Засыплют снегом, а потом — землёй.
Ни знак тебе подать, ни крикнуть:

«Милый!»

Я не смогу...

Рыдают матери у вспоротых могил
И к небесам протягивают руки.
«О, Господи, зачем ты научил
Детей слать на бессмысленные муки?
О, не равняй с собой нас, пожалей,
Мы не для войн растили сыновей»

Как наследие Каина
Обрамляет мне сны
Грозовая окалина,
Многослойность вины...

По болоту из соблазнов
И обманчивых надежд
Как пробраться, не завязнув,
Не запачкав край одежд?
Здесь чистюль вы не найдёте:
Копоть, вонь да комарьё.
На болоте, на болоте
Ненадёжное житьё.
Вон маячит бледный кто-то:
Как нам выйти, подскажи?

ДЕНЬ УХОДЯЩИЙ...

ПОЭЗИЯ

Или это дух болотный
Напускает миражи.
Искушая, задурманит,
Коль не сгинешь — повезло!
А глаза пустые ранят,
Как разбитое стекло.

Я с Музой нездешней
И дивной зависла,
Застряла в потёмках — не лгу.
И голос её будит
Странные мысли
В моем воспалённом мозгу.
Тот голос твердит мне:
Всё пусто, всё бренно,
Всё в грешной земле будет гнить,
И мысль, только мысль
Будет плыть по Вселенной
Планеты другие будить.
И шепчет мне Муза:
Доверь свои песни,
Я в памяти их сберегу.
Не будет тебя,
Но твой голос воскреснет
На новом чудном берегу
А люди там будут и чище, и проще
Поймут твоей песни слова,
Споют их в своей удивительной роще,
В тех песнях ты будешь жива...

Читаю память:
День один затерла почти до дыр.
Обуглился от пристального взгляда
Лист,
Где тот день записан.
И даже страшно:
Ненароком дуну — он в прах
Рассыплется,
А как восстановить?
Я чувствую, что надо, надо, надо (!)
Другое что-то мыслями мозолить,
Но не могу отвлечься, не могу!
... Так может быть, и вправду мне пора
Сжечь этот день и по ветру развеять,
Чтоб не держал меня, чтоб дал уйти?
Нет, не смогу!
День этот был прекрасен,
Да жаль, что продолженья ему нет...

Я забыла, что есть любовь
На земле,
И брожу средь чужих миров,
Как во мгле.
Манит чёрной дырой окно —
Прыгнуть вниз,
И в смятеень гляжу давно
На карниз.
Удержи, в сети слов поймай,

В омут глаз
Замани и сведи с ума
Хоть на час
От развалин былых забот,
Прежних бед
Отвлеки, пусть тоска пройдёт,
Словно бред.
Память-цепь хочу разорвать,
Всё забыть.
Злиться, плакать бы, ревновать —
Только б жить.

Взрыву было что разносить на мелкие
кусочки —
Меня!

Разлетелось во все стороны
множество маленьких, слабеньких, не
упрямых частичек меня. Их стало так
много — галдёж со всех сторон стоит!

И растеряла я сама себя по разным
углам, по разным минутам.

У каждой частички моего «Я» свои
мысли, свои книги любимые, свои
планы. Тело, пока ещё единое, как
заполшенная нянька в яслях, носится от
одного глупого сосунка к другому,
выполняет прихоти то одной частички
меня, то другой, и всё — без толку.

И как снова собрать себя воедино —
не знаю. Может быть, родительское
собрание у этих несмышленишей
провести?

День был убит зазря.
Сумерки синих линий
Перед окном твоя,
Он умирал невинен.
Грустный, чуть слышный вздох,
Ночи приход победный...
День этот не был плох,
Но отошёл бесследно.
День был убит зазря,
Не пропоёшь осанну,
Капель с календаря
В год уходящий канул.

Помню пристальный его
Взгляд,
Помню речь с моей душой
В лад,
И внушительный размах
Плеч.
Вот бы рядом с ним в ночи
Лечь,
Чтоб до сеточки морщин
Люб
Был на уровне моих
Губ.

ДНИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В САМАРЕ

С 1993 года канонизированная дата православных христиан – День равноапостольных Кирилла и Мефодия, получил статус государственного праздника в России – Дня славянской письменности и культуры. И с этого времени ежегодно определяется столицей – центром основных праздничных мероприятий один из российских городов. Так за эти годы праздничными столицами побывали Москва и Новосибирск, Кострома и Ярославль, Псков и Воронеж и многие другие города. В этом году центром празднования был выбран старинный город на Волге – Самара.

Просто оказаться на таком масштабном мероприятии – большая удача, а уж попасть в качестве приглашённого – событие для собственной судьбы знаковое. И такой замечательный этап теперь есть в судьбе вокального ансамбля педагогов «Ноктюрн» школы искусств «Камертон», руководимого директором этой школы Л.Н. Вадной.

Ещё зимой этот коллектив получил уникальное приглашение от М. Ощепкова, заслуженного работника культуры Р.Ф., профессора Са-

марского педагогического института, хормейстера и дирижёра – поучаствовать в Днях славянской письменности и культуры. Причём ансамблю предложили подготовить сольную концертную программу, с которой он мог бы выступить перед своими самарскими коллегами. И наши девушки из «Камертона» к этой поездке готовились всерьёз. Помимо сольной программы также разучивались произведения, для исполнения в сводном хоре...

И вот 23 мая – площадь возле единственного в мире храма равноапостольных Кирилла и Мефодия. До начала торжества, посвящённого освящению храма и началу всех праздничных мероприятий ещё много времени, однако уже собрались зрители «и несть им числа». На ступенях храма у главного входа – сводный хор из хоровых коллективов г. Самары – 1300 человек, большая часть из которых дети. И среди них единственный гость издалека – мегионский вокальный ансамбль «Ноктюрн». Почётно и волнительно.

Выступление митрополита Ювеналия, неизменного куратора

праздника за все эти года, получившего на это благословение от патриарха вся Руси Алексия, приветственное слово министр культуры Соколова и несколько торжественных песен о России.

Собравшиеся на площади оказались свидетелями удивительного явления – настоящего чуда. Несколько дней до праздника погода не баловала солнышком. Дожди, ветер. И с самого утра этого дня на небе тоже собирались чёрные грозовые тучи. Казалось, вот-вот и разразится гроза. Родители, которых было огромное число среди зрителей, переживали за своих чад – резкие порывы холодного ветра угрожали простудами. Но вот звучит финальное произведение – гимн «Славься» М.И. Глинки. По задумке В.М. Ощепкова всем хористам дали по маленькому колокольчику. Последний куплет гимна, и начи-

нают звенеть тысяча колокольчиков, звон которых подхватывают колокола храма, и в этот же миг тучи прорезает мощный солнечный свет, освещает площадь, неся с собой и настоящую волну тепла. «Это лучшее ос-

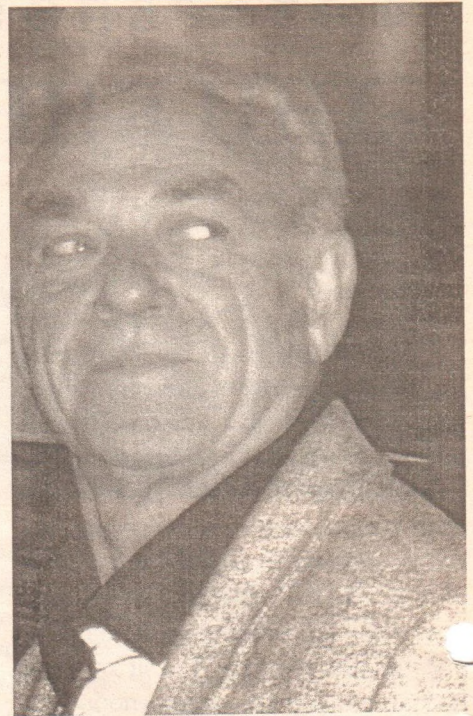
вящение праздника» – пронеслось по народу.

24 мая. День начался с торжественного богослужения, посвящённого празднику. Службу в Покровском Кафедральном соборе проводил сам митрополит Ювеналий. Были все высокие гости: и министр культуры, и губернатор Самарской области, и мэр города, а также тысячи прихожан, которые с самыми просветлёнными лицами отслужили торжественный молебен.

По случаю особого праздника было решено пройти крестным ходом – от храма, до площади Славы на берегу Волги. Расстояние очень даже приличное, не менее пяти километров, а может быть даже и больше. Но народ это обстоятельство ничуть не смутило, и почти все, кто пробыл всю службу в соборе, отправились в след за святыми отцами. И опять удивление самарцев и нас, гостей города – такого массового крестного хода самарцы не помнят, а мы у себя просто не видели (масштабы городов несоизмеримые). Причём на ту же площадь двигались крестным ходом самарцы и из других храмов, которых в городе не мало. Там, на берегу, шло продолжение праздника в виде открытого урока почитания русского языка с участием самых разных творческих объединений и коллективов города.

А вечером этого же дня мы стали свидетелями ещё одного грандиозного события – праздничного музыкально-театрального действия «В начале было Слово». И снова было чем восхищаться и чему удивляться. В качестве сценической площадки была использована площадь возле Театра оперы и балета. На ней разместили огромную великолепно оформленную сцену и сидячие места на почти восемь тысяч зрителей. Сложные технические конструкции, на которых крепились объёмные изображения Кирилла и Мефодия по краям главной сцены, лик Христа, возвышающийся над всем на огромной высоте – всё казалось невесомым, летящим и одновременно весьма основательным.

Два больших крыла-трибуны сцены были предназначены для свод-

ного академического хора, который объединил более трёхсот человек и сводный оркестр народных инструментов. Самарский симфонический оркестр разместился на центральной сцене, при этом осталось достаточное место для выступления хореографических коллективов и всех остальных участников концерта. Два часа программы, в которой приняли участие популярные исполнители, хореографические коллективы, музыканты пролетели на одном дыхании. Среди участников концерта были актёр Алексей Петренко, пианист Денис Мацуев, болгарский скрипач Павел Минев, группа «Иван Купала», ансамбль Надежды Бабкиной «Русская песня» и другие. Особое впечатление на всех нас произвёл хоровой дирижёр, руководитель хора имени Свешникова Игорь Раевский. Видно было, что он пользуется огромной любовью у хористов, и они его безоговорочно слушаются. Как он сумел достичь такой слаженности совершенно разных коллективов всего за четыре дня для нас осталось полной загадкой.

Завершился же концерт великолепным фейерверком и праздничным салютом, что подняли и без того замечательное настроение.

25 мая для ансамбля «Ноктюрн» оказался самым напряжённым и волнительным – в этот вечер коллектив давал концерт для своих самарских коллег, таких же педагогов школ искусств, участников народного хора. Концерт состоялся в здании центра эстетического воспитания детей и молодёжи.

Программа, которую готовили мегионцы состояла из нескольких разделов – популярные произведения, обработки русских народных песен и совершенно особое произведение современного композитора Юргинштейна «Испанский триптих». Особым отделением было выступление солистки, педагога по классу вокала, Ирины Исаевой. В её исполнении прозвучали романсы.

Более всего самарцев удивили произведения не просто спетые, а сыгранные ансамблем. «Ах, Самара-городок», «Пойду ль я, выйду ль я ли», «Испанский триптих»... Над по-

становкой этих номеров потрудились Эдуард Терехов. Нам, мегионцам уже привычны такие опыты, а вот для самарских слушателей это оказалось неожиданным подарком.

Выступления коллектива настолько понравились хору педагогов, что тут же поступило лестное предложение по созданию общей программы и затем дальнейшую совместную гастрольную поездку за рубеж. Сам хор, гостями которого был «Ноктюрн», такие поездки совершает очень часто и уже имеет своего зрителя в странах Европы.

На следующий вечер, последний нашего пребывания в добром и гостеприимном городе Самара, хор педагогов под руководством В.М. Ощепкова дал ответный концерт в том же центре эстетического воспитания, который не так давно, после убедительных доводов педагогами и лично Владимиром Михайловичем Ощепковым администрации муниципального образования стал учреждением Самарской областной филармонии. (Это большое, старинное, совершенно уютное и удобное здание в самом центре старой части города было ещё и нашим местом проживания). Сложнейшие и интереснейшие произведения, высокий уровень исполнительского мастерства... Выступление самарских коллег мегионцам очень понравилось...

Перечитала написанное о поездке и поняла, что ещё не раз вернуться к этой теме, потому что почти схематичный язык репортажа в данном случае больше походит на отчёт. А мне хочется передать те огромные чувства и впечатления, которые остались от поездки. Так что продолжение рассказа о Самаре ещё предстоит...

Татьяна Юргенсон,
фото автора

Елена
ХРАПОВА

ТЕАТРАЛЬНАЯ

Если фраза, которую приписывают Шекспиру о том, что вся жизнь – театр, истинна, то все разумные жители планеты являются потенциальными театрами и обязаны любить театр. Наверное, так оно и есть, но пока у людей нет возможности приобщиться к миру театра, поближе с ним познакомиться, они сами об этом не подозревают. Я пришла к такому заключению (может быть поспешному), понаблюдав в течение четырех майских дней 2004 года за финалом театрального окружного марафона, который проходил в г. Нижневартовске. Здесь подводились итоги четвертого окружного фестиваля любительских театральных коллективов.

Состав жюри фестиваля был очень представительный: председателем был Михаил Яковлевич Али-Хусейн – доцент кафедры режиссуры ГИТИСа, института, о котором мечтают и актёры, и режиссёры, Нина Дмитриевна Алексеева – педагог по сценической речи (Санкт-Петербург), Андрей Наумович Дрознин и Елена Владимировна Колесникова – художник и педагог творческой мастерской «Актём» (Москва), Маргарита Серафимовна Ершова – доцент кафедры актёрского мастерства театрального института (г. Екатеринбург). Кроме судей со стороны были и свои, то есть представители округа: Леонид Андреевич Архипов – режиссёр учреждения культуры ХМАО «Творческое объединение «Культура», Наталья Ивановна Наумова – художник городского драматического театра г. Нижневартовск, Татьяна Григорьевна Куимова – начальник управления по культуре, молодёжной политике и туризму г. Урай. А главным помощником членов жюри и организатором, чьими усилиями и был проведён фестиваль, является Зинаида Фёдоровна Моор, специалист творческого объединения «Культура» ХМАО.

Театр воспринимается как нечто волшебное и неоспоримо прекрасное даже теми, кто в нем ни разу не бывал.

Ведь недаром, мечтая о «большой земле» почти каждый вздохнёт: «Там и в театры ходить можно...» Пока ещё у многих театр ассоциируется с отпуском, столицей... Но и у нас живёт много театралов, а где они есть, там обязательно будут и свои сначала любительские, а затем и профессиональные театры.

И уже можно с уверенностью утверждать, что театральным городом стал Нижневартовск: в нём есть два профессиональных театра и ряд достойных внимания любительских студий. В Сургуте много театральных коллективов, и все – замечательные. В Нефтеюганске, Югорске, в Советском, Когалыме, Радужном, Мегионе, в сёлах Сургутского района можно посмотреть интересные театральные постановки. У одних коллективов есть добротные помещения, сценические площадки, у других – пока ещё нет. Как показывают окружные фестивали, качество любительских спектаклей далеко не всегда зависит от материально-технического обеспечения театральных студий. Главное, что есть увлечённые театром люди, энтузиасты в городах, сёлах и посёлках округа и в Департаменте культуры и искусства округа. Энтузиасты на местах встретили поддержку сверху, и благодаря этому театральное движение в нашем округе стало шириться и крепнуть.

Один из инициаторов проведения фестивалей Леонид Андреевич Архипов рассказал:

– В ХМАО я и Зинаида Федоровна Моор приехали в конце девяностых годов, а так как мы всю жизнь професси-

Выступают гости из московского театра «Актём»

онально работали в театрах, то и здесь занялись любимым делом. Поездили по округу, познакомились с режиссёрами, поняли, что театров здесь много и они неплохие. Но они так далеко друг от друга, им так одиноко в районах Октябрьском, Белоярском, в Нягани. В Сургуте и Нижневартовске театралы уже были объединены, имелись свои городские фестивали, а там – на западе и севере – ничего подобного не было. И мы в 1998 году собрали всех любителей-театралов

Сцена из спектакля «Амурные истории» – режиссёр М. Сафина, Нефтеюганск

на первый фестиваль. Кроме «Театральной весны» у нас ещё есть в Ханты-Мансийске фестиваль «Золотая маска», но это другое. Сейчас театральных событий в округе много, поэтому и результаты прекрасные. Финал фестиваля проводим в разных городах, так и зрителей востыиваем.

Зинаида Фёдоровна развила мысль Архипова:

– Действительно, фестиваль был нужен, он был организован очень вовремя. С момента первого фестиваля прошло немного лет, но уже можно говорить о большом географическом размахе и качественном росте театрального движения. Появилось много новых студий, для показа они отбирают всё более серьёзные пьесы, пытаются искать что-то новое. Режиссёры интересуются, где найти хорошую пьесу, часто просят помочь отыскать пьесу конкретного автора. В первом фестивале просматривали 35 спектаклей, а сейчас – уже более 80. И ещё не все театры приняли участие в конкурсе. Победители и кое-кто из лауреатов предыдущего фестиваля на этот раз не участвуют – они не успели обновить репертуар, но при-

ВЕСНА - 2004

ехали другие великолепные коллективы. Посмотрите, какие зрелищные спектакли нам показывают!

Фестиваль замечателен ещё и тем, что на нём завязываются знакомства между представителями городов и районов, благодаря чему впоследствии состоятся гастроли. Вот спектакль «Маугли» уже приглашён в Сургутский район, артисты из Советского с постановкой по мотивам рассказов Василия Шукшина побывали в Мегионе. Достаточно много коллективов, которые сразу же по окончании спектакля кем-нибудь приглашаются на гастроли. В прошлом году два коллектива из Югорска, занявшие 1 и 2 места, в течение 10 дней гастролеровали по округу за счёт призового фестивального фонда. Нынче такого фонда нет, будем искать другие возможности оплатить гастроли.

На финал фестиваля были приглашены спектакли, победившие в зональных конкурсах. Округ был поделён на пять зон, так как одновременно просмотры более 80 спектаклей, принимавших участие в конкурсных показах в нынешнем году, было бы невозможно.

Я поинтересовалась у Зинаиды Фёдоровны тем, с какими проблемами сталкиваются театральные деятели округа, что с началом третьего тысячелетия изменилось?

— Проблемы у любительских театров что в той, советской жизни, что в этой одни и те же. Нехватка квалифицированных режиссёров, нехватка денег. Артисты-любители сами шьют костюмы, сами делают декорации, с трудом находят средства для того, чтобы выехать на гастроли, на учебу. Хорошо в городе Советском — там мэтр театрал и он помогает. А есть территории, где руководитель управления культуры города заявляет: «Я наших не пускаю на фестиваль, они не достойны». Но где же они учиться-то будут? Надо почувствовать другого зрителя, надо посмотреть работу других режиссёров, познакомиться с тем, как другие используют сцену. Только так начинающий режиссёр чему-то научиться, и актёры что-то возьмут себе. А за них решает чиновник: «Я не пустила!» — и бравировует этим.

А учиться на фестивале есть у кого. Можно вспомнить, что победители предыдущих лет отмечены на всероссийском уровне. Театр «Открытая книга» из Сургута и театр из Югорска ездили в Щельково Костромской области на всероссийский фестиваль и взяли там все призы, какие только можно: дипломы 1 и 2 степени, диплом «За лучшую сценографию», «За лучшую женскую роль». 4 диплома с всероссийского фестиваля в один округ — это же здорово! Театр из Мегиона со спектаклем «Пепси — Длинный чулок» мы отправляли в Калугу, и он забрал там диплом 1 степени. Театр из Радужного с «Зимней сказкой» привёз диплом из Сочи. Студенческий театр из Сургутского университета сейчас по всей России ездит, в нашем фестивале он больше не принимает участие, так как уже вырос, не считается больше любительским. И это всё наши любимые выросшие здесь театры.

В перерывах между спектаклями режиссёры и актёры-любители обучались секретам творчества у профессиональных актёров и педагогов по сценическому мастерству. Четыре фестивальных дня были заполнены событиями до предела, и поэтому обсуждение просмотренных в течение дня спектаклей, а иногда и мастер-классы заканчивались уже ночью. Актёры и режиссёры между собой увлечённо делились впечатлениями от мастер-классов, рассуждали, кто из профессионалов помог открыть самые необходимые секреты мастерства, поделился знаниями, каких не хватало им в повседневной работе любительского театра. Кроме студийной работы Михаил Яковлевич Али-Хусейн просматривал также желающих поступить в вожделенный для молодых и амбициозных людей ГИТИС, потому он великодушно поделился со мной тем, что кое-кто может рассчитывать на его поддержку при поступлении. Если в Москве экзамены не провалят, то будут учиться бесплатно.

С восхищением участники фестиваля отзывались об Алексеевой, обучавшей их правильной сценической речи, культуре поведения на сцене и, в целом, культуре жизни. В первый же вечер, когда в общем-то все еще были слегка уставшими с дороги, Нина Дмитриевна уди-

вила слушателей своей работоспособностью и неутомимостью. Работать с молодыми, она, преподававшая во многих театральных вузах Санкт-Петербурга, похоже, способна сутками. Уже её молодые слушатели от усталости чуть не па-

Нина Дмитриевна АЛЕКСЕЕВА

дали со стульев, а она, маленькая пожилая женщина, прилетевшая из Санкт-Петербурга, почти до 23 часов рассказывала, показывала, обучала наших актёров и режиссёров, слушала их, ругала за неуважительное отношение к родному языку, за пренебрежение к культуре речи и всё просила: «Я знаю, что вы устали, беденькие, ну потерпите ещё немного, пожалуйста».

Пожалуй, именно общения с такими людьми, представителями настоящей русской культуры с безукоризненным чувством такта и вкуса больше всего не хватает талантливым людям, живущим в нашем округе. И все последующие дни она была центром притяжения молодёжи. Каждый раз по выходе из зрительного зала Нину Дмитриевну кто-нибудь перехватывал, сразу же образовывалась группа слушателей, и так, в окружении стайки молодёжи, объясняя им что-нибудь, она медленно передвигалась туда, где её ожидали другие представители строгого жюри. Прямо в фойе она показывала, как читал стихи Заболоцкий, Пастернак, Есенин, кто-то ещё, объясняет при этом, что важна не только интонация, а и жесты, и движения тела. И надо было видеть, с какой жадностью рослые, су-

персовременные юноши и девушки ловили каждое её слово, каждый жест. От сих алчущих духовной пищи юнцов Алексею спасал обычно кто-нибудь из

Сцена из спектакля «На земле Югорской» – режиссёр Л. Шаравьева, Сургут

невной жизни. Нужно знакомиться с законами русской речи, сценической речи, нужно ими овладевать, и это возможно. Я знаю, что в каждом человеке изначально есть всё, только не хватает какой-то подсказки, толчка. И вижу, что эти ребята восприимчивы к знаниям, хватают на лету. Запомнят они не всё, но хоть что-то да останется. Потом они услышат, увидят, прочтут что-то, восстаноят в памяти мои слова. Наше общение – это как раз то, о чём можно говорить словами Пушкина: «Из искры возгорится пламя»

Здесь для меня самым большим наслаждением был спектакль «На земле Югорской». Это великолепнейшее зрелище. И хореография, и сценография на очень высоком уровне, и очень интересная тематика. Там и действие, и актёрское мастерство, общее наполнение, соединение всех элементов сцены, света, цвета. Это невероятно высокий уровень. Причём, это же алский труд, я могу говорить об этом, так как близко знаю многих актёров балета, знаю, что такого высокого уровня пластики можно было достичь только путём многих и многих репетиций. Этот спектакль и на столичной сцене смотрелся бы достойно.

А мне хочется добавить, что у нас в округе в целом хореографическое мастерство находится на высоком уровне, существует много коллективов, которые берутся за создание своих авторских балетов, причём многие пытаются в танце передавать местные легенды о зарождении земли. И в основном у всех получается очень и очень неплохо. Представленный на фестивале спектакль «На земле Югорской», где в прекрасно поставленном танце рассказана история нашего края, вобрал в себя все находки хорео-

Финал спектакля «Маугли вернулся» – режиссёр Э. Терехов, Мегион

графов округа. От того, что создавалось ранее, он отличается масштабностью (в нём задействовано 64 артиста в возрасте от 8 до 23 лет), изяществом движений и слаженностью, продуманностью и общей

сюжетной линии, и всех, казалось бы, незначительных деталей. И получился шедевр, шедевр, который бы мог удивить искушенных московских и питерских зрителей, если б смог попасть на столич-

Сцена из спектакля «Золочёные лбы» – режиссёр Е. Манец, Сургут

организаторов, выходя навстречу со словами:

– Молодые люди, Нина Дмитриевна у нас почти святая, но ей же и obedать (или отдохнуть, или оформлять документы) тоже необходимо.

И я, также как и начинающие слушатели муз, гонялась во время фестиваля за членами жюри, за режиссёрами спектаклей, которые на меня произвели хорошее впечатление, но уже немного с другой целью – ради интервью. Конечно же, и я расспрашивала Нину Дмитриевну. Причины, побуждающие её столь тесно общаться с молодежью, она охарактеризовала так:

– Знаете, научиться речевому мастерству и выразительным средствам общения и в жизни, и тем более на сцене – дело нелёгкое, потому что культура слова вообще не очень развита. В дворянских семьях практиковалось чтение вслух, а сейчас этого почти нет. Ведь и родители тоже должны быть научены правильной речи. Говорят, культура – это серебряная нить Ариадны, вот этой серебряной нити не хватает нам всем. Хотелось бы, чтобы культура речи прививалась с детства. В театральные институты абитуриенты приходят почти взрослыми людьми и, можно говорить, что их обучать немного поздновато.

Руководитель театрального коллектива должен быть и режиссёром, и актёром, владеть всеми средствами для раскрытия актёрской выразительности. Сцена имеет дело с чужим, то есть письменным текстом, который нужно превратить в звучащую живую речь, это гораздо сложнее, чем общение в повсед-

ные сцены. Вот этот спектакль и получил гран-при, так как и другие члены жюри тоже приняли «Землю Югорскую» на ура. Вот мнение Ершовой М.С. о лучших спектаклях:

– Хореографический спектакль прошёл на ура, единогласно. На сегодняшний день – это самая высокая планка. Раз есть сюжет, конфликт, событие, то это именно театр – пластический театр. Мы оценили и то, что дети не перегружены, каждый делает то, что он может и насколько может. А мальчик (Эдик Михайлов), игравший главную роль, протанцевавший без перерыва более полутора часов – это настоящее чудо. Прекрасно был принят и членами жюри, и зрителями «Маугли». Вы обратили внимание, что после этого спектакля молодые зрители встали и аплодировали стоя. А ведь зрителями были в основном артисты других театров, то есть соперники мегионского коллектива. По-моему, это самая высокая оценка.

Просмотр театральных постановок интересен и сам по себе, но любопытно также было наблюдать за реакцией зала, за тем, совпадает ли моё мнение о том, что происходит на сцене, с мнением членов жюри. По мнению многих зрителей, претендентами на дипломы первой степени оказались спектакли «На земле Югорской» режиссёр Л.З. Шаравьева (Сургут), «Маугли вернулся» режиссёр-постановщик Э.А. Терехов (Мегион), «Необычайные приключения Чмокина или Меховая папа» режиссёр О.В. Гринченко (п. Белый Яр Сургутского р-на), «Сказка про Емелю» режиссёр Е.А. Горюва (Сургут), «Золочёные лбы» Е.В. Манец (Сургут), «Война сердец» руководитель Ю.В. Бонах (Нижевартовск). Количество дипломов для того, чтобы отме-

тить всех достойных, явно не хватало, но в основном награды и распределились между названными мною спектаклями.

Обо всех спектаклях рассказать невозможно. Одной из ведущих тем фестивальных показов оказалось сиротство. Мальчик-сирота, девочка-сирота, брошенные людьми собаки, сиротливо живущие в овраге, а в «Меховой папе» все дети растут без отцов, и всё время пытаются выяснить, что же это за явление такое – Папа, и в конце концов отправляются на поиски поляны, где гуляют добрые и никому не нужные «меховые папы». Причём, детишки так и говорят – меховая папа, употребляя это слово в женском роде. Грустная и смешная, превращённая в сказку, реальность наших дней.

Другая тема, которую пытались всерьёз осмыслить молодые режиссёры – противостояние грубой силы и нежности, разные виды борьбы добра со злом. Но слишком сложна эта тема, и не у всех получилось сказать достаточно чётко именно то, что пытались. Вот в спектакле «Важно любить» скинхеды получились гораздо более интересными и привлекательными, чем группа правильных, но слабых, а потому менее жизнестойких мальчишек, окружавших милую, нежную главную героиню. В мюзикле «Оливер Твист», что был вне конкурса представлен студией при Сугутском музыкально-драматическом театре, чёрный цвет был столь густо замешан, что жутко стало на душе. Возле маленького героя нет ни одного доброго взрослого рядом. Те, что спасают его от голода – преследуют свои иезуитские цели. И столь отлаженной, безукоризненно работающей показана машина по превращению добрых людей в грабителей и убийц, что создаётся впечатление – так было, есть и будет всегда. И было страшно за детей, что с явным наслаждением играли сцены насилия, получая удовольствие от издевательств над маленьким мальчиком. Поэтому добрый дядя, что появляется в конце спектакля и спасает мальчика-сироту, кажется совсем неубедительным, бледным и

чужеродным элементом в том мире, что был создан на сцене. Этому доброму герою и хочется поверить, но не верится. Хотел ли режиссёр поселить в сердца зрителей ощущение неотвратимости и необратимости торжества злой силы? Вряд ли, но так получилось.

Интересно, что в спектаклях, поставленных молодыми режиссёрами, поднимались самые сложные философские темы, а более взрослые коллективы выбирали себе изящные полные юмора «амурные истории». Молодые пытались экспериментировать на сцене, создавать что-то особенное, искали какие-то свои способы воздействия на публику. У одних эксперименты были удачными, у других – нет, ибо всё, что кажется новым для нас, уже кем-то бывало опробовано. Зачастую режиссёрские поиски выглядели как очередное изобретение велосипеда, впрочем, сии велосипедики получались иногда очень симпатичными. А после не-

Сцена из спектакля «Принцесса Кру» – режиссёр А. Феданюк, Мегион

которых постановок (хотя, подобных было мало) оставалось неприятное ощущение, что за душой у режиссёра и нет ничего кроме какого-то подросткового желания удивить публику своей исключительностью. Но именно стремление быть непохожими на других и накладывало отпечаток той самой банальной пошлости, от которой пытались убежать. Вот, например, симпатичные, но неряшливо одетые девушки, сверкая чёрными трусиками и голыми ногами (а надо сказать, ноги наших землячек, потерявшие за зиму загар и потому напоминающие синюшные куриные окорочка, со сцены смотрятся очень неопрятно), с завыванием кричали о том, что без секса жизнь остановится, и наши города будут пустыми. Наверное, они искренне считали, что секс – это и есть самая актуальная проблема.

И мне подумалось: как хорошо, что есть театральные фестивали, где жители дальних посёлков, желающие иг-

Среди награжденных – режиссёр А. Феданюк, Мегион (крайняя справа)

рать, но не знающие о сцене почти ничего, имеют возможность учиться у мастеров, перенимать опыт у любителей-театралов из других городов и весей. Пожалуй, фестиваль нужен-то в гораздо большей степени не тем коллективам, что всерьёз боролись друг с другом за первые-вторые места, за обладание гран-при, а им, начинающим, ищущим. И, наверное, всем работникам культуры, которые по роду деятельности так или иначе связаны с профессиональным или любительским театром, нужно было хотя бы в качестве зрителя принимать участие в театральном марафоне: просматривать спектакли один за другим, сравнивать их, оценивать самостоятельно, затем слушать те замечания, какие высказывают профессионалы театрального дела.

На фоне утомительной и не всегда оправданной погони за новыми формами выражения очень достойно прозвучал спектакль «Принцесса Кру» (режиссёр Анна Феданюк, Мегион), классический, добротный поставленный и сыгранный спектакль, возможно, в традициях 19 века, без каких бы то ни было модных изысков. Незатейливый, но очень добрый рассказ о девочке, оставшейся сиротой, встретившейся на своём пути с жестокостью, жадностью, с лицемерием окружающих её людей. Это очень трогательная история о том, как можно превратиться из принцессы в служанку, а потом наоборот, но всегда оставаться достойной уважения личностью. Никакого новаторства, никаких модных изысков, но если старая добрая манера игры и театральной постановки позволяет режиссёру и актёрам сказать самое главное о добре и зле, то зачем отказываться от нее? И недаром руководителю студии «Маска» Анне Феданюк, поставившей «Принцессу», был вручен специальный диплом за сохранение театральных традиций.

В целом мне показалось, что и сам фестиваль – это продолжительный гала-спектакль, где в разных эпизодах то героями, то статистами становились и члены жюри, и режиссёры-любители, и ар-

тисты, и зрители, глазеющие направо и налево, а иногда и мы — журналисты. Следить за работой жюри, ловить их незначительные (но так много значащие!) реплики — это тоже любопытное занятие. Конечно же, настоящее обсуждение, споры о том, кому присуждать дипломы,

Сцены из сказки «Про Емелю»
(лауреат II премии) Режиссёр —
Е. Горовая, Сургут

кому — нет, шли за закрытыми дверьми, но тем интереснее была каждая фраза, каждый возглас и жест профессионалов. Например, кто-то из членов жюри по пути из зрительного зала в «штаб» со вздохом бросает: «Отдохнули, пора и подражаться».

Из-за закрытых дверей через кого-то из вездесущих организаторов фестиваля доносились вести, что кое-кто из членов жюри готов был отдать гран-при мегионскому коллективу «Камертон», показавшему мюзикл «Маугли вернулся», но председатель жюри упёрся — он и диплом ему давать не желает. Сошлись на том, что «Маугли» получил диплом I степени, диплом за лучшее музыкальное сопровождение и за лучшую мужскую роль. А сколь жаркими могли бы быть споры, если б на фестивале был ещё один спектакль. Ведь в зональном конкурсе в г. Нижневартовске «Маугли» был только вторым, а первое место было отдано авторскому театру Елены Ерпылевой из Когалыма с её спектаклем «Чёрный свет белой ночи». Только потому что актёр, игравший главную роль неожиданно разболелся накануне финального показа, когалымский театр не приехал на финал, чем облегчил работу жюри.

Пожалуй, не простила бы себе, если б не поговорила с профессионалами из Москвы. Али-Хусейн, напускавший на себя важную многозначительность, очень хорошо оценил и уровень организации фестиваля, и отметил, что есть интересные коллективы, но многословием не отличался. Однако на мой вопрос: молодые здесь учатся, а что даёт фестиваль ему самому, ответил:

— Я тоже учусь, как и они. Вот смотрю на будущую звезду театра и понимаю, что наша большая разница в возрасте, может быть, не позволяющая мне в полной мере ощущать какие-то изменения, совершенно не мешает молодым — они чувствуют. Время ими воспринимается совсем не так, как мной. И я учусь у молодых этому новому обострённому чувству...

А более молодой Дроздин разговаривал:

— Здесь есть спектакли, которые произвели большее впечатление, есть послабже. В целом же сильное впечатление производит разнообразие, смесь, смелость режиссёров. Они взваливают на себя такие глыбы, за которые и профессионалы не всегда берутся, и как-то их ворочают при этом! В нашем деле все-таки надо рисковать. Вижу очень неожиданные вещи, меня удивляет детская программа, молодёжная, стилистическая смелость. Понятно, всегда найдётся за что покритиковать, но ведь здесь мы смотрим любительские спектакли, то есть творчество людей, которые после своей основной работы или учёбы вечерами собираются и создают вот это чудо.

Я думаю, надо сказать, что в искусстве провинций нет. Это не фраза, а действительность. Я знаю массу примеров, когда в Омске, в Рязани, где-то ещё режиссёр ставил прекрасные спектакли, но его не признавали, только потому что он работал в провинции. Но вот он переезжает в Москву, и перед ним начинают заискивать критики, публика. А что, в Омске он хуже спектакли ставил? Зачастую — лучше. Это общая проблема. Я вижу, что здесь присутствует столичный уровень показа, это не пустые слова. Просто людям сложно поверить, что в каком-то маленьком городке, в школьном подвале можно ставить спектакли не хуже московских. Я в своей жизни видел так много спектаклей, что меня сложно чем-либо поразить. И здесь нельзя сказать, что кто-то или что-то поразило, но здесь есть люди, из-за которых стоило сюда приезжать, стоило познакомиться с ними. Я воспринимаю фестиваль с точки зрения воз-

можности общения талантливых, увлечённых одним делом людей, а отсюда и возможного их роста. После каждого фестивального дня мы сидели и разбирали спектакли, все вместе — и актёры, и режиссёры — оценивали что получилось, что — нет. Это была очень плодотворная работа, люди желают слышать советы со стороны, вот это меня поразило больше, чем спектакли. Талант не имеет никакого отношения к географии — эту истину я давно понял, а сейчас ещё более утвердился в ней.

Среди гостей фестиваля было и ещё одно действующее лицо, от которого, не преувеличивая, также зависит дальнейшая судьба театральных фестивалей — это Александр Витальевич Конев, директор окружного департамента культуры и искусства. Но воспринимался он не как официальное лицо, а как самый заинтересованный и неравнодушный театрал. Как оказалось, Александр Витальевич в студенческие годы был учеником Нины Дмитриевны Алексеевой и до сих пор хранит трепетные чувства к своему педагогу. И этот фестиваль для него своего рода отчёт по преданности театральному искусству...

А после оглашения результатов и вручения дипломов, когда участники фестиваля уже разъезжались, можно было наблюдать любопытную картину, когда Эдуард Терехов, поставивший «Маугли», и председатель жюри Михаил Яковлевич Али-Хусейн ещё почти час на крыльце ДК «Октябрь» о чём-то горячо спорили, размахивая руками. Со стороны казалось,

Кубок за первое место у мегионского режиссёра Эдуарда Терехова

что они вот-вот подерутся, но под конец седовласый Али-Хусейн похлопал веснушчатого Терехова по плечу и вместе, взявшись за руки, они удалились со сцены, т.е. с крыльца Дома культуры (водку пить). Чем закончился их прощальный ужин, для широкого зрителя осталось неизвестным.

Фото Татьяны ЮРГЕНСОН

Матьяна
ЮРЪЖЕОЖ

...Я наивная, себе верю

(С. Семянникову)

Срывая лени пелену
И твоему совету внемля,
Я, чувствуя себя в плену,
Всё глубже погружаюсь в землю.

Под слоем прелого листа –
Останков суетных стремлений,
Лежит не твердь, а высота –
Основа новых поколений.

Вот, чернозём пронзив насквозь,
Побег настырный рвётся к свету.
Пока он – просто юный гость...
Под землёй, в глубинах где-то

Течёт невидимый ручей,
Мята новой жизни корни.
От воды живых речей
Росток всё выше и проворней.

И я, застряв на полпути,
Вдруг понимаю с удивленьем –
Мне, для того, чтоб вверх расти,
Земное нужно притяженье...

В глуповатой суетности славы,
В гонках за признанием толпы,
Как бываем часто мы не правы,
А стремленья тщетны и пусты

На листах измученной бумаги
Нет души и правды нет стиха.
Го – поэзия? Увы! Нет нужной тяги
Чтобы жизнью вылилась строка.

Смысла нет в пустых движеньях рук.
Ускользает правда из-под взгляда
Мира, что сорвался в пропасть вдруг.
Ну, а я, скатилась где-то рядом.

И лежим мы у подножья скал,
Я – и мир, как будто не разбились,
А Судьбы насмешливый оскал
Нас ехидно вопрошает – вы ли

Так стремились к вольности своей?
Ты одна! И мир теперь свободен!
Что ж не пьёшь ты? Вот он твой
ручей –

Истины, что так тебе угоден...

Тишина... Качаясь, словно плеть,
Я припала к свежему истоку.
Всё мечтала научиться петь...
И лететь за солнечным потоком...

Старый мир, взобравшись на скалу,
Что ему потеря чьей-то сути?! –
Снова нежно пестует молву
И в объятьях душит грубо судьбы.

Я свободна, и ручей теперь у ног
Волны катит мерно, равнодушно.
И хохочет в иступленьи Рок –
Счастлива? Тебе вот это нужно???

Холод крупы, истязаемой в прах,
Белой, прозрачной, когда-то красивой, –
Как отходная молитва по силам,
Сквозившим в морозах и диких ветрах.

Молчание не всегда тишина –
В невидимых колбах
Забытый алхимик
Ищет философию жизни,
Превращая её в дым.
И где – то серебро
Сказанного слова?..
И где – то золото
Мудрой мысли?..

Заумь любви винной каплей
Плачет.
Падают дальние звуки – стальные
Стрелы,
Пронзая капли со звоном, разбитых
Вдребезги –
Чувств и надежд наивных.

Запах полыни –
Пряность этого утра.
И поцелуй мимо губ...
А был ли?
Боль или сладость
Ладонью движет –
Жест-мимолётность,
Намёк на чудо.

Я наивная – себе верю.
Крылья мотылька –
За спину, и...
Шаг с крыши...
Вот, распластана
У входной глухой двери...
Ну, а если те же крылья –
Только шаг
С того облака,
Остальное всё –
Побоку!
Купола и те взмыли
Вверх...
Я внизу.

Алым заревом
Затянулось небо –
С испугу, что ли?
Что-то капает с губ
Красное –
То ли радость моя
То ли чья-то боль...

Море
лу-
чилося –
чинилось,
как краля
пред зеркалом,
отражаясь в небе
на тысячи крайностей –
раз – и билось
о хмурый берег,
не видя края.
И старая лодка пела
скрипом
у-
ключин,
ключами к глубинам про-
странства
и странных
странников
с крыльями за плечами
сникшими без дела.
Лишь трепетный парус
уз
не ведая мчит
синей саржей
к месту сра-
жений
за поражением
или победой,
всхрапывая над буг-
риной,
игривой волной,
ловя ярость
призывной песни.

Золото! Вы посмотрите,
Какое золото слов
Рассыпалось
Крупинками между строчек
И строф.
И засверкали драгоценностью
Россыпи мудрости и любви,
Которые может подарить только
Человек человеку
Или Богу.
Ведь и он тоже
Рассыпал свое милосердие
Замечательной песнью:
Вначале было Слово...

Иван
РЫНКОВОЙ

Истовець «Железного» Бати

Вернуться в Мегион меня уговорил
Арнопольский

В 1978 году, когда было образовано объединение «Нижневартовскнефтегаз», меня назначили заместителем главного инженера по производству. С этих пор я стал активно помогать Мегиону. «Мегионнефтегаз» в этот период находился в трудном положении: добыча падает, скважины останавливаются, условия в социальной сфере страшные.

Начальник Главка Филановский хорошо знал Г.С. Арнопольского и назначил его на должность начальника НГДУ «Мегионнефть». Однако Мегиону должного внимания по-прежнему никто не уделял, контора оставалась в Нижневартовске, и ситуация к лучшему не менялась. Куда Арнопольский только ни обращался! Никто помогать не хотел. Да и взрывной характер Георгия Саммуиловича уже не помогал, а, скорее, вредил делу. Сам он к тому времени начал сильно болеть, запросился в отставку. Новый начальник Главка Р.Т. Булгаков поставил условие, что освободит его только в том случае, если будет найдена замена. И Арнопольский стал активно уговаривать меня.

– Иван Иванович, – признавался он мне, – всё, больше не могу. Давай, переходи в Мегион. Ты же там начинал...

Откровенно говоря, подобное предложение поступало мне и от Булгакова.

– Надо поднимать Мегион, – сказал он во время одной из встреч.

Иван Иванович Рынкувой... Личность легендарная. С именем этого человека связаны героические и судьбоносные страницы истории нашего города. Старшее поколение мегионцев его хорошо знает, молодёжь – слышана. Определение «железный» ему было дано ещё в далёком 1964 году, за невероятную выносливость и силу. Он и сегодня вызывает такое ощущение – небольшой, сухощавый, но с могучим духом и затаённой силой.

Накануне празднования 40-летия Мегионской нефти в издательстве «Пресс-Информ ТВ» вышла книга его воспоминаний. И сразу же вызвала огромный интерес. К сожалению, тираж небольшой – всего 500 экземпляров. И сегодня мы предлагаем отрывок из этой книги – главу, которая называется: «Я верил: город будет».

Я знал, что Самотлор по-прежнему оставался главным местом приложения усилий и средств. Мегион же всегда был на остаточном варианте, всё ему доставалось в последнюю очередь. Прочно закрепилось такое понятие, что Нижневартовск – это базовый город, а Мегион – вахтовый посёлок. Георгий Саммуилович рассказывал мне:

– Кому не предложу, все отвечают: ты что, идиот?! Чтобы идти на Мегион? Это же самоубийство!

И вот в таких условиях я согласился идти начальником НГДУ «Мегионнефтегаз». При переходе потерял в должности, в зарплате, в жилищных условиях. Из благоустроенной квартиры переселился в барак. Чуть позже перетащил туда супругу. Никто меня тогда, кроме моей семьи, не понимал. Конечно, при всех обстоятельствах я мог отказаться, но это решение было очень важным для меня самого. Мегион сидел во мне глубоко, как несбывшаяся мечта юности. И очень хотелось, вопреки всему, приблизиться к ней, дать почувствовать людям, с которыми я когда-то начинал осваивать первые месторождения Мегиона, что всё было не напрасно.

В середине 60-х годов мы мечтали, что на месте никому неизвестного посёлка вырастет красивый город нефтяников, и решили рассказать о Мегионе всему миру: на берегу Оби установили шестиметровый щит с портретом Ленина, а рядом написали слова известного советского поэта: «Я знаю, город – будет, я знаю, саду – цвезть, когда такие люди в стране советской есть!» Потом подписались под этими словами. Мимо по реке шли пароходы, и все говорили: это наш маяк! Сначала нехитрое сооружение было для всех нас воплощением мечты,

надеждой на лучшую жизнь. Для меня эти слова со временем стали клятвой, которую я дал, но не выполнил...

За время работы в Мегионе мне невольно ещё дважды довелось давать подобные обещания. Это было в 1966 году. Конец весны, наши строители разметили дорожки, чтобы от берега Меги прокладывать тротуары. А кругом такая грязь, не пройти! Дороги тяжёлой техникой разворочены, я просёлочной дорогой только и мог ездить на своём тягаче. И вот я вышел из машины, чтобы посмотреть, как идут дела. Смотрю, а женщина сидит прямо в луже посреди дороги и плачет: сапог потеряла. Подошёл, вытащил её (сапог мы, конечно, не нашли: куда там в таком болоте!), а она кроет своего мужа разными словами...

– Приедет, я ему, (...), покажу! Куда он меня завёз! Уеду, чтоб глаза мои его и этот Мегион не видели!

– Ну, что Вы, женщина, – сказал я ей тогда. – Не надо ругать мужа. Вот увидите, лет через десять здесь будет прекрасный город!

– И этот такой же дурак, как мой! – услышал я в ответ.

Об этом же я во всеуслышание сказал однажды и на колхозном собрании, которое проходило в местном клубе. Колхозники, не стесняясь крепких выражений, упрекали геологов, нефтяников, что они приехали за большими деньгами, но ничего не делают для улучшения условий жизни местного населения. Хорошо помню одну женщину, которая выступала очень резко. Не защищая никого, я ответил:

– Попомните моё слово: будет Мегион красивым городом!

Всё сказанное не было пустым звуком: я верил сам, стремился внушить

людям, что трудности будут не всегда... и когда в начале 80-х мне предложили возглавить «Мегионнефтегаз», я воспринял это как возможность вернуть людям утраченную веру, как шанс выполнить данные обещания.

Именно поэтому я решил жить в таких условиях, в которых находились практически все мегионцы. Хотя на такой шаг тогда решились не все.

После длительного отсутствия я снова увидел Мегион... Это был такой «шанхай»!.. Везде грязь, помойки, канализация забита, всё течет по поверхностям...

Чтобы поднять производство, надо создать условия для людей. Это аксиома. Я стал искать выходы из ситуации. Задачи, которые поставил для себя – отселение мегионцев из балков, строительство отдельной, канализационных сооружений и др., требовали передачи города (Мегион к 1981 году уже получил статус города) от геологов нефтяникам.

Как нефтяники Мегиона получили генплан города

Наш рабочий люд очень скор на меткие и точные определения, характеристики. Бывало, дадут кому-нибудь кличку – прилепится намертво. Вот и о нас, принявших решение переехать из благополучного и заласканного Нижневартовска в забытый Мегион, очень быстро сложили забавное четверостишие:

Они поехали в Мегион
Заработать миллион.
Но вернутся из Мегиона
Без штанов и миллиона!

Конечно, о высоких зарплатах мы не мечтали. И я, и мои товарищи, разделявшие со мной ответственность за будущее предприятия и людей, хотели, прежде всего, поднять производство, улучшить условия жизни мегионских нефтяников и их семей.

Но сделать это оказалось не так просто.

Министерство нефти и газа в эту пору возглавлял Н.А. Мальцев. Однажды в вертолёте, пролетая вместе с Р.Т. Булгаковым над Мегионом, он спросил:

– Что это за поселок?

– Мегион, – ответил ему кто-то из сопровождающих.

– Вот так Булгаков... Это посёлок геологов? – уточнил еще раз министр. – Чтобы вы здесь жильё не строили! Возите вахты из Нижневартовска, а Мегион пусть остаётся вахтовым поселком!

Кто мог тогда перечить министру?! В условиях партийно-советской

системы 80 процентов руководителей готовы были пожертвовать своими заместителями, специалистами, кем и чем угодно, лишь бы выполнить указание вышестоящего начальства. В противном случае они могли лишиться должности, испортить себе всю карьеру. Уверен, если бы у нас не было такого чиновничества, безусловного одобрения любых, даже самых неграмотных, бесперспективных, порой вредных решений руководства, мы бы СССР не развалили... До слёз обидно: руками тысяч людей, их самоотверженным трудом был создан мощнейший нефтяной потенциал...

Но у меня другой характер. И я поехал в Тюмень, в Главк.

– Надо у геологов забирать генплан Мегиона, – предложил я Булгакову. – Они на бюджете, и никогда не смогут построить город...

– Ты же понимаешь, министр против. И сказал: если узнаю...

Мои попытки доказать, что без создания условий для нормального проживания людей мы не подыдем и производство, остались безуспешными.

А как быть мне? Работники предприятия, которые жили в Нижневартовске, быстрее стремились уехать домой. Мегионцев же приходилось принимать на личном приёме до двух часов ночи: все шли со своими проблемами. И главная состояла в отсутствии нормального жилья.

– Иван Иванович! Написали письмо Терешковой!..

– Иван Иванович, мою дочь в школе оскорбляют за то, что она не умеет туалетом пользоваться!..

Это были не вопросы, а сплошной плач! Как жить дальше?! Естественно, что в таких условиях я просто не мог сидеть, сложа руки. Прошёл кабинеты многих руководителей: заместителя начальника Главка по капстроительству Парасюка, начальника Главка «Жилстрой» Фадына, заведующего отделом капстроительства в министерстве, министра Промстроя СССР Пятибрата, партийных руководителей. Помогать не отказывались, но все ссылались на указание Мальцева. Вот если оно будет отменено...

Председателем Мегионского горсовета был Ю.С. Ярошенко. Незаслуженно его забыли, прекрасный был человек. Из партийных и советских руководителей он больше всех сделал для развития города. Юрий Семёнович почти всё время сопровождал меня в хождениях по инстанциям.

В «Жилстрое» у Фадына я встретился с Е.И. Куропаткиным, который был

начальником строительного управления в Нижневартовске: они только начинали строить там жильё. Вот кто помог мне очень сильно впоследствии... Я и сейчас при встречах с Евгением Ивановичем всегда его благодарю. А Василий Лукич Пятибрат посоветовал мне обратиться в Совет Министров СССР.

– Вы Дымшица знаете? – спросил он меня.

– Один раз докладывал ему, – ответил я (Дымшиц был первым заместителем Председателя Совета Министров СССР). – Он раза четыре приезжал к нам в Нижневартовск.

– Вот и идите к нему!

Это был уже 1982 год. Снова собрал все бумаги, взял с собой Ярошенко, уговорил ещё и секретаря горкома партии, и мы поехали. Но сразу к Богомякову, в обком.

– Что, Иван Иванович, никак не понимает ситуации? – спросил тот через своего помощника.

– Не понимаю, Геннадий Павлович, – ответил я прямо. – У меня самого всё есть, а вот люди в балках живут. Там такие трущобы, если загорится...

Я действительно очень переживал за эти дела.

– Министр против! – как гаркнет Богомяков на меня. Секретаря горкома как ветром тогда сдуло из кабинета.

– Ну, зачем ты лезешь в эти дела? – уже мягче спросил меня Богомяков.

Дальше я решил ходить сам и предложил Ю.С. Ярошенко вернуться домой.

– Снимут тебя с работы, и всё. Что будешь делать? У тебя же выборная должность...

– Нет, – настоял он, – я буду с Вами, Иван Иванович, до конца!

Попытался еще раз отговорить меня и Булгаков.

– Я тебе так как-нибудь буду помогать, не езд! Пожалеешь, да и меня подставишь...

– Была бы шея, – ответил я, – а ярмо найдется. Дай денег на дорогу!

Денег мне Ришад Тимиргалиевич дал, но предупредил:

– Я тебе ничего не говорил!

– Но ведь ты же сказал, что министр против застройки Мегиона?

– Это можешь сказать министру!

В Москве я сразу пошёл к начальнику управления капитального строительства министерства, который был вместе с министром во время облета Мегиона.

– Ты что, судурел? – набросился он на меня. – Ты слышал, что министр сказал?

– Слышал, но не министру с людьми работать, а мне. Подпишите бумаги!

– Выйди из кабинета! – стал орать на меня он. – Ты мешаешь мне работать!

А потом выскочил из кабинета. Как потом я узнал, он побежал к министру.

Дальше события развивались таким образом.

Подошёл Лев Дмитриевич Чурилов и стал уговаривать меня.

– Подумай о себе...

А тут и начальник административно-хозяйственного отдела появилась.

– Иван Иванович, Вы что наделали? Мне дали команду выселить Вас из гостиницы! Чтобы Вы через сутки были уже в Мегионе! Вот Вам билет на самолет!..

Пришёл в гостиницу, а мои вещи уже у администратора. Что делать? Информация о моих злоключениях дошла и до объединения «ННГ».

– Иван Иванович! Немедленно возвращайся! – звонит мне Марычев.

– Федор Николаевич, я передал заявление, с просьбой предоставить мне десять дней отпуска без содержания по семейным обстоятельствам!

И тут я вспомнил про одного парня, своего однокурсника, сына большого партийного чиновника. Нашёл в записной книжке его телефон, созвонился. Мне повезло: он не только решил вопрос с гостиницей, но и помог устроить встречу с Дымшицем.

Я почему это всё в таких деталях рассказываю? Приходилось слышать и даже читать, что активная застройка Мегиона началась после коллективного обращения депутатов горсовета в вышестоящие инстанции. Наверное, их письмо также сыграло свою, определенную роль. Но главное решение, кардинально изменившее подходы к развитию Мегиона, было принято на уровне первого заместителя председателя Правительства В.Э. Дымшица. Это факты, и о них должны знать мегионцы.

Мой однокурсник сообщил мне, что встреча назначена на 10 часов утра следующего дня, и дал свою машину. Я не спал всю ночь, переживал, учил имя-отчество Дымшица (Вениамин Эммануилович).

На приеме я пробыл ровно 4 минуты 53 секунды.

– А-а, – встретил меня Дымшиц, – это тот Рынковой, чей доклад я отметил как лучший? Помню-помню... В чем дело?

– Я вернулся на Мегион, который надо развивать. Люди, с которыми я начинал, живут нищенски, – постарался коротко доложить я. – Надо передать генплан города нефтяникам.

– Кто против? – спросил он.

– Мальцев.

Дымшиц ту же при мне снял трубку.

– Ты что-о? Он себе, что, дачу просит?! Так вот, подпишешь генплан и дашь средств столько, сколько Рынковой просит!... – и положил трубку.

Так же точно он решил и вопрос по котельной.

В этот день я до 16 часов просидел в ресторане «Прага», отходил от приема и его результатов. Столько пришлось выдержать, и так молниеносно все решилось.

Когда я вернулся в гостиницу, меня уже все обыскали: надо было срочно ехать на прием к министру. Но я решил отдохнуть после бессонной ночи, и поехал только к 19.00.

Приняв меня, Мальцев потребовал занести ему мое личное дело. Я сидел, а он читал. Читал-читал, а потом как рыкнет на кадровика:

– Таких людей ценить надо, а не разбрасываться ими! А вы что делаете?.. – и тут же обратился ко мне, – ну-ка, дай я на тебя посмотрю!

А что на меня смотреть. Еще Арнопольский говорил, что меня в министерстве не любят.

– Кто сказал, что я против застройки Мегиона? – спросил следом Мальцев.

– Депутат Верховного совета Булгаков, – ответил я, помня, что у меня было разрешение на такой ответ от самого Булгакова.

– Соединить меня с Булгаковым! – скомандовал министр.

Словом, распорядился он и генплан подписать, и денег на застройку города дать. Но вместо пяти миллионов рублей, которые я просил, нам дали 10. Потом за то, что три миллиона не успели освоить, мне еще выговор вкатили.

Через три года Мальцева сняли, но нефтяники здорово натерпелись от этого человека. На его совести столько судеб!... Многие крупные талантливые руководители после коллегий оказывались с инфарктами на больничной койке. Именно после такой коллегии от сердечного приступа умер Николай Петрович Дунаев.

– Я не позволю так издеваться над нефтяниками, – заявил тогда Дунаев министру и ушёл с заседания.

Его ждали друзья, а потом, не давшись, попросили открыть номер в гостинице. Николай Петрович, как сидел

в кресле с телефонной трубкой в руках, так и остался. А в уголке губ – таблетка валидола. Виктор Иванович Муравленко,

Иван РЫНКОВОЙ

Исповедь
„железного“ Бати

глыба, огромным авторитетом пользовался у всех, тоже умер от сердечного приступа. И таких много. Вот как давался людям Север.

И начали нефтяники строить город

К моменту передачи генплана нефтяникам геологи уже начали в Мегионе строительство многоэтажных домов. Первый дом поставили рядом с домом культуры «Прометей». Но я тоже не собирался откладывать дело в долгий ящик. Поддержка мне была обещана, как я уже писал, и Е.И. Куропаткиным, начальником строительного управления из Нижневартовска, и самим министром Промстроя СССР В.Л. Пятибратором.

Первый дом на перекрестке улиц Кузьмина и Нефтяников Куропаткин делал с чистого листа. Я выпросил у Валентина Гаврикова, начальника Мегионской НРЭ, катер, баржи, чтобы перевезти с Юганска первые сваи. И потом целую ночь дежурил возле них, чтобы никто не украл.

Квартиры из первых двух домов – девяти и пятиэтажного я не отдал никому: ни горисполкому, ни строителям. Молодые специалисты жили по три семьи вместе, и я волевым решением заселил их в новые квартиры. Мне тогда даже выговор по партийной линии пообещали.

Остро ощущалась тогда и потребность в развитии торговых услуг. Поэто-

му начали строить свою базу ОРСа с капитальными овощехранилищами. Не хочу скрывать, что оборудование на многие объекты приходилось просто перехватывать у других. Помогали опять же руководители нужных управлений, главков, министерств. К примеру, первый мясной холодильник предназначался для Покачей. Его долго потом искали: пропал, говорят. А мы его уже смонтировали к тому времени. Так и пошёл наш Мегион строиться. 50 процентов средств на проектно-изыскательские работы объединения я забрал на «Мегионнефтегаз». И это были не только нефтепроводы, водоводы, но и объекты производственной сферы: асфальтный завод, копильный цех, первый стотонный холодильник, предприятие связи (Телеком) и другие жизненно важные для населения, развития социальной сферы города производства.

В кратчайшие сроки мы сдали административное здание «Мегионнефтегаза», которое потом отдали под Лечебно-диагностический центр. Сидели там днями и ночами, проводили бесконечные оперативки со строителями... Корпус, в котором сейчас находится офис акционерного общества «Славнефть-Мегионнефтегаз», тоже мы начинали возводить. Правда, не как административное здание (запрещали тогда это делать, дурости было много), а как лабораторный корпус нефтепарка.

Опять же в интересах нефтяников, всех жителей города взялись за развитие колхоза. Если бы жив был директор Мегионского совхоза Проклов, он многое мог бы вспомнить о том периоде, когда я планёрки у него проводил. Начали разработку участков под капусту, морковь, предметно занялись разведением скота, подготовкой кормов: хотели иметь свои овощи, мясо, молоко для работников предприятия.

Я взял с месторождений для колхоза арочные склады, три километра бетонных дорог. Что такое для нас были эти три километра?! А колхозникам приходилось передвигаться по пояс в грязи. Через заместителя министра по внешним связям я добился поставки шведского молочного комбината. Строители даже сваи забивали под этот молочный комплекс. Но с моим уходом возведение этого объекта прекратилось.

Не всё успели завершить, но и сегодня с уверенностью могу сказать, что этот рывок был сделан вовремя. Без передачи генплана города нефтяникам Мегион разделил бы участь других аналогичных поселков, в которых жизнь устраивалась по временной схеме. Много сделали для развития социальной сферы

города такие руководители «Мегионнефтегаза» как А.В. Фомин, А.М. Кузьмин, С.В. Алафинов, М.Я. Занкиев, В.М. Игнатко. Но и сегодня, спустя двадцать лет, город всё ещё устраняет наследие начального периода, когда каждое ведомство строило свои котельные, прокладывало свои теплотрассы, возводило для своих работников временное жильё. Поэтому городским властям, коммунальным службам приходится много заниматься реконструкцией, модернизацией, создавать единую и современную схему жизнеобеспечения города.

С радостью взирая на быстроменяющийся облик Мегиона, я хочу с законным чувством гордости обратиться к своим товарищам, коллегам, ученикам: «Ребята, мы начинали это вместе, и как видите, всё было не зря!»

Команда, с которой мы начинали перевод на механизированную добычу

Не могу не признать: Мегион вытребовал меня за четыре года капитально. Сейчас многое пишут и говорят о том периоде. Но хочу сказать, что поставленные перед нами задачи в производственном и социальном плане мы решили. Ходят даже слухи, что меня уволили с должности начальника НГДУ «Мегионнефтегаз». Это неправда. Я попросился сам. Мне было 46 лет. К тому времени дважды уже был под капельницей. Не болел, но как выяснилось на обследовании в Израиле, на ногах перенёс инфаркт. Оно и неудивительно: день и ночь испытывать такое напряжение сил, нервов. Кое-кто из моих коллег даже обиделся на меня за то, что я оставил «Мегионнефтегаз». Владимир Васильевич Кругликов, работавший начальником ЦИТС, позже говорил мне:

— Мы же передними колёсами уже на асфальте стояли. Ещё чуть-чуть, и выехали бы...

Выезжали трудно. Всё, что сделали тогда руководители, специалисты, рабочие предприятия, заложило прочную основу для перевода нефтедобычи на механизированный способ, дало правильные ориентиры тем, кто пришёл позже. Нынешнее поколение нефтяников должно знать их имена и представлять, какими усилиями был взят самый непростой рубеж в истории разработки нефтяных месторождений Мегиона.

Главное противоречие состояло в том, что в стране привыкли к фонтанной

добыче больших объёмов нефти, а переход на механизированный способ не только не давал мгновенных результатов, но и не мог обеспечить, при всей своей эффективности, прежних объёмов добычи. Планы доводились большие, но порой они являлись нереальными. Нам приходилось заниматься переводом на мехдобычу и одновременно доказывать ошибочность старых подходов. Однако для ломки стереотипов всегда необходимо время. Тем, кто пришел после нас, в этом плане было уже легче.

Требования были очень жёсткие. Я не боялся оспаривать нереальные планы, возражать самому министру. Кое-кто из моих коллег и сейчас вспоминает об этом. Однако, все свои технические мероприятия, которые намечали, мы выполняли и перевыполняли, потому что в руководстве НГДУ была очень хорошая команда: С.В. Муравленко, С.Б. Багинский, В.В. Кругликов, начальники цехов А.М. Кузьмин, С.В. Алафинов, старший геолог второго промысла Володя Нихти, старший инженер ПРС Володя Курлышев, механик Володя Игнатко, Ким Ден У, Володя Сенев, Коля Суслик и другие. Несмотря на молодость, многие уже тогда проявили себя очень толковыми специалистами. У каждого были свои особенности и достоинства, которые во время работы в команде позволяли достигать хороших результатов.

Когда я принял Мегион, 50 процентов скважин стояло в бездействии, межремонтный период составлял 180 суток, аварии происходили практически ежедневно. А по обеспеченности электроэнергией «Мегионнефтегаз» находился в катастрофическом положении: все подстанции были перегружены и работали в аварийном состоянии. Специалисты меня поймут, если я приведу такой пример — на одном фидерном устройстве запускалось 42 скважины при максимальной норме 12. О какой ритмичной работе механизированного фонда можно говорить?! В НГДУ не хватало 110 км ли-

ний электропередач, пяти подстанций на 110в и одной на 220в. Когда с этими расчётами я поехал в Москву, министру пришлось снять с работы главного энергетика министерства. Правда, донести истинное положение дел мне удалось не сразу.

В «Мегионнефтегазе» тогда работал известный в наших кругах энергетик (не буду называть его фамилию), которому я поручил составить свою часть (по энергетике) технических мероприятий по повышению инженерной устойчивости производственных объектов. Он их сделал, но на таком низком уровне, что, когда я поехал первый раз с этими расчётами в министерство, меня там, образно говоря, носом натыкали.

– Рынковой что-то мутит, создает нервозную обстановку, – сказал главный энергетик министру. – Я разговаривал с главным энергетиком «Мегионнефтегаза», там всё нормально. Пусть Иван Иванович не паникует.

Вернувшись домой, я пригласил энергетика, подал ему чистый лист бумаги на заявление и сказал: «Чтоб я тебя больше не видел!» (Никогда не увольнял людей за провинности, всегда давал лист бумаги для того, чтобы они писали заявление по собственному желанию). В службе энергетика работал Виталий Мясников, любил, правда, выпить, но голова – умнейшая. Поговорил я с ним по душам и назначил главным. Надо сказать, своё обещание он старался держать. Вот с его мероприятиями по обеспечению устойчивого энергоснабжения объектов нефтедобычи я и поехал снова в министерство и убедил в истинном положении «Мегионнефтегаза».

В короткие сроки мы сдали подстанцию на 220 вольт, которая по тем временам была одной из самых больших в Союзе. Строили с чистого листа, потому что времени на изготовление проекта, экспертные оценки у нас не было (всю эту работу вели параллельно). Сделали невозможное, ведь требования к таким объектам были высочайшие. И надо сказать, что хорошую поддержку я получил у главного инженера Свердловского проектного института Леонида Ильича Зайцева, начальника 101-ой мехколонны Юрия Викторовича Чекрыгина. Помогали мне многие, верили слову нефтяника, в том числе и Игорь Кирбаев, куратор по строительству объектов Минэнерго в Тюменской области. Когда министру энергетике Непорожнему показали подстанцию и рассказали, как она строилась, он воскликнул:

– Не было за всё время существования СССР ничего подобного! Я не слы-

шал, чтобы таким методом возводились крупные объекты!

Много сил довелось приложить тогда, чтобы уменьшить и количество аварий. Только в 1981 году в «МНГ» произошло 367 порывов. Нефтепроводы старые, гнилые, мы головы от труб не подымали. Практически каждый день порыв, а то и два-три. Семён Микитин (отвечал за нефтепроводы), Сергей Алафинов, другие руководители и специалисты работали с огромным напряжением. Алафинова однажды ночью сердце схватило, увезли в больницу. Но и эту проблему мы решили, добились уменьшения количества аварий в пять-шесть раз. Такой показатель, как межремонтный период скважин, также сократили вдвое.

И всё-таки главным направлением наших усилий с первых дней оставался переход на механизированный способ добычи нефти. Начал эту работу ещё Г.С. Арнопольский. Мне надо было продолжать. День и ночь вел расчёты, даже ночевал в кабинете. Как ни крути, а получалось, что для выхода из кризиса первые два года мы должны были переводить по 300 скважин ежегодно. Собрал начальников цехов, руководителей служб на совет.

– Вот так, – говорю, – чтобы выполнять программу, надо в 1982 году перевести на мехдобычу не менее 300 скважин. Задача понятна?

– Как же так?! – загалдел весь зал (до этого максимально переводили 57). – Работали, не гуляли...

Через четыре дня собрались снова.

– Подумали, посчитали, – привели мне свой расклад руководители, – реально – это 120-150 скважин...

– Идите, думайте ещё, – отправил я их опять.

Сейчас, когда встречаюсь с С.Б. Багинским, он удивляется:

– Не может быть, Иван Иванович, чтобы я Вас так назвал.

Но это было именно так. Когда я пригласил всех в третий раз, Станислав Брониславович (он работал заместителем начальника НГДУ по капитальному строительству) встал, посмотрел на меня внимательно.

– Вы, наверное, авантюрист из авантюристов! – сказал он и тут же ушёл.

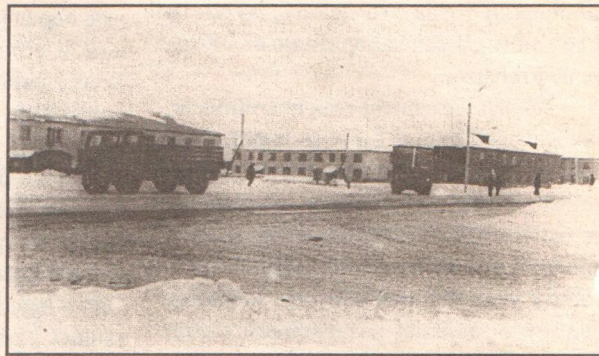
Я очень любил и уважал Багинского, ценил его за профессионализм, организаторские способности, принципиальность. Мне импонировало, что Ста-

нислав Брониславович никогда никому не угождал, открыто высказывал своё мнение, возражал, если был с кем-то или с чем-то не согласен. И как же было приятно не ошибиться в этом человеке! До конца года поставленную задачу мы перевыполнили: 323 скважины перевели на механизированный способ добычи. Конечно, это не только заслуга отдела капитального строительства. Свою роль сыграли все подразделения и службы, но основной упор был сделан на строительномонтажное управление и службу снабжения. Важное значение имели организационные меры, а также стимулирование труда: премиальные возили прямо на кустовые площадки. Большую помощь нам оказал и отдел капитального строительства объединения, который возглавлял Николай Емельянович Маев.

– Я до конца дней не забуду, как вы это сделали, – искренне восхищался он, хотя вначале отнёсся к нашим планам настороженно.

– Мы даже в Татарии не переводили постольку, – говорил он мне.

Такие масштабные планы нельзя было выполнить и без грамотной работы инженерной службы, которую возглавлял мой ученик, эрудированный нефтяник

Сергей Викторович Муравленко. Он смог так организовать дело, что служба стала настоящим мозговым центром всей нашей работы. (Не могу не отметить и высокие нравственные качества Сергея Викторовича, его выделяли среди многих чувство такта, порядочность и высокая ответственность, никогда он не пользовался и высоким авторитетом, положением своего отца, не выпячивал родства с ним. Когда вышла первая книга об отце, он подарил её мне с дарственной надписью: «Моему первому учителю за всё с глубокой благодарностью!» Сегодня я очень дорожу своей дружбой с этим человеком, бесконечно благодарен за поддержку, которую он мне оказывает.

Если перечислять всех, кто решал поставленную задачу, не хватит места. Это была наша общая победа на том отрезке времени.

МАГИЯ

В МИРЕ МУЗЫКИ

«РУССКИХ УЗОРОВ»

Среди кучи старых пластинок, оставшихся на «большой земле» вспоминается одна – в большом белом конверте на котором узорчатыми буквами «под старину» было написано название оркестра «Русские узоры». Не могу сказать, что в детстве это была самая любимая пластинка, но она была в числе тех, которые всегда находились под рукой и слушалась регулярно. Обработки русских народных песен, популярные классические произведения... Помню, каким сильным было детское желание увидеть хоть раз живую исполнительницу этого своеобразного митпапарада...

С того времени прошло уже лет тридцать. За эти годы всё-таки, действительно кого-то из кумиров детства довелось услышать со сцены, но совсем не многих. И вот судьба сделала совершенно неожиданный подарок, тот, о котором даже и не мечтала. Увидеть в Мегионе замечательный, прославленный коллектив – вот уж никогда не думала, что наш город способен исполнить такую детскую мечту!

Концерт, который прозвучал в завершении торжественного собрания, посвящённого 40-летию Мегионской нефти для всего зрительного зала оказался приятнейшим сюрпризом, о котором знали только единицы, включая организатора этого выступления – М.Я. Занкиева.

В исполнении оркестра поразили несколько фактов. Во-первых, каждый музыкант владеет не одним музыкальным инструментом. Удивительно, как ловко и отработано во время исполнения плясового наигрыша балалаечник или домбрист вдруг отставляет в сторону свой инструмент и откуда-то, как из воздуха, появляются в руках то ложки, то свиристелки, то жалейки, то свирель. Да и на давно привычных инструментах вытворяют такое! Например, как домбристка Юлия Ми-

хайлова, ещё студентка Гнесинки, уже лауреат многих международных конкурсов. Вызвало восхищение её исполнение в качестве солистки произведения Цыганкова на тему цыганских мелодий. Совершенно мужская, бесстрашная техника в сочетании с чисто женской эмоциональностью дали совершенно невероятный эффект. Во-вторых – оказывается, оркестранты сами ещё и поют. Но в данном исполнении голос звучит не столько как хор, а скорее всего, как дополнительный музыкальный инструмент.

Программа, которую гости показали мегионцам состояла в основном из обработок русских народных песен, а также из произведений современных композиторов, написанных специально для русских народных оркестров. Но это лишь одно направление в творчестве коллектива. Классические произведения, работа с солистами занимают значительное место в деятельности «Русских узоров». Особенно важна работа с солистами, которые за счёт своего собственного репертуара, помогают расширить и без того огомнейший список исполняемых оркестром произведений.

Сотрудничать с таким коллективом считали за честь известнейшие российские певцы: Пётр Глубокий, Артур Изин, Татьяна Тугаринова, Маргарита Мегвал, Леонид Сметанников, Владимир Трошин, Людмила Рюмина, Мария Мордасова и многие, многие другие. С некоторыми из них записаны диски.

И вот – новый творческий союз – заслуженного, признанного оркестра и совсем молодой, делающей свои первые, но весьма уверенные шаги на сцене исполнительницы народных песен мегионки Ирины Бурликовой. В общем-то гастролы оркестра в нашем городе и состоялись благодаря совместной работе.

Среди нескольких песен, исполненных Ириной на этом концерте, особенно зацепила за сердце песня некрасовских казаков «Ай вы, цыгане»... Первая мысль – почему эта песня до сих пор оставалась неизвестной. Удивительно душевная мелодия, легко ложащиеся на сердце слова... Видно было, что и Ирине самой она очень нравится, настолько прочувство-

ванным было её исполнение.

Историю этой песни и ещё много других историй из жизни оркестра потом поведал создатель и неизменный художественный руководитель коллектива и дирижёр Владимир Александрович Зозуля. Удивительный и интереснейший человек, замечательный рассказчик, о котором требуется обстоятельный и совершенно особый рассказ. Единственное, что обязательно хочется сказать сейчас, так это то, что сами музыканты просто обожают своего руководителя и смотрят на него влюблёнными глазами.

Когда-то записи оркестра регулярно звучали по центральному советскому, а потом и российскому радио, нередко их можно было увидеть и на экране телевизора среди участников всяких торжественных концертов. Да только пластинок на государственной студии «Грамзаписи» было выпущено 14! При всех претензиях к ушедшему социалистическому строю, государство в то время осуществляло колоссальную поддержку искусству. Сейчас же всё гораздо сложнее. Однако, музыканты не жалуются и используют любую возможность показать своё высочайшее мастерство публике.

Показательным в этом смысле стал концерт в доме культуры «Сибирь» в посёлке Высокий, где собралось не более 70 зрителей. Обычно, столичные артисты при такой наполняемости просто отказываются давать концерт. А «Русские узоры» отыграли полную программу, да ещё и на бис вышли не один раз. Правда небольшое число зрителей с лихвой заполнили зал своими аплодисментами и огромным чувством признательности музыкантам за подаренное чудо настоящего искусства.

Татьяна ЮРГЕНСОН,
фото автора

Марина
БАРИЖОВА

(Окончание)

Глава VI

«К мосту! И-и-и ррраз!»...

Четырнадцатого августа неутомные туристы отправились дальше, к своей цели, коей был автотранспортный мост недалеко от Покачей. И первым этапом пути к нашей цели была Деревянная речка. Протока, которая выведет экспедицию к Агану. Мы на тяжеловесном рафе преодолевали бы этот маршрут несколько часов, если бы не Сергей Владимирович. Он отвёз большинство рюкзаков на то место, где нам предстояло перетаскиваться, а на обратном пути зацепил раф и протаскил его до завала на мосте. До Агана они все нас сопровождали: и Павел Янчевич, и Елизавета Даниловна, и Сергей Владимирович. Они помогли перетаскаться. Мы все обнялись и расцеловались с нашими друзьями. И хоть это была грустная сцена, но она по-

лучилась торжественной и искренней. Вера Алексеевна, улыбаясь, с умилением глядела на происходящее, а потом вдруг резко изменилась в лице и всплеснула руками.

— Эх, надо бы в камеру! Дайте мне мою камеру!

Мы немного постояли в нерешительности, а потом снова кинулись прощаться, уже под прицелом объективов камеры и фотоаппаратов. Павел Янчевич и Елизавета Даниловна специально для этой сцены облачились в национальные наряды. После ребята неохотно нагрузили вещи по плавсредствам. Всё-таки время не ждёт, надо двигаться дальше. И замелькали в воздухе ладошки отчаливающих, и зашумели ребячьи голоса. Они кричали: «До свидания». У русских есть обычай провожать взглядом уходящего, пока тот не скроется из виду. Ханты же отворачиваются почти сразу и уходят, пока гость ещё виден.

В тот день мы простились с четверыми. Ещё одним, кто не поплывёт дальше, был Максим Иванов. Его угораздило подцепить ангину, и Вера Алексеевна не рискнула подвергнуть его боль-

шей опасности. От этого всем делалось ещё грустнее. Максимка — душа компании, и расставаться с ним никому не хотелось. Больше всех переживала Маша, которая очень подружилась с Максимкой и называла его «младший братец». Зато Павел Янчевич был рад.

— Мака теперь наш! Мака остаётся с нами!

Он ласково называл его Макой, как и своего внука. Хоть Макс и хвастался, что будет в цивилизации раньше нас, было видно, что он жалеет о том, что так некстати заболел.

...И снова по Агану в далёкие края. Вот уж и путешествие подходит к концу, и грести мы более или менее научились, да и по дому соскучились. Тут-то на нас из-за угла напали злключения...

Первый несчастный случай произошёл на развилке. Белый квадрат мелькал слева, а более привлекательный обходной путь, приглашающий сократить расстояние, остался справа. Один из катамаранов, на котором восседали Кузя, два Сергея и зав. Антон, повернул направо, на разведку и на собственной шкуре испытал непригодность этого пути. Бананы сели на мель, и ребятам пришлось перетаскиваться по песчаному плёсу, и уже в конце этого мероприятия Антошка поскользнулся и напоролся на гвоздь, один из тех, что скрепляют соединительные жерди. Долго и громко выясняли, кто в этом виноват, и наконец Вера Алексеевна решила, что её гнева заслуживают старшие — Илья и Витя, которые не контролировали сбор катамаранов.

— Конечно, уселись двое опытных на один катамаран, — отчитывала парней наша руководительница. — На своём так гвозди заточили, а о детях и не подумали!

Илья утверждал, что указывал кому-то на гвозди, а остальные возмущённо оправдывались, что ничего подобного не слышали. Кончилось тем, что раненого завпита, предварительно обработав, пересадили на раф, а старшеньких рассредоточили по двум катамаранам, которые после этого сравнялись по проценту сильных гребцов. А у нас на рафте творилось что-то несусветное — плавучий госпиталь вперемежку с детским садом. Кроме горемычного Антона на борту были ещё двое, Сергей и Кузя, с порезанными пальцами, Лёша Мошкин с вывихнутой кистью и два малыша — Лёша Шагиахметов и Серёжа Шнайдер. Эта ситуация вынудила раф состыковаться с катамаранами и перегруппироваться. Выслушав все пожелания по этому поводу — а самым популярным было избавиться от Шагиахметова — Вера Алексеевна распорядилась пересадить младших на разные

ГДЕ-ТО НА АГАНЕ

катамараны. Илья и Витя тянули жребий, кто кому достанется — никто не хотел брать Лёшу, но он-таки достался Вите, а он церемониться не станет. На катамаране чудик присмирел и сразу научился грести... после того, как пару раз получил Витиным веслом под задницу. Уж не известно, какими методами помощник руководителя перевоспитывал доктора, что тот умудрился утопить свою тарелку. Вообще в этот день много что безвозвратно легло на дно Агана. После утраты тарелки у Ильи с ноги унырнул сапог, хороший такой сапог, резиновый. Он, как был в одежде, погрузился следом за беглецом и ничего не нашёл. Но этот неутомный турист не пожелал оставаться мокрым без пользы, а додумался постирать свитер прямо на себе. Но не долго Илья выполнял роль стиральной доски... Шёрк, шёрк...бульк!

— Ой! — вырвалось у Ильи.

— И минуты не продержалось, — вздохнула Вера Алексеевна.

Ещё один несчастный случай берёт своё начало в тех незапамятных временах, когда закупали продукты в экспедицию и не рассчитали чая и кофе. Положение усугубилось, когда мы собирались (как всегда в спешке, и поэтому очень медленно) на стойбище Сергея Владимировича. Об остатках кофе никто не позаботился, его легкомысленно записали в сумку с хлебом, не потрудившись спрятать банку в целлофановый пакетик и прижать легко слетающую крышку. А потом эту сумку спокойно отдали на раф, где всегда всё пинают.

А вечером, когда мы приближались к запланированному месту стоянки — следующему хантыйскому стойбищу, Антошке опять не повезло. Мы причалили к берегу и пошли обследовать местность на наличие стойбища, но его там не оказалось. Зато на горе обнаружилось много ягоды. Все полакомились и благополучно спустились с крутого склона, а завпит, горе луковое, наступил на осиное гнездо. Огромные мухи, которые оказались даже не осами, атаковали стремительно. Но Антон не мог убежать, его раненая нога не сгибалась. Конечно, мальчишки ринулись на помощь и спасли товарища, насильно стащив его с горы. Честное слово, братья Ивановы — это феномен. Они не могут без происшествий пережить разлуку. Стоило Максику заболеть и Антошку как подкосило. То гвоздь злополучный, то злобная муха.

Одним из участников нашей экс-

ИЛИ СВИХНУВШИЕСЯ БУДНИ НЕУГОМОННЫХ ТУРИСТОВ

педиции была Алёна Семенченко из Новоаганска. Она уже бывала раньше в этих местах, Алёна – внучка Павла Янчевича и у неё по всему Агану родственники. На стойбище её дяди и произошла следующая остановка.

Мы разбили лагерь в очень живописном месте: на крутом берегу, поросшем соснами. Я никогда не забуду заката, который порадовал нас тем вечером. Переходящие от нежного и светлого к тёмному, насыщенному, фиолетово-пурпурные облака, окаймлённые оранжево-золотистым заревом у горизонта и голубым небом сверху. Хочу отметить, что нигде я не замечала такого красивого неба, как на Севере. Ещё когда мы стояли в Новоаганске, оно рисовало незабываемые картины. Одна из них – сизое небо с полосой оранжевого тумана посередине, внутри которого заходящее золотое солнце прячется за клубы тёмно-синих облаков.

На следующее утро в наш лагерь пришли хозяева этих мест, Алёнины родственники. Они были очень приветливы (впрочем, как и все настоящие ханты), расспрашивали Веру Алексеевну о нашем дальнейшем пути и о том, что уже произошло, а она охотно рассказывала о приключениях неугомонных туристов.

Но не везде нам были рады.

Последней остановкой перед конечной целью должно было стать ещё одно стойбище, где жил Алёнин брат. Но, во-первых, это оказалось даже не стойбище, а что-то вроде небольшой деревеньки в лесу. А во-вторых, гостеприимства приёма нас там не ожидал. Жители уж очень боялись, что мы сожжём их имущество, их дома. Конечно, не все поселяне относились к нам с подозрением, но нам повезло наткнуться на одну из тех особ, которые предпочитали, чтобы незваные гости остановились где-нибудь в другом месте. Вера Алексеевна не удостоила взбалмошную женщину достойным ответом на возмущения по поводу того, чтобы «эти тут не ходили, а то залезут ещё...»

Мы разбили лагерь на другом берегу и следующий день посвятили стирке, рыбалке, писанию дневников и отдыху. Кто-то плавал на лёгких, разгруженных катамаранах и купался. А вечером нас посетил правобережный гость, муж той пугливой женщины, которая даже не хантыйка, а приезжая. Он приехал на моторной лодке, познакомиться с нами решил. Хант по хозяйски распорядился

поставить ему чай и расспросил о дальнейших планах. В отличие от своей жены, он хотел чем-нибудь помочь и предложил воспользоваться его телефоном, чтобы позвонить в Покачи и узнать насчёт автобуса. Также он пригласил нас в баню, но было уже поздно. В конце концов он извинился за всё.

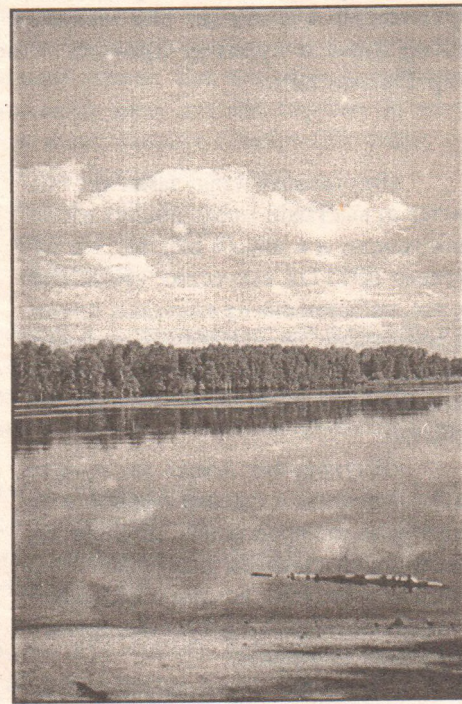
... – К мосту! И-и-и ррраз!.. – зычно крикнула Вера Алексеевна, разворачивая рафт носом к берегу. Последние десять километров сделали на одном дыхании. Вечер ещё не успел показаться на горизонте, как мы уже обжились на очередном новом месте. Оно было не очень живописным, но нам-то много не надо, было бы куда палатки поставить. Да и стоянка эта – последняя...

Беря в при мер прошлогоднюю экспедицию, Вера Алексеевна устроила нам праздник живота. Захватив с собой Илью с рюкзаком за плечами, она съездила в Покачи, договорилась там с водителем автобуса и накупила всяких вкусностей. Ильюха сначала смотреть не мог на апельсины, шоколадки и помидоры, такие тяжёлые в совокупности, но потом изменил своё мнение и с удовольствием прикончил свою долю продуктов, которые его заставили попотеть.

Вечером было весело. Многие изъявили желание блеснуть артистическим искусством и обрядились, кто во что горазд. Саня Грабовский вымазал всё лицо углём, одел чёрную шапочку и превратился в «негра России». Моргачёв приклеил себе ватную бороду, нарисовал синяки под глазами, откопал где-то широкополую шляпу и весь вечер ходил, прихрамывая. Лёша Шагиахметов, разукрашенный косметикой и с бантиком на лбу был внучкой «дедушки», а Серёжа Шнайдер весь в непонятных орнаментах был внуком. Дима Проболов, приукрасив себя добрым десятком шрамов, в грязных штанах и мятой футболке представился как «только что с войны». А его друг – «колобок» Кузя, не придумав ничего лучше, как «только что из зоны», напялил всё подряд и заломил зелёную фуражку козырьком назад. Но лучшим из всех, бесспорно, был признан костюм Лёши Мошкина. Он покрасил глаза и губы, соорудил себе чудные локоны из туалетной бумаги, выпросил у Маши девчоночий топик и стал прекрасной незнакомкой, которая носилась весь вечер по лагерю, удирая от толпы поклонников.. Впереди всех летел негр Саша и вопил:

– Ловите Мошкину!

Это был наш последний вечер вместе. В девять часов неугомонные туристы уже были возле дороги. Восседавая на груде рюкзаков, мы ждали автобуса, который должен был подойти к десяти. Это

первый случай в экспедиции, когда мы были готовы вовремя. Никто не знает, как это произошло. Может быть очень хотели домой, но, скорее всего, неправильно рассчитали время перетаскивания груза. Его казалось так много, а справились за две ходки. Да ещё Витя с Ильёй не давали завтрак тем, кто не сложил ещё свою палатку и не упаковал рюкзак.

Мальчишки горланили песни, кто-то разговаривал на такие темы, как «а вот я, когда приеду домой...» и «а помнишь...» Да... Кажется, вот только вчера был первый день – и всё уже позади. На какой-то миг стало невыносимо грустно...

...а потом подъехал автобус.

Эпилог

Всё когда-нибудь кончается. Кончилось и путешествие неугомонных туристов по Агану. Уже когда автобус подъезжал к Мегиону, все затихли и молча смотрели в окна. В такой момент, когда что-то подходит к концу, события прошедшего особенно ярко встают в памяти.

«... много хороших впечатлений, новые знакомства, встречи со старыми друзьями...»

Это было незабываемо.

НА ПРАРОДИНУ ИДУТ БОСИКОМ

В Ханты-Мансийске в рамках кинофестиваля «Дух огня» прошла выставка под названием «Внутренняя Азия». Интересный международный проект, который с 2001 года путешествует от Бишкека и Алматы до Уфы и Новосибирска, объединяет художников различных направлений и жанров, работающих в манере современного искусства. Автор идеи и куратор проекта – новосибирский искусствовед Владимир Назанский.

«Внутренняя Азия» заметно отличается от выставок, проходивших и в нашем городе, и в нашем округе. Это настолько ДРУГОЕ искусство, что далеко не все, побывавшие на выставке, приняли концепцию, предложенную авторами проекта. Тем не менее, сам факт открытия подобной выставки в округе – это уже событие.

«Внутренняя Азия» не просто крупное явление в художественной жизни региона, это провокация, катализатор, ускоряющий процессы творческой реакции. Раздражитель, который заставляет говорить не только об искусстве, хотя и о нём в первую очередь.

Это и стало темой нашей беседы с членом Творческого Союза художников России Юрием Бычковым, после его возвращения из Ханты-Мансийска.

Из рассказа художника Юрия Бычкова:

Замечательно, что такая выставка открылась в Ханты-Мансийске. Многие люди не знают, что такое концептуальное искусство. Музей Игошева, собрание Фонда поколений – это всё прекрасно, это всё имеет ценность, но надо двигаться вперед, надо искать какие-то новые подходы. Наступило другое время.

Жителям Ханты-Мансийска в этом смысле больше везёт. Я не знаю, ходят ли они на эти выставки или нет, но на открытии народу было порядочно.

Цитата из интернета:

«Немецкий художник Й Бойс более чем четверть века назад создал проект «Внутренняя Монголия», пытаясь передать духовное своеобразие Азии, используя такие традиционные материалы, как войлок. За прошедшие годы и в Центральной Азии, и в Сибири выросло поколение художников, способных на языке современного искусства рассказать о своём ощущении жизни, традиции, ценностях. Так родилась идея выставки «Внутренняя Азия», позволяющая сочетать глубину созерцательности с широкой ассоциативностью». (<http://tv.vsluh.ru/art.shtml?num=51352>)

Из рассказа художника Юрия Бычкова:

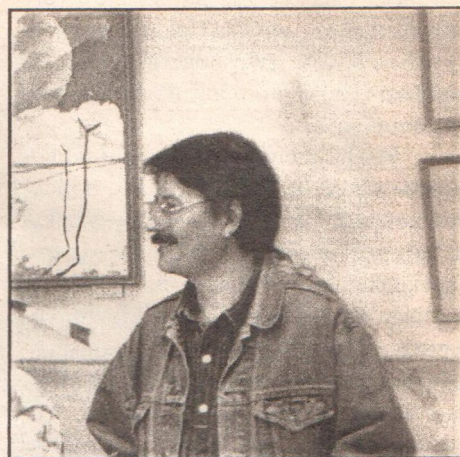
Эта «Внутренняя Азия» – северный вариант. Северные художники взяли в экспозицию. Из округа было представлено несколько человек: из Лангепаса, Сургута, из Ханты-Мансийска – Владимир Бугаев и Геннадий Райшев. Из нашего города (Нижевартовска) выставлялись работы двух художников – Людмилы Зуевой-Петровой и мои. Если выставка будет в другом месте, то в экспозицию будут включены другие художники. По-немножку черпается отовсюду, но есть основной костяк – это Данила Меньшиков из Новосибирска, Ренат Миннебаев из Уфы, из Петербурга – Владимир Фомичёв. Какие-то художники отходят, другие появляются, и это прекрасно. Нет никакой заостренности. Прослеживается определённая концепция, которой должны хотя бы немножко соответствовать работы. Но, разумеется, это не значит, что нужно «красить», как это делает, допустим, Данила Меньшиков или кто-то ещё...

Цитата из интернета:

«...сибирские кураторы объявляют тему игры и приглашают художников порефлексировать на тему метафизического образа Азии, поработать в семантическом пространстве заданной метафоры средствами современного искусства. «Внутренняя Азия» в данном контексте – не географическое, не этнографическое и не историческое понятие, а образ, принадлежащий художественному дискурсу». (<http://tv.vsluh.ru/art.shtml?id=1506&action=voterresult>).

Из рассказа художника Юрия Бычкова:

Они отошли не только от реализма, они отошли совершенно от натурализма, от рисования деревьев, человечков каких-то, хотя все образы хорошо чувствуются. Нужно иметь воображение. Если приходит человек, настроенный только на реалистичные пейзажи, он, конечно, ничего не увидит. Тексты, символы, знаки – они превалируют на этой

выставке. Там нужно выключить сознание и проникнуться совсем другим взглядом. На уровне чувств, не на уровне зрительного ряда. Мне кажется, для «Внутренней Азии» нужно иметь другой внутренний мир.

Что тут лукавить, я посмотрел на свои работы, на Люсины работы – я не знаю, за что нас взяли, у нас всё равно присутствует предметность. Ну, раз взяли, значит мы чем-то подходим, и спасибо. Вот Геннадий Райшев – он определённо соответствует этому уровню...

Цитата из интернета:

«Идея выставки «Внутренняя Азия. Северная версия» – показать средствами современного искусства духовное своеобразие народов Севера. Одной из задач выставки является попытка открыть носителям «городского сознания» тысячелетний духовный опыт народов Югры в сравнении с опытом других народов Внутренней северной Азии». (<http://tv.vsluh.ru/art.shtml?num=51352>).

Из рассказа художника Юрия Бычкова:

Володя Бугаев очень хороший художник, вместе с женой Лидой Бугаевой он занимается архетипами. И вот посреди зала Володя расстелил бумагу, калечку метров десять, краска была натёрта на дощечку. И два студента прошли босыми ногами по этой калечке. И на бумаге оставались следы босых ног. «Путь на прародину» это называлось. А за ними все остальные пошли... Конечно, хорошо было бы, если бы все шли босиком, тогда бы смысл сохранился. А так полчились ботинки, какая-то реклама изделий разных фабрик. Конечно, для нашей публики непривычно такое действие на выставке...

Что ещё? Музыкальное сопровождение...

дение было интересное. И в зале стояли телевизионные блоки, где демонстрировали предыдущие выставки «Внутренней Азии»

Получалась некая связь между прошлым и настоящим.

Цитата из интернета:

«Экспозиция включает в себя живопись, графику (оригинальную, печатную, компьютерную), фотографию и даже скульптуру. Многие художники представили на выставке серии работ, посвящённых их субъективному видению Азии. Например, это «Молитвы» Сергея Брюханова из Нижнего Тагила. Это и работы Рината Миннебаева (Уфа) из серии «Рождение мифа» и многие другие.

Техника в живописи довольно разнообразная: цветная гравюра на рубероиде, акрил, литография, авторское литьё, гофрированный картон, карандаш на оргалите, коллаж или смешанная техника, как, например, в работе «Архаика» Александра Бобкина (Нидерланды).

Фотографии на выставке необычные, они отражают внутреннее видение художниками окружающей действительности. Показательны в этом плане работы Франциско Инфантэ (Москва) – «Артефакты» из серии «Добавления», которые можно охарактеризовать термином «Абстрактная фотография». (<http://bashvest.bashinform.ru/showinf.php?nid=1506&action=votersult>).

Из рассказа художника Юрия Бычкова:

В городе Сургуте есть муниципальная галерея, которая ведёт проекты независимо от художественного музея, от краеведческого музея. Директор галереи Лариса Гурова познакомилась с Владимиром Назанским, и родилась идея осуществить проект «Внутренняя Азия» здесь. После Ханты-Мансийска в апреле выставка откроется в Сургуте.

В Сургуте художественная жизнь бьётся благодаря директору галереи, её сотрудникам. Они ещё не замороченные, есть у них энтузиазм. И это всё делается ради людей. Недавно там была прекрасная большая выставка Райшева в художественном музее. Тот же Владимир Назанский привозил группу современных петербургских художников.

Что мешает делать в Нижневартовске такие проекты? Не знаю... Наверное, нужна инициатива всех, кто в этом заинтересован.

Цитата из интернета:

«Говоря проще, цель проекта – в

преодолении расовых разногласий, религиозной разобщённости общества. Он призван напомнить о том, что все люди братья, и тем самым способствовать восстановлению «прерванных культурных связей в евразийском пространстве». (<http://bashvest.bashinform.ru/showinf.php?nid=1506&action=votersult>).

Из рассказа художника Юрия Бычкова:

Был «круглый стол», собрались и чиновники от культуры, и художники из разных союзов. Но, не получилось...

Единения не получилось. Был просто обмен информацией: приехавшие делились новыми проектами. Но это неизбежно, никогда единения не будет, у всех разные направления, разные цели и задачи. Хотя, все эти союзы есть общественные организации, они все равноправны. Кроме художников были искусствоведы, например, Елена Шипицына из Челябинска, а вот местных искусствоведов не было... Конечно, добираться до Ханты-Мансийска непросто, но кто хотел, кому было интересно, тот доехал.

Было бы здорово, но на это никто не пойдёт, конечно, разделить выставку и отправить в разные города: в Нижневартовск, в Когалым, в Лангепас, как делали с «Югрой художественной», тогда бы больше людей смогла бы её увидеть. Даже небольшие части выставки несли бы цельность внутреннего наполнения...

Цитата из интернета:

«Внутренняя Азия здесь не только географическое, сколько метафизическое понятие. Выставка является результатом творческой рефлексии авторов, объединённых общностью художественного сознания». (<http://www.pereplet.ru/cgi/news.cgi?id=1621/>)

Из рассказа художника Юрия Бычкова:

Принципиально для художника: осознать – кто ты есть. Владимир Арзамасов (есть такой художник в Сургуте) как-то сказал: «У художника выбора нет». Меня так это поразило. Нет у него выбора... Или он художник, или он не художник. И он должен этим заниматься, неважно – тяжела жизнь или нет. Это страшные слова. Я постоянно с этими словами пытаюсь бороться, никак не получается. Потому что оно внутри тебя сидит, из-за этого ничего не складывается.

Когда меня спрашивают, вы кто – художник-график или живописец, я говорю: «я не знаю – я просто творчеством занимаюсь». Вот сегодня пришло озарение вырубить топором доску – этим и надо заниматься. А иначе ты становишься высококлассным ремесленником. Из тебя дух уходит.

Что произошло после «Внутренней Азии?» Очень сильный толчок. У меня уже четыре дня в голове сидят новые работы. Вчера вот пошел в управление культуры отчитаться за билеты и по дороге зарисовал работу, которую хочу сделать...

Летом будет триеннале в Уфе. Постараемся поучаствовать, есть информация о выставке в Румынии, но это уже мини-графика. Зимой открылась выставка мини-гравюры в г. Лиль, во Франции, где участвовали мы с Люсей Зуевой и Сашей Почежерцевым и двое наших студентов. Прошла выставка экслибриса в Хорватии, в Италии. В каталоге – мы в списках, а Люсины работы – напечатаны. Жизнь продолжается...

Иногда, правда, бывает немного обидно, потому что не только Малетин бьётся на ринге под именем города Нижневартовска. Вот Людмила Зуева, она участвовала во многих международных выставках: в Бельгии, в Турции трижды, в Италии, но об этом почему-то мало кто знает...

Искусство не спорт. Нет первого художника или второго художника. Есть индивидуальное творчество. Но мы, участвуя в международных выставках, тоже защищаем честь города Нижневартовска и округа.

Записала Людмила МАНЧИНОВА

ВСЕ ВЕЛИКИЕ ХУДОЖНИКИ КОГДА-ТО БЫЛИ МАЛЕНЬКИМИ

Вот и завершился учебный год в Детской художественной школе, и мы вместе с ребятами стали ещё взрослее. Выпорхнули из гнезда Художки, как птицы-краски, ребята-выпускники. А ведь ещё совсем недавно происходило такое! В коридорах, в классах стоял неугомонный шум, безостановочный стук молотка, запах лака, краски, клея, слышался безудержный смех – радость от удачной работы, и были слёзы и вздохи переживаний из-за ошибок.

Дипломная работа – завершающий этап учёбы в художественной школе, поэтому важным моментом является выбор темы и техники её исполнения. «Когда сбываются мечты», «Воспоминания о лете», «Мои друзья», «Образ: утро, день, ночь», «Мир цветов», «Подводный мир», «Дымковская игрушка», «Встреча с античным миром», «Сердце города», «Экслибрис», «Праздник праздников», «Времена года», «Свадьба на земле Югорской», комиксы: «Весёлые картинки о художке», «Пословицы и поговор-

боты, скромность и ученическую несмелость можно было увидеть лишь изредка.

Вышитые картины Кати Бабицкой и Саши Олениковой удивили поистине титанической работой по сложности и времени исполнения. Сорок четыре тысячи стежков нужно было вышить Кате по канве прежде чем родилась работа «Ипатьевский монастырь». Саша вышила три работы на тему: «Этот удивительный разнообразный животный мир».

Блестяще прошла защита Зины Щербачевой, которая представила диптих «Моё слово за жизнь». Плакат и сейчас занимает главную роль в агитации за здоровый образ жизни. Ещё одна серия экологических плакатов была представлена Ксенией Летягиной в защиту исчезающих видов животных.

В стремлении выразить свою внутреннюю свободу был отмечен за мастерство исполнения морского пейзажа Марсель Шайхиев.

На протяжении всех четырёх лет обучения двое моих следующих героинь были самыми активными участниками выставок самого разного уровня. Их работы на окружных, региональных конкурсах составляли конкуренцию и всегда завоёвывали призовые места. Это Лена Берёзкина и Юлия Иволгина. Их дипломные работы и сейчас несколько отличались от других не сколько в сравнении с качеством техники исполнения, сколько глубоким смыслом и индивидуальным мироощущением.

Натюрморт – это самый интересный и содержательный жанр изобразительного искусства. Большое внимание на уроках ДХШ отводится построению и анализу композиционного и цветового решения. Натюрморт – это познание окружающей среды, соотношение творчества со временем. Поэтому так много ребят выбрали этот жанр. Натюрморты Чулпан Муратбакиевой в тёплом и холодном колорите в технике масляной живописи выразили отношение и любовь к сибирской природе. Алёна Давыденко создала натюрморт из атрибутов художника, деревенский натюрморт на фоне открытого окна написала Света Исякина, а вот пасхальный с куличами и писанками удался Кате Горлановой.

Третий год в нашей школе ведётся предмет – «компьютерная графика». И Юлия Васина, Андрей Писарук, Миша Беспозванных выбрали эту сложную по исполнению тех-

нику для своих дипломных работ.

Не ослабевает у наших юных художников интерес к декоративно-прикладному искусству. На этот раз Римма Урвачёва и Мария Негодина выбрали панно в технике росписи по шёлку – батик. Натюрморт, как творческая лаборатория художника представлен в гобелене Ксенией Асылбаевой, Юли Максимовой, Александры Завалишиной, в изонити Миляуши Муртазиной. Здесь переплелись традиции и новаторство.

ки», «Сердце города»... акварель, гуашь, масло, батик, коллаж, гобелен, лоскутная аппликация, керамика, витраж, вышивка крестом, линогравюра, изонить, компьютерная графика, пастель, тушь – вот такой арсенал техник и богатство фантазии комиссия увидела на защите.

Хорошо зная этих ребят, давно наблюдая за их работой, было интересно увидеть результат их стараний. Восемьдесят семь работ просмотрела экзаменационная комиссия в составе преподавателей ДХШ, школ искусств города. В этом году на защиту приехали преподаватели из школы искусств г. Нефтеюганска для обмена опытом.

Год от года усложняются требования к выполняемым работам. 42 выпускника продемонстрировали новый взгляд, смелость, оригинальность и хороший уровень исполнения. Силу и мастерство яркость и дерзость выражали многие ра-

«Живопись сильнее, чем я. Она вынуждает меня делать то, что хочет она» – слова Пикассо применимы к серии портретов Кристины Черкашевой. Автопортрет и портрет одноклассника Марата Закирова выполнила Кристина в масляной живописи, удачно сочетая позу, цвет с характеристикой внутреннего мира. Сам Марат Закиров выбрал комиксы, сюжеты которых взяты им из жизни класса, из личных наблюдений. Весь год Марат вёл дневник, где фиксировал самые интересные сюжеты и истории, в итоге вышла очень интересная книга.

Понятие «дизайн» всё чаще входит в обиход ДХШ. Сочетая подчас несочетаемое – кожу, глину, ткань, дерево, монтажную пену, шнур, природные материалы, фоторепродукции Катя Ванина, Оксана Доброва, Юлия Яковлева, Лариса Тричева показали поистине дизайнерские находки в передаче формы, смысла, идеи в коллажах на разные темы.

Юлия и Дима Виноградовы создали серию ваз, которую объединило пан-

ХУДОЖНИКОВ

но из фрагментов керамики. Созданная для оформления интерьера работа дала цельное ощущение чувств и настроения, которые только можно передать в керамике.

Не угасает интерес и к прошлому. Алёна Аминова выполнила серию игрушек на тему: «Современные вариации на тему дымковской игрушки». Дымка предстала как в традиционной объёмной форме, так и в рельефных панно.

В искусстве существуют вечные темы – материнство, любовь. Оксана Ру-

дик выполнила живописные работы на тему «Мир детства». Но, пожалуй, самый сложный из жанров – это сюжетно-тематическая композиция. Даже профессиональному художнику сложно выразить тему, мысли, события. Евгению Климову, Юле Сафаровой, Марии Мунтян, Кате Тексеевой это удалось.

Природа, её широта и одухотворённость служит неисчерпаемым источником творческого вдохновения. И свидетельством тому – работы пленэрного характера Наташи Кузьминой. Летний пейзаж с лесистыми даями, полями в каскаде облаков и туч передаёт красоту и умиротворённость человеческой души, общающейся с природой. А вот пейзаж Яны Замеровой передаёт графичность дерева, строгую классику природы средней полосы.

Выставка дипломных работ открыла для зрителя творчество талантливых юных художников, которые вскоре, хотелось бы думать, расширят в Мегионе художественную среду. Ведь все великие художники когда-то были маленькими. А искусство в современном, противоречивом и быстро меняющемся мире всё равно останется ИСКУССТВОМ!

Фатима ХАЗЫРОВА

**Герои
портретной
галереи**

Почётные жители города и ветераны труда, те кто оставил заметный след в жизни города – Владимир Абазаров, Анатолий Кузьмин, Наталья Цыбизова, Иван Рынковой, Григорий Норкин, Надежда Шлыкова, Петр Анисимов, Владимир Юрьев, Юрий Ярошенко и Виктор Винокуров – стали героями портретов, выполненных нашей замечательной художницей Альфиёй Мухаметовой.

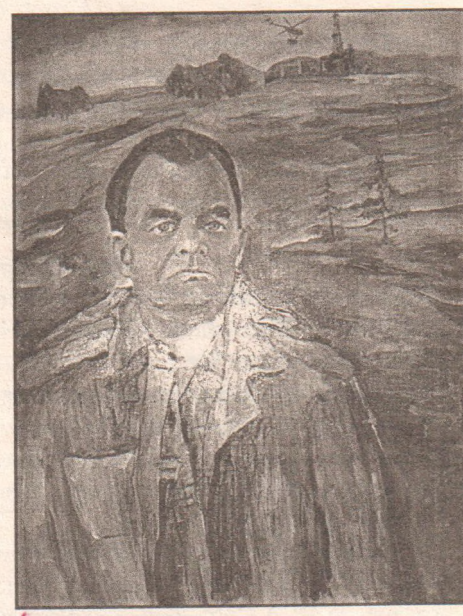
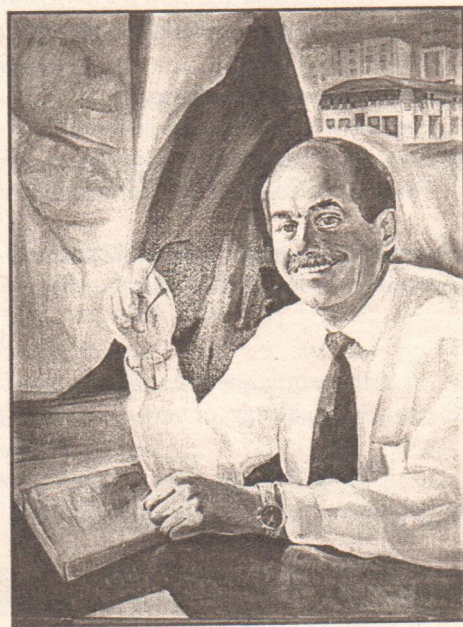
Торжественное открытие галереи произошло 19 июня в дни празднования городских юбилейных дат и привлекло очень большое внимание общественности города. В открытии галереи приняли участие самые высокие гости праздника, а также ветераны и жители города. В торжественной обстановке прозвучали слова благодарности ветеранам. В ответном слове, которое произнесла дочь В.А. Абазарова Татьяна, прозвучала признательность руководству города за память о заслуженных людях и за организацию такого праздника.

Впечатляет темп, с которым работала художница. Все десять портретов ею выполнены в течении месяца. По признанию самой Альфеи, задача перед ней стояла очень сложная, но и безумно интересная. К сожалению, не все, достойные увековечивания, ещё живы. Некоторые образы пришлось создавать по фотографиям, опираясь на воспоминания друзей и близких. Но всё-таки большую часть героев удалось написать с натуры. «Это было замечательное общение!» – сказала Альфия Фахриттиновна.

В жанре портрета у А.Ф. Мухаметовой работа далеко не первая. В своё время ей уже написаны портреты замечательных деятелей культуры города. Самыми первыми же были портреты жителей одного из национальных посёлков округа. Среди них, наверное, самый известный «Утчани. Белая бабушка».

Однако работа над созданием образов лучших людей города не завершена. В планах – продолжение создания портретной галереи. И следующие десять полотен будут написаны к 25-летию Мегиона.

На фото:
А.Ф. Мухаметова с героями своих портретов.
Портрет А.М. Кузьмина.
Портрет Г.И. Норкина.
Интервью для прессы

Наша Африка

ЮГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

объявляет

Набор студентов на факультет «Обско-угорской филологии» по специальности «Родной язык и литература» (квалификация – учитель родного языка и литературы, срок обучения 5 лет)

Специализация: «Искусство актёра национального театра».

Вступительные испытания:

1. Русский язык (экзамен в форме ЕГЭ) – профильный;
2. Экзамен по выбору: литература или родной язык (устно);
3. Творческий конкурс (на специализацию «Искусство актёра национального театра»)

Порядок проведения вступительного испытания по специализации «Искусство актёра национального театра»

Профильный экзамен по творческому конкурсу состоит из пяти разделов:

1. Выразительное чтение стихотворения.

Чтение стихотворения должно быть чётким, громким, внятным, дикционно грамотным. Должны быть правильно обозначены логические ударения, от чего будет зависеть смысловое значение стиха.

2. Выразительное чтение прозаического отрывка наизусть.

Прозаический отрывок желательно взять из классической литературы. Чтение должно быть интонационно грамотное, с правильными логическими, смысловыми ударениями и знаками препинания.

3. Обязательное чтение басни.

Чтение басни отличается от чтения стиха и прозаического отрывка тем, что чтение басни должно разыгрываться в лицах. Абитуриенты должны перевоплотиться несколько раз в героя, от лица которого производятся реплики или монолог. Чтение басни является самым необходимым для поступления на эту специализацию.

4. Исполнение вокального номера.

В этом испытании нужно спеть песню или произведение любого музыкального жанра. В нём проверяются музыкальные данные абитуриента и музыкальный слух. Если абитуриент владеет любым музыкальным инструментом, то можно исполнить номер на музыкальном инструменте или аккомпанировать себе во время исполнения вокального номера.

5. Исполнение танцевального номера.

Исполнение танца может быть любого жанра – современный, бальный, национальный, классический. В этом испытании проверяются ритмические и хореографические возможности.

Перечень документов, предоставляемых в приёмную комиссию:

1. Заявление (заполняется бланк установленной формы).
2. Документ об образовании (подлинник или заверенная копия).
3. Шесть фотографий 3*4.
4. Документы, подтверждающие право на внеконкурсное зачисление, льготы, установленные законодательством РФ.
5. Рекомендуются предоставить в приёмную комиссию медицинскую справку по форме 86-У, которая должна иметь печать поликлиники и быть датирована 2004 годом.
6. Документы, подтверждающие гражданство РФ.
7. Паспорт предъявляется лично.
8. Поступающие, на включённые в эксперимент по проведению Единого государственного экзамена (ЕГЭ) Специальности, кроме установленного перечня документов, предоставляются оригиналы или заверенную в установленном порядке копию свидетельства о результатах ЕГЭ. Свидетельство о результатах ЕГЭ может быть направлено в приёмную комиссию заказным письмом.

Документы принимаются до 15 июля. Вступительные экзамены с 16 по 31 июля. Зачисления с 5 августа.

Дополнительную информацию можно получить по телефонам 8 (34671) 3-54-64, 3-54-63

культурно-просветительская газета

Учредитель газеты
Комитет по связям
с общественностью

Администрации муниципального
образования г. Мегйон

тел. 3-58-71

ул. Нефтяников, 8.

Главный редактор
Татьяна Юргенсон

Газета отпечатана в полиграфическом издательстве «Прибыль»
г. Нижневартовск, п. Дивный, 13. Телефон: 63-41-34

При перепечатке ссылка обязательна

Тираж 999